ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.1996

Финно-угроведение, 1996, № 2

Научный журнал.
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В. А. Балашов, В. Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, А. Н. Ракин, В. В. Седов, В. С. Соловьев,
Д. В. Цыганкин

67052
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Л. Клима. Древняя история венгров и их национальное сознание 3
Л. Макаров. Язычество и христианство в духовной жизни населения Камско-Вятского междуречья в период развитого и позднего средневековья 23
Т. Никитина. К вопросу об истоках марийского этноса 50
Е. Цыпанов. Потенции коми литературного языка и языковая политика .. 67
Р. Игнаева. Способы выражения категории количества именами числительными в марийском языке 79

СООБЩЕНИЯ

И. Добродомов. О мерянском названии коровы (источниковедение и этимология) 85
И. Галкин. Происхождение и развитие значений некоторых марийских слов 92
О. Курс. Основы языкового планирования (на примере эстонского языка) 98
Т. Амельченко. Еще раз об инфинитиве на *-аш* 103

ПЕРСОНАЛИИ

И. Жеребцов. Этнограф Любомир Жеребцов 108
Л. Клима. Петеру Домокошу — 60 лет 123

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г. Айплатов, А. Иванов. Рец.: Гришкина М. В. Удмурты: Этюды из истории IX—XIX вв. Ижевск, 1994. 168 с. 129
О. Курс. Рец.: Kulu, Hill. Eestlased maailmas: ülevaade arvukusest ja paiknemisest.— Кулу, Хилл. Эстонцы в мире: обзор о численности и расселении. Тарту: Тартуский университет, 1992. 155 с. 134
Н. Мокшин. Рец.: Полубояров М. С. Мокша, Сура и другие... М., 1992. 198 с. 137
К. Сануков. Рец.: В. И. Рыбалка. Побратимы. Марийско-венгерское сотрудничество в 1971-1996 гг. Йошкар Ола, 1996. 128 с. 140
И. Галкин, А. Ефремов. Памяти Леонида Петровича Грузова (1931—1996) . 143
Сведения об авторах 147

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

СТАТЬИ

Ласло Клима
Будапешт

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ВЕНГРОВ И ИХ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ*

Венгры — люди гордые. Спросите любого, он гордо согласится, что он венгр. Если спросить о причинах гордости, люди, как правило, будут ссылаться на то, что венгры — хорошие спортсмены, у них большие достижения в науке, и за ними славное прошлое. Из этносов, пришедших в Европу во время переселения народов, одни венгры оказались способны создать государство. Каждый венгр гордится тем, что это государство существует уже 1100 лет, все знают выдающиеся события венгерской истории. А говоря о периоде, предшествовавшем созданию венгерского государства, обязательно будут подчеркивать, что венгры являются потомками гуннов, покоривших мир, и вся Европа была в страхе перед ними.

Изучение связи древней истории и национального сознания мы должны начать с первых работ по истории, с венгерских хроник. В первые столетия после создания венгерского государства в Венгрии укрепилась христианская церковь, и самые образованные представители духовенства, как везде в Европе, и у нас завоевали руководящую роль в ведении государственных и придворных дел. На них легла задача написать историю венгров. Составители хроник в своей работе руководствовались двумя привязанностями. С одной стороны, христианским образованием, углубленным в разных университетах Европы, с другой стороны, венгерской народной культурой, знание которой получили с отрочества, или если они были иноземного происхождения, что среди высших чинов духовенства было не

---

* Данная работа является текстом лекции, прочитанной в августе 1994 г. в городе Сомбатхее на летних курсах. Мне не хотелось обременять своих слушателей перечнем источников лекции. Однако для читателей письменной публикации назову авторов использованных произведений: в подготовке лекции я использовал статьи и книги Петера Домокоша, Дьердя Дьёрффи, Петера Хайду, Яноша Хорвата, Йожефа Саудера, Енс Сюча, Лайоша Вегвари, Вильмоша Фойгта и Миклоша Жираи.

редкостью, узнавали в ходе своей профессиональной деятельности. Филологические проблемы наших хроник уже достаточно изучены исследователями средних веков. В кругу специалистов существует согласие относительно авторов, хронологии возникновения отдельных произведений, соотношения отдельных хроник, приблизительной реконструкции хроник, потерявшихся полностью или частично.

Хроника Анонимуса, «Геста Хунгарорум», может быть наиболее широко известная, наглядно иллюстрирует вышесказанное. Автор, по всей вероятности, был нотариусом короля Белы III, и таким образом есть возможность считать, что его произведение возникло в конце XII столетия. Из предисловия выясняется, что автор написал ее по просьбе друга, с которым он раньше учился вместе в университете. По общему мнению исследователей, местом этой совместной учебы мог быть город Париж. Анонимус, или как он называет себя, мастер П., руководствовался целью написать современное произведение, то есть использовать работы авторов-классиков и передать свое сообщение в модном жанре современности, в форме романа-гесты. Поэтому его работа содержит много неправды, событий, никогда не совершавшихся, выдуманных автором. В то же время из предисловия выясняется и то, что Анонимус использовал и народные предания о древней истории венгров. Он был не самым первым автором наших хроник. Первую хронику венгров начали писать приблизительно на пятьдесят лет раньше, но она, к сожалению, пропала. Как уже указывалось, с исторической точки зрения работа Анонимуса не самая лучшая. Но у него впервые появляется гипотеза о родственности гуннов и венгров. Она не могла присутствовать в коллективной памяти венгров. И Анонимус пишет не о родственности двух народов, он рассуждает о том, что от первого короля скифов Могога происходил король гуннов Аттила и позже Юдек, отец венгерского короля Альмоша. Поскольку эта идея — не выдумка Анонимуса, то, наверное, в ней фиксируется династическое предание дома Арпадов.

Сказания о былых временах сохранились не только в памяти простых людей, были лица, обязанностью которых было сохранение данных историй и их чтение по поводу торжественных случаев в присутствии многих людей. Деятельность профессиональных сказителей доказывает, что для венгров в самые ранние времена (во время обретения родины), по всей вероятности, прошлое имело большое значение: славные поступки предков уже в те времена воодушевляли людей. В некоторых случаях Анонимус несомненно работал по этим мотивам.

В одном из сказаний, сохраненных Анонимусом, говорится о сне Эмеше. Она была дочерью уже упомянутого князя Юдека. Однажды во сне перед ней появился турул, и она зачала от него ребенка. Турул — часто встречаемая в венгерской мифологии хищная птица,

его название идет от тюркского слова *тогрул* «сокол». Эмеше во сне как будто видела и то, что от этого ребенка будет идти череда славных королей, но они будут господствовать не на теперешнем месте жительства. Будущему ребенку именно по этой причине дали имя Альмош («сонный, сонливый»). Данная история, как и сказание о родстве с гуннским королем Аттилой, говорит о владетелях власти. Такие истории, видимо, рождались по поводу какого-то празднества в королевском дворе и распространялись в народе певцами.

Однако венгерское королевство нуждалось не только в теории возникновения власти его королей от наиболее почитаемых предков: от короля гуннов Аттилы или от мифического существа птицы-турул, но и в том, чтобы показать законной его власть в районе Карпат и укрепить в народе сознание подданности государю. Эту задачу историки решили с помощью древней истории, включив в хронику сказания о белом коне. Сказание о белом коне, вероятно, фигурировало в первой гесте, написанной в середине XI века, но, к сожалению, потерянной. В истории говорится о том, что посланники венгров, пришедших в район Карпат, просят у князя Святоплука, владеющего территорией, землю, траву и воду, за которые платят красиво взнузданной лошадью. Ничего не подозревающий Святоплук попадает в ловушку, и сделка осуществляется. После этого врываются венгерские войска и выгоняют Святоплука и его народ, ссылаясь на то, что его страну законно купили под видом земли, воды и травы.

С точки зрения формирования национального сознания венгров из исторических работ раннего феодализма наиболее значительной является работа Шимона Кезаи. Он написал свою хронику в конце XIII столетия, в ней он дальше развивал теорию о родстве короля гуннов Аттилы и венгерской царствующей фамилии. По Кезаи, общее происхождение уже имеют не царствующие фамилии, а народы гуннский и венгерский. По сказанию, два народа происходят от двух братьев, от Гунора и Мадьяра. Однажды, во время охоты на оленя, два брата с товарищами попали в болота Меотиса (Азовского моря), где они хорошо себя чувствовали, и поселились. На шестом году, находясь в походе, они нашли женщин и девушек, оставленных без надзора, среди которых были дочери аланского князя Дулы. На одной из них женился Гунор, на другой — Мадьяр. От них происходят гунны и их потомки, венгры.

К значению данной истории вернемся ниже, но до этого рассмотрим события венгерской древней истории, которые, может быть, сохранила для хроники венгерская народная традиция. О подвигах вождей периода от обретения родины венграми до создания государства, наверное, имелись устные предания. Хроники сохранили из них сказания о Ботонде и Лехеле. Ботонд и Лехел одинаково

были выдающимися вождями эпохи набегов. По сказанию, Ботонд огромной булавой разбил градские ворота города Византии и в поединке победил очень сильного византийского воина. Сказание о Лехеле связано с одним из неудачных походов венгров. В 955 году немецкий король Отто I побеждает венгерские войска, расположившиеся лагерем под городом Аугсбургом, а спасающихся бегством вождей берет в плен и казнит. В другом сказании рассказывается, что Лехел (по некоторым хроникам Лел) в последнем желании просит потрубить в свою трубу, но перед тем, как трубить, он смертельно бьет по голове немецкого государя и говорит ему: «Ты пойдешь передо мной и будешь служить мне в потустороннем мире».

Реальность данных историй изучается несколькими отраслями науки. Действующие лица преданий времен обретения родины и последующего периода — реальные лица, их имена сохранились и в географических названиях Карпатского региона. Но многие события в большинстве случаев являются уже результатом фантазии. В них присутствуют международные странствующие мотивы, которые тоже являются предметом изучения фольклористов. С данной точки зрения в работе Шимона Кезаи наибольший интерес представляет охота на оленя Гунора и Мадьяра. Подобные сказания известны на разных территориях Евразии. По мнению исследователей, Кезаи нашел ее описание в хронике готского историка Иордана, как сказания о происхождении гуннов. Предполагается, что подобное сказание могло существовать и в связи с происхождением венгров, поэтому Кезаи связал происхождение двух народов. Историю двух братьев, охотящихся на оленя, знали и саами. Работа саамского автора Иоханна Тури важна с этой точки зрения потому, что она связывает историю с формой отдельных созвездий, с изменениями созвездий по временам года. Несомненно, есть основание говорить, что история охоты на оленя Гунора и Мадьяра в действительности является частью евроазиатского космогонического мифа.

Пять преданий, коротко здесь показанных, и оставшиеся одно-два, о которых не говорилось, представляют взаимосвязь древней истории с венгерским героическим эпосом. Наверное, было известно значительно больше преданий, но для их сохранения не было благоприятных условий в раннем венгерском государстве. Первые столетия после создания государства были эпохой внедрения христианской веры и культуры. В этом периоде говорить о языческом прошлом, поддерживать память о нем считалось нежелательным. Только после укрепления христианского венгерского государства стало возможным собрать оставшиеся крохи прошлого. Этот период начинается с конца XII столетия. В XIII веке одна за другой пишутся различные хроники. Каждая из них носит на себе отпечаток

данной политической ситуации, отражает политические намерения автора и заказчика. С этого времени можно констатировать в хрониках сочетание истории и повседневных политических интересов. Например, Анонимус писал свою работу не по заказу государя, но с определенной политической целью. Приукрашиванием прошлого он пробовал защитить интересы старого дворянства, теряющего свою власть. Сам Кезаи был придворным священником одного из самых противоречивых венгерских королей Ласло IV, который открыто симпатизировал языческим идеям. Свою сестру он высвободил из монастыря осадой. Не случайно, что идея родства гуннского и венгерского народов возникла в его время. Его царствование благоприятствовало восхвалению венгров-язычников периода, предшествовавшего созданию государства.

Несколько точек зрения по проблеме наталкивает на расширение понятия древней истории, принятого в венгерской историографии. И действительно, может представлять интерес не исключительно влияние древней истории на национальное сознание, а вхождение, вернее, временами сознательное внедрение в мышление венгерского народа славных эпизодов далекого прошлого. Жанр героического эпоса продолжал существовать и после создания государства, главной ареной его исполнения, видимо, был королевский двор. Носители и творцы традиции героического эпоса — идет ли речь о профессиональных придворных певцах или о сказителях, живших среди народа и становившихся знаменитыми — разработали и дальнейшие трактовки событий нашей истории.

В венгерском средневековом эпосе особую группу представляют сказания о Ласло Святом. Король Ласло правил с 1077 по 1095 годы, его принято называть венгерским королем-рыцарем. Рыцарская культура была в расцвете в Венгрии в XIV столетии, во время правления королей из дома Анжу, позже из дома Люксембургского. В это время, особенно во время царствования Лайоша (1342—1382), славные деяния короля Ласло популяризировала официальная пропаганда. Его славу усиливало и то условие, что он был инициатором причисления к лику святых первого нашего короля Иштвана (правил с 997 по 1038 годы). Ласло отрыл гроб Иштвана. Событие сопровождалось множеством чудес, например: исцелением неизлечимых больных. О короле Ласло возникло множество сказаний, некоторые из них несомненно христианского и церковного происхождения. Однако имеются сказания, сохранившие дохристианские мотивы. Такие, например, как деньги святого Ласло, трава святого Ласло и также борьба святого Ласло с куманским бойцом, похитившим девушку. За последней историей скрывается дуалистический миф о постоянной борьбе добра и зла. Для официальной пропаганды времени Анжу

особенно любимым был этот поединок. Многие его изображения известны на церковных фресках. Фрески рассказывают о вечной борьбе добра и зла, света и тьмы в пяти сценах, из которых сцены, следующие за первой, одновременно являются и символом четырех времен года. С помощью популяризации данной истории венгерское христианское королевство умело доводило до сознания народа, что в вечной борьбе добра и зла с добром можно отождествлять выдающегося венгерского представителя, короля святого Ласло.

Среди тем венгерского героического эпоса обязательно надо упомянуть о сказаниях, связанных с нашествием татар в 1241—1242 гг., сказаниях о членах семьи Хуняди, особенно о короле Матьяше (правил с 1458 по 1490 гг.), о сказаниях эпохи турецкого ига, а также о сказании о богатыре Тольди. Исторические сказания древнеисторического периода и времени феодализма в нашем национальном сознании тесно связаны и в XIX столетии, во время национального пробуждения, они вместе появляются в творчестве выдающихся художников: писателей и поэтов.

Однако, перед тем как говорить о влиянии древней истории на венгерское общество, ставшее на путь обуржуазивания, необходимо подвести некоторые итоги. Во-первых, для того, чтобы суммировать все сказанное до сих пор, во-вторых, для того, чтобы изложить подробнее научную теорию, касающуюся происхождения и древней истории венгров: о финно-угорском родстве и о принятии этой теории в Венгрии.

Из всего сказанного видно, что у венгерского народа, поселившегося в районе Карпат, имелись исторические сказания, часть которых включена в хроники формирующегося венгерского христианского государства. Авторы хроник формировали сказания в соответствии с заказом своего окружения — как, например, Анонимус, или требованиями двора и государя, как Шимон Кезаи. Иногда они «обогащали» нашу древнюю историю эпизодами, придуманными самими. Постепенно создавали теорию родства гуннского и венгерского народов. Данная теория, большей частью рожденная фантазией Шимона Кезаи, имела и имеет до сих пор огромное влияние на венгров. Среди венгров древняя история была постоянной темой. Что касается простых людей, это можно доказывать только опосредованно, существованием в этой среде сказаний по древней истории, но относительно руководящих слоев, представителей высшего духовенства, аристократов, придворных имеются и письменные доказательства. В предисловии к хронике Яноша Туроци, вышедшей в 1488 году, можно прочитать: «... во время разговоров между нами возникали приятные дискуссии, а иногда и небольшие споры, потому что у нас разные взгляды на древнюю историю венгерской нации, даже о том, какая

часть мира родила венгров». Следующая цитата взята из работы итальянского гуманиста Галеотто Марцио, повествующей о деяниях короля Матьяша: «... во время пиршеств (у Матьяша) всегда шел разговор на какую-то серьезную тему, или шутили или пели песни. Потому что там присутствуют музыканты и певцы, которые во время пира поют на родном языке о деяниях витязей... И они поют именно о каком-то подвиге...» Идея родства гуннов и венгров фигурирует и в работе Иштвана Вербеци (1458—1541), в его «Тройной книге» (Трипартитуме), фиксировавшей феодальное венгерское право и имевшей огромное влияние на мышление дворянства. Право венгров на их родину в районе Карпат Вербеци выводит из гунно-венгерского родства. Начиная с XVI века, знание теории о родстве гуннов и венгров прослеживается и в нашей литературе. Монах-францисканец Деметер Чати и пастор Андраш Фаркаш одинаково хотят поднять дух венгров, покоренных турками. Данная живая традиция древней истории, которая, как на это указывалось, постоянно расширялась, в период королевства была основательно поколеблена теорией о финно-угорском родстве.

Положение о финно-угорском родстве развертывается медленно. По мнению исследователей, его первое упоминание встречается у историка XVI века Иштвана Самошкези, который заимствовал свою информацию у польского гуманиста Матиаса де Миехова. Тогда еще только догадывались о языковом родстве обских угров и венгров. Начиная с XVI столетия, в нашей литературе и вслед за ней в общественном сознании представления о гунно-венгерском и финно-угорском родстве существовали одновременно. Конечно, позиции двух теорий были неодинаковы. Число авторов, упоминавших теорию гунно-венгерского родства или поддерживающих ее, значительно превышало число авторов, научно трактующих теорию финно-угорского родства, или пишущих о ней в художественной литературе. Только из-за большого количества первых мы упомянули о самых ранних авторах, о Деметере Чати и Андраше Фаркаше. Проповедников теории финно-угорского родства было гораздо меньше, их взгляды долго не влияли на национальное сознание венгров. Начиная с конца XVII столетия, в европейской научной литературе все чаще упоминается положение о родстве венгерского языка с финно-угорскими языками, его принадлежности к этой группе языков. Знания, накопленные о данном вопросе, сразу же после их публикации в других странах появляются и в работах отдельных венгерских авторов. В 1693 г. протестантский пастор Ференц Отрокочи Фориш опубликовал работу под названием «Происхождение венгров». Из нее выясняется, что он знал упомянутую финно-угорскую теорию, однако, не стал сторонником финно-угорского языкового родства. В 1711 г., че-

рез несколько лет после выхода работы Ференца Отрокочи Фориша, выходит первое произведение Давида Цвиттингера под названием «Специмен», в котором автор аргументирует финно-угорское происхождение венгров. Своими источниками он называет работы Иоханна Георга Экхарда, Комениуса и Штирнколма. Произведения других авторов, например Андраша Хусти и Йожефа Торкоша, свидетельствуют об использовании фундаментальной работы шведского автора, Штраленберга, вышедшей в 1730 г. Однако теория финно-угорского родства в это время не вызывает бури. Протест общественности, поддерживающей гуннскую теорию, начинается только с конца XVIII века, после выхода работ Шайновича и Дьярмати.

Противники идеи финно-угорского родства весь свой гнев вылили на Яноша Шайновича, хотя можно сказать, что он в обосновании идеи финно-угорского родства сыграл не самую главную роль. Руководитель придворной обсерватории в Вене Микша Гелл попросил Шайновича помочь в его северной астрономической экспедиции. Как выдающийся полигистор своего времени, Микша Гелл знал положение о родстве финно-угорских народов и думал, что в свободное от астрономических исследований время, человек венгерского происхождения — таким и был Шайнович,— мог бы изучать язык саами, чтобы убедиться в возможном его родстве с венгерским языком. Шайнович добросовестно выполнил задание, но после возвращения на родину вернулся к своей работе по астрономии и математике. На Шайновича напали в своих стихах самые выдающиеся современники Абрахам Барчаи и Леринц Орци.

Рассуждая о связи древней истории и национального сознания, необходимо остановиться на стихах Леринца Орци против Шайновича. Ибо в своем произведении автор тонко намекает на то, что Шайнович в действительности не венгерского происхождения и лучше было бы, если бы он вернулся к своим словацким предкам, а не пытался судить о венгерском языке. Данные стихи Леринца Орци, написанные в конце XVIII века, являются первым проявлением политической оценки древней истории в новое время. Ее непосредственным фоном является следующее: мыслителей, борющихся за национальную независимость венгров, сильно беспокоила большая численность окружающих народов и их постепенное вселение на Карпаты. Некоторые опасались, что разные славянские народы поглотят венгров. Борясь против этой мнимой опасности, они хотели поддержать национальное сознание венгров ссылкой на славное прошлое, на родство с гуннами. Исходя из самооценки венгров, они считали опасной идею родства с саами и другими северными народами.

Изучая условия возникновения стихов Леринца Орци, нужно дать краткую характеристику эпохи с точки зрения развития нацио-

нального сознания венгров. После почти сорокалетнего царствования Марии Терезии политический и экономический строй Габсбургской империи — и внутри нее Венгрии — созрел для основательных реформ. Новый государь Йожеф II приступил к модернизации своей страны с размахом, соответствующим его великим планам. Одно из его соображений состояло в том, что он форсировал употребление немецкого языка в разных учреждениях. В это время в венгерской части империи официальным языком служил латинский язык, и продвижение немецкого языка на первое место вызвало общее неудовлетворение. Внимание обратилось к венгерскому языку. За десятилетие царствования Йожефа II выходило множество листовок в защиту венгерского языка, составлялись словари и писались грамматики венгерского языка. В это время обосновывались идеи эпохи реформ, развернувшейся в первой половине XIX века. Одновременно происходят значительные экономические изменения. Во второй половине XVIII столетия империя Габсбургов запутывается в нескольких длинных войнах, а в конце века начался период наполеоновских войн. Борясь на разных полях сражений, венгерские солдаты и офицеры могли убедиться в неразвитости условий на их родине. Это ускорило приближение изменений. В то же время часть венгерского дворянства, поставляющая продукты в армию из своих земельных владений, получала большие доходы, накопила капитал. На круги венгерского дворянства, желающего реформ, повлияла и французская революция. Многие руководители венгерского якобинского движения выходили из этих кругов. Таким образом, возникло интересное положение, в котором более современная научная теория, идея финно-угорского родства, по политическим причинам была антипатичной именно мыслящим более современно, защищающим формирующееся национальное сознание.

В 1799 г., вскоре после появления работы Яноша Шайновича, опубликовал работу по финно-угристике Шамуель Дьярмати. Но в первой половине XIX века внимание общественности было отвлечено от проблем древней истории венгров. Образованная общественность интересовалась повседневной политической жизнью и новостями культуры. Первая половина XIX века в нашей истории называется эпохой реформ. На форумах парламента, занимающихся реформами, началась борьба за права венгерского народа, за превращение венгерского языка в официальный язык. Участники движения новаторов языка работали над его усовершенствованием. Хотя политики были заняты другими делами, начиная с конца XVIII столетия, многие из представителей искусства обратились к прошлому венгров. Данное обращение, особенно в области литературы, тоже не было независимым от процессов, происходивших в Европе.

Процесс исследования народной эпики в Европе начался в конце XVII века. В Париже шла научная дискуссия по вопросу: которые писатели лучше, классические или современные. В ходе дискуссии развернули теорию, по которой наиболее известный классический автор, Гомер, даже не существовал, его произведения являются продуктом греческого устного народного творчества. Вслед за этим оживился интерес к народной поэзии. Романтическая литература конца XVIII столетия тоже с интересом обратилась к фольклору. Окрепло представление о существовании героической эпики у каждого народа, состоящей из романтических сказаний. Начались поиски, вернее, возобновление этого потерянного наследства. Интерес к фольклорным текстам привел к двум результатам: с одной стороны, усиленно собирали тексты подобного характера, с другой — писатели попробовали реконструировать их. Наиболее значительным стимулом в этой области служил шотландский поэт Макферсон со своими оссиановскими песнями. В XIX веке оссиановские песни имели влияние и на многих венгерских писателей, побуждали их к созданию подобных произведений.

Процветание искусства с национальной тематикой служило идеологическим фоном для венгерского просвещения конца XVIII века и позже для политической борьбы в национальных целях, развернувшейся в начале XIX века. Об Андраше Дугониче уже можно было бы упомянуть в связи с работой Яноша Шайновича по финно-угристике, ибо среди писателей конца XVIII столетия именно на него имело сильнейшее воздействие положение о финно-угорском языковом родстве. Действие романа Андраша Дугонича «Этелка», написанного в 1788 г., и его пьесы «Этелка в Каръеле» (Каръел — Карелия), происходит в древние времена.

Но в литературных произведениях начала первой половины XIX столетия уже не присутствует финно-угорская тематика. Писатели подходили к нашей древней истории с убежденностью в гунно-венгерском родстве. Их нельзя обвинять в искажении истории: из существующих рядом теорий они просто выбирали более симпатичную для их национальной гордости. На основе исторических источников, возникших в десятилетия обретения родины, сами историки внушали представление, по которому венгры были удалыми молодцами, державшими в страхе всю Европу своими грабительскими походами в первой половине X века. И археологические находки времен обретения родины подтверждали данное представление. Первую находку времени обретения родины пастухи нашли случайно летом 1834 г. О находке написал известный коллекционер старины Миклош Янкович во втором томе Общества венгерских ученых. Он дал оценку накопленным предметам очень богатого бойца, похороненного вместе со

своим конем. Установил, что монеты, найденные в могиле, чеканки итальянского короля Беренгара, а потом сделал вывод, что мужчина, найденный в могиле в местности Бенепуста, был настоящим венгерским героем, одним из бойцов, вернувшихся из похода в Италию. Янкович предполагал, что доблестный воин умер неожиданно от ран, полученных в далеком походе. Археологические данные внушали, что венгры, точно так же, как гунны, были боевым народом, проживающим почти всю жизнь на коне. Неудивительно, что для интересующихся древней историей более симпатичной оказалась романтическая теория гунно-венгерского родства.

Таким образом, видно, что в противовес лингвистическим аргументам теории финно-угорского родства, теория гуннского родства большей частью опиралась на исторические данные. Оглядываясь назад, можно считать вполне закономерным, что в этом периоде (первая половина XIX века) формирующееся общественное мнение тянулось к идее гунно-венгерского родства. Национальное воодушевление было всеобщее и оно усиливалось с сознанием славного прошлого своего народа. Проблемы появляются во второй половине XIX века, когда в научной дискуссии против сторонников финно-угорской теории главную роль получают политические аргументы. Ниже рассмотрим и эту проблему, но сейчас продолжаем по хронологии.

Необходимо упомянуть о важном событии эпохи реформ, об учреждении Национального музея. В Европе учреждение музеев начинается во второй половине XVIII столетия. Основой музеев служат, как правило, личные коллекции государей или аристократов. И за основанием музеев непременно скрывается претензия на национальное величие. В 1802 году для целей венгерского национального музея предложил свою коллекцию и библиотеку граф Ференц Сечени. Для музея построили здание, соответствующее его положению, в 1830 годы, в котором он находится и до сих пор. Само существование Национального музея означает очень многое для венгров. Выставкой своей коллекции по древней истории он помогает посетителям связать национальные чувства с памятниками прошлого.

Таким образом, достижения науки-истории поддерживали желание венгров видеть прошлое красивым и благородным. В это время каждое слово составителей хроник считалось бесспорно достоверным и упомянутые выше представления, направленные на поиск и возрождение героической эпики, привели к тому, что наши писатели искали литературные темы в хрониках. После выхода произведения Андраша Дугонича «Этелка», с точки зрения литературы не особенно значительного и достойного внимания только по своей тематике, пришлось долго ждать выхода нового литературного произведения по древней истории. После незначительных попыток, не

имевших эффекта, в 1825 г. вышел эпос Михая Верешмарти «Бегство Залана». Несмотря на свои несомненные ценности, это произведение не стало национальным эпосом. Свою тему Верешмарти взял из хроники Анонимуса. В хронике в нескольких главах трактуются сражения венгров, происходившие в бассейне Карпат под руководством Арпада, и вождя Залана и его народа, живущего на данном месте. Филологические исследования установили, что вождь Залан, фигурирующий у Анонимуса, вероятно, никогда не существовал. Эпос не стал символом национальных чувств венгров, потому что в его центре стоят не венгры, входящие торжественно на эту завоеванную ими землю, а побежденный враг, вынужденный искать спасение в бегстве.

Кроме литературы, до сих пор мы не упомянули о других видах искусства, о положении изобразительного искусства и музыки. В первой половине XIX века в Венгрии они считались еще мало развитыми видами искусства, венгерские живописцы европейского уровня даже не жили у себя на родине, ибо еще не образовался слой общества, гарантирующий своими заказами средства к существованию для художника. В музыке дело обстояло немножко иначе. В XVIII столетии сформировалась венгерская авторская музыка, названная «вербункошем». Вербункош получил распространение во время вербовки в армию, название ее тоже происходит от этого слова, на высочайший уровень ее подняли музыканты-виртуозы начала XIX века: Бихари, Лавотта и Чермак. Венгерский характер музыки и танца вербункоша был известен всем. Таким образом, танцующие и слушающие музыку могли наполняться национальной гордостью. Народная авторская музыка входила в произведения композиторов XIX столетия. Самый значительный композитор века, Ференц Эркель, для своих опер выбирал преимущественно национальные темы. Его произведения «Ласло Хуньяди» и «Банк бан» писались в средние века. Их главными героями являются трагические герои венгерского средневековья, и действия опер происходят в XIII и XV столетиях.

Выше уже говорилось о том, что наука-история внушает образованной общественности, в это время еще незначительной, идею гунно-венгерского родства. Но появляется ученый, следящий за результатами финно-угорского языкознания, временами даже публикующий статьи в венгерском журнале на эту тематику. Этот ученый — Ференц Каллаи. Его деятельность подготавливает почву для более серьезных исследований по финно-угристике.

Антал Регули был вторым венгром после Яноша Шайновича, который занимался лингвистическими исследованиями среди финно-угорских народов. Регули не собирался стать лингвистом, после

юридической подготовки он отправился в Европу и попал в Скандинавию и Финляндию, где полностью отдался изучению вопроса о финно-угорском языковом родстве. В 1843 г. из Санкт-Петербурга он отправился в лингвистическую и этнографическую экспедицию к обско-угорским народам. Ученых, исследующих научную деятельность Антала Регули, сильно занимает вопрос о том, почему он не опубликовал привезенные с собой материалы после возвращения на родину. Известно, что он вернулся больным и жаловался друзьям, что если приступает к работе, то у него начинается сильная головная боль. Отдельные исследователи все-таки ищут причины в другом — в политических условиях эпохи. Это времена после поражения революции и освободительной войны 1848—1849 гг., униженная до предела нация молчит. Может быть, Регули думал, что в такое время никто не должен подрывать самоуважение нации проповедью идеи финно-угорского родства, несимпатичного никому. Может быть, если так оно и было, то перед нами новый пример тесной связи древней истории и национального сознания, древней истории и политики.

После путешествия Антала Регули все больше начинают интересоваться финно-угорскими народами и языками. Изучение вопроса финно-угорского родства переходит на лингвистику, поэтому противники этой теории тоже защищают свою правоту лингвистическими аргументами. В это время из-за сказочного оформления теории гунно-венгерского происхождения трудно было защищать ее научными аргументами. На первый план выступает вариант теории, облеченной в научную форму, говорящей о родстве венгерского языка с тюркскими. Аргументы проповедников тюркского родства тоже имели эмоциональное происхождение, как и аргументы сторонников теории родства с гуннами: они ссылаются на подобие образа жизни, манеры держаться у венгров и турок. Однако теория финно-угорского родства с успехом сопротивляется нападкам: она выходит победителем из так называемой «угро-тюркской войны». Эта «война» доказала правильность теории финно-угорского языкового родства, одновременно свидетельствуя о том, что данная теория никогда не будет симпатичной для венгерской общественности. Опять-таки выясняется, что вопрос происхождения венгерского народа (и наверное, и других народов) является вопросом политики: защитников теории финно-угорского родства также считают агентами враждебной политики, как сто лет назад Леринц Орци таковым считал Шайновича. Тогда Шайнович считался славянским агентом, теперь Гунфалви и Буденц считаются австрийскими агентами. Политику вмешивает в научную дискуссию самый авторитетный представитель тюркской партии Армин Вамбери. Из-за немец-

кого происхождения он обвиняет Пала Гунфалви и Йожефа Буденца в том, что проповедью финно-угорского родства они в действительности представляют интересы дома Габсбургов, подавляющего венгерскую революцию.

Последняя треть XIX века приносит для Венгрии значительный подъем экономики. В 1867 году заключается компромисс дома Габсбургов и Венгрии, создается дуалистическая монархия Австро-Венгрия. После двадцатилетнего упадка, поражения революции с обновленной силой возрождается национальное чувство венгров. Венгерское общество, усиливающееся вследствие подъема экономики, принимает к сведению мнение научных кругов, по которому венгерский язык относится к финно-угорским языкам: «угро-тюркскую войну» явно выигрывает финно-угорская «партия». Все-таки наибольшее внимание по-прежнему обращается к событиям периода обретения родины, более симпатичным венграм. Этому содействует и приближающееся тысячелетие обретения родины.

Выдающийся поэт эпохи Янош Арань тоже занимается воспроизведением славного прошлого. После выхода финской Калевалы и эстонского Калевипоега перед ним витает цель создания венгерского национального эпоса. Он даже пишет статью на эту тему и несколько раз берется за выполнение задачи. Время действия его произведения «Смерть Буды» — период гуннов. Выбор темы указывает на теорию родства, более милого сердцу Яноша Араня. Однако ему не удалось найти голос, на котором его произведение должно бы звучать. Янош Арань достигает только частичных успехов: становится классической только одна часть эпоса «Смерть Буды» — «Сказание о чудесном олене». В этой части говорится о происхождении гуннского и венгерского народов, об охоте двух братьев Гунора и Мадьяра, о похищении чужих женщин, как об этом написал в свое время Шимон Кезаи. Рядом с Яношем Аранем другой литературной величиной, богато одаренной способностью рассказчика, был Мор Йокаи. Он оказывается противником теории финно-угорского родства не только в своих романах, но и в публицистике. «За исключением нескольких ученых-лингвистов и историков, нет венгра, который считал бы своим предком не Аттилу»,— пишет он в 1888 г.

Кроме литературы, и живопись второй половины XIX века все в большей мере обращается к национальной тематике. Предшественниками данного направления являются Михай Ковач и Шома Орлаи Петрич. У Михая Ковача мастерство еще слабое, однако название его картины «Поднятие Арпада на щит» указывает на тему из древней истории. В годы угнетения венгров австрийцами этой картиной Михай Ковач намекает на идеи национального суверенитета, свободного выбора короля. Национальная тематика появилась не

только на картинах, но и на фресках. Самыми значительными представителями этого жанра были Мор Тан и Карой Лотц. На фресках зданий «Вигадо», Национального музея и парламента они изображали множество сцен из исторической тематики. Данные здания сами по себе показывали величие нации. Их внутренние украшения еще больше повысили эффект. Картина Мора Тана «Пир Аттилы» свидетельствует о том, что в поддержке национального чувства венгров продолжали играть роль ссылки на родство с гуннами. Выдающиеся живописцы-историки Виктор Мадарас и Берталан Секей написали многие эпизоды венгерской истории. Однако, их мало занимали темы древней истории. Можно сослаться только на одно произведение, на фреску Берталана Секея в городе Кечкемете под названием «Скрепление соглашения кровью». По мнению хроник, данное соглашение было важнейшим событием, которое предшествовало обретению родины: вожди семи венгерских племен, направляющихся на новую родину, ранив себя, лили свою кровь в кубок, потом все они пили из этого сосуда.

Самым значительным национальным событием конца XIX столетия было празднование в 1896 году тысячелетия обретения родины. По этому поводу была написана картина-панорама Арпада Фести «Вход венгров» (в бассейн Карпат). В романтической живописи эпохи и в других местах встречается такое оформление национальной тематики. Может быть, некоторые из вас видели «Бородинскую панораму» в Москве. Подобно ей и панорама «Вход венгров» была расположена в отдельном здании и она была одним из главных зрелищных мероприятий по поводу тысячелетия. Панораму, сильно пострадавшую во время второй мировой войны, восстановили польские реставраторы по поводу 1100-летия существования Венгрии в бассейне Карпат, отмечаемого в 1996 г. Данная панорама является самым монументальным изображением обретения родины венграми. Литература и живопись, изображающие темы древней истории, скульптура, интересующаяся национальными корнями и эпизодами из жизни народа, музыкальные произведения на историческую тематику,— все это укрепляло национальные чувства венгров. А научная дискуссия в газетах, журналах, на глазах публики, «угорско-тюркская война» поднимали уровень образования всех, кто интересовался древней историей.

Сторонники теории гунно-венгерского родства, проповедовавшие родство тюркских и венгерского языков, вели научную дискуссию с финно-угристами. Хотя дискуссия иногда была запальчивой, не была свободной от политических влияний, аргументы все-таки основывались на научной базе. Сторонники теории гуннского родства могли опираться на исторические источники, а для аргументи-

670752
МАРНИИ
НАУЧНАЯ

рующих на стороне родства венгерского языка с тюркскими, был налицо значительный словарный состав венгерского языка тюркского происхождения, указывающий на связи с тюрками. Начиная с конца XIX столетия, кроме научной дискуссии, в исследовании древней истории существовал и подслой этих исследований, культивированный дилетантами. Работы подобного типа не превышают уровень наивных попыток сопоставления слов, характерных для конца XVIII века. Данная деятельность любителей древней истории требует внимания потому, что за ней, как правило, скрываются смутные политические взгляды. Научно необъяснимые представления о древней истории свидетельствуют о том, что действие идеи роста гуннов и венгров, поднимающей сознание и славу, в мышлении отдельных людей выходит за привычные рамки и, если бы люди с манией величия пришли к власти, то это бы означало опасность и для существования венгерского народа.

Самым опасным таким направлением был «туранизм». Его систему идей далеко нельзя называть единой. Сущность его состояла в обращении к востоку. Выражение «туранизм» восходит к деятельности немецкого языковеда XIX века Макса Мюллера, при систематизации назвавшего туранскими языки, которые, по его мнению, ни в одну группу не входили. Между прочим, Туран является географическим понятием. Так иранские историки называли пространства, лежащие к северу от Ирана. В мышлении многих туранистов спокойно умещались вместе финно-угорские, иранские и тюркские народы. Их внимание обращалось то к одной, то к другой группе. Появление туранистов можно назвать поздним возрождением романтического исследования древней истории, однако туранизм опаснее предыдущих. С одной стороны, он означает скрытое, уходящее в мир иллюзий спасение от идеи финно-угорского родства, научно уже неопровержимой, с другой стороны, в нем содержится представление о том, что настоящим ведущим народом всего этого туранского мира может стать венгерский народ. В этом и скрывается опасность туранизма, ибо иллюзорное представление после первой мировой войны сошлось с желанием реванша политиков, неспособных примириться с потерей большей части территории исторической Венгрии. Как известно, по мирным договорам, заключенным после окончания первой мировой войны, Венгрия потеряла приблизительно две трети своей территории. Туранизм стоял близко к переходу в государственную политику. К счастью, этого не случилось.

В первой половине XX столетия, кроме туранизма, возникали и другие теории родства меньшего значения, скрытые политические намерения которых вполне ясны. Были сторонники идеи родства

венгерского народа с английским, немецким и японским народами. Растерянность после поражения в первой мировой войне и продвижение вперед Германии и Японии поддержали эти теории.

Эти идеи к настоящему времени исчезли бесследно. Но живет и процветает другая идея, развернувшаяся тоже в начале XX века, которая получила политическое оформление только после второй мировой войны. Это теория о шумеро-венгерском родстве. Идея шумеро-венгерского родства могла стать симпатичной для некоторых потому, что венгерскому народу она предложила более древних и высокородных предков, чем родство с гуннами. Не надо забывать и о том, что ненаучность идеи родства венгерского народа с гуннами постепенно становилась ясной для всех. Идея шумеро-венгерского родства стала политическим вопросом после второй мировой войны, когда некоторые ее сторонники эмигрировали, вернее начали свою деятельность по древней истории как эмигранты. Отказ от их взглядов на родине очень легко было объяснить преследованием шумерологов по политическим причинам. Сторонники идеи шумеро-венгерского родства разными путями и втайне отправляли свои работы в Венгрию, где они частично секретно распространялись. Наблюдалось и то, что сторонники и новые проповедники идеи родства с шумерами выходили из круга тех, которые по разным личным причинам чувствовали себя отодвинутыми на задний план. В XIX веке теорию финно-угорского родства обвиняли в службе политическим целям, близким Габсбургам. В недавнее время распространилось мнение, что она обслуживает советские политические цели. Со сторонниками идеи родства с шумерами также невозможно спорить, как это было раньше с представителями других, абсолютно ненаучных взглядов, ибо эти люди просто неспособны ценить научные аргументы, их эмоции превышают рациональные мысли, необходимые для научной деятельности.

Кроме того, положение о родстве с шумерами наполнилось политическим содержанием и в другом окружении. Известно, что на территории теперешней Румынии живет приблизительно два миллиона жителей венгерской национальности, которые находятся в постоянном конфликте с румынским государством из-за его антивенгерской политики. Официальная румынская историография всячески пытается доказать, что румыны являются коренными жителями Румынии и уже две тысячи лет живут в своей стране и в Трансильвании, что они там жили большими группами до прихода венгров. В качестве реакции на данную теорию, распространенную довольно насильственно, и обратилось внимание венгров в Румынии к археологической находке из неолита. Находку открыли в трансильванской части Румынии, населенной венграми. На фраг-

менте керамики встречаются вырезанные знаки, по установлению археологов, показывающие родство со знаками, встречающимися на археологических раскопках Ближнего Востока. Представители трансильванских венгров хотели бы связать эти знаки с рунически-ми знаками тюркского происхождения секеев (секлеров). Секлеры — этническая группа трансильванских венгров. Сторонники идеи ожидали двойную выгоду: связать венгерский эпос с находкой неолита, с одной стороны, а, с другой стороны, они доказали бы шумеро-венгерское родство и могли подтвердить, что венгры заселили Трансильванию раньше румын. Эта ошибочная идея стала довольно популярной среди трансильванских венгров, и это доказывает, насколько важную роль в национальном сознании играет вера в славное прошлое. Это говорит и о том, что в политически сложном положении трансильванские венгры, борясь за свое существование, постоянно живут в состоянии кризиса, поэтому интерес людей инстинктивно обращается к прошлому своего народа, в повседневной борьбе они пытаются черпать силу из этого прошлого.

В настоящее время с политической точки зрения в кризисном положении находится вся Восточная Европа. После распада «социалистической системы» и Советского Союза каждая нация ищет свое место среди народов Европы. Поэтому естественно, что после изменения политического строя наблюдается возрождение интереса к древней истории и в Венгрии. В предыдущие четыре года страной управляла коалиция, поддержанная частью венгерской интеллигенции национальной ориентации. Этот факт тоже имел влияние на оживление интереса к древней истории. В печати, поддерживающей коалицию, в радио и телевизионных передачах древняя история получила больше места, чем раньше. Интересным образом наблюдалось сосуществование различных направлений. Ожило направление, которое во время социализма подвергалось политическим преследованиям, так как взгляды против теории финно-угорского родства не принимали ни наука, ни образованная публика, и оно стремилось в этот период максимально использовать возможности свободной печати. Выступления тюркской и шумерской ориентаций стали более громкими, в интересах принятия их взглядов они попробовали оказать политический нажим на власть.

Но одновременно и группа интеллигенции национальной ориентации, придерживающаяся научно реальных взглядов, тоже получила больше гласности в печати, публиковалось больше статей, готовилось больше программ, достойных общего внимания на радио и телевидении о положении финно-угорских народов, о финно-угорском языковом родстве. Больше рассматривали взаимоотношения национального сознания венгров и их древней истории с периода

создания венгерского государства до наших дней. Выяснилось, насколько важную роль играли представления о древней истории в общественно-политических движениях разных эпох.

Однако перед тем, как сделать вывод, совершим еще один теоретический экскурс. Сначала надо сказать о том, какую роль играет этническое сознание, а потом рассмотрим, каким образом этническое сознание перерастает в национальное сознание. До создания государства сознание этнической принадлежности к одному этносу идет по линии языковых и культурных показателей. Для субъективного сознания под понятием народа скрывается не культурное единство, а единство традиций. Понятие народа означает общность обычаев. Традиции проявляются в форме древних обычаев. Этнически самостоятельным народ считается с того момента, когда у него появляются традиции, своеобразное отношение к самому себе, то есть, когда у него имеется история. Наиболее идеологизированной частью образования традиций является формирование легенды о происхождении народа и ее принятие обществом. Образование традиции характеризуется архаическими схемами мышления. Данное мышление проектирует осознание «общности крови», генетического происхождения на свою, более большую группу, и на все части формирующегося народа. Традиции, принятые совместно, как правило, возводят происхождение народа к какому-то божеству. Таким образом, новый этнос получает и сакральное подтверждение. Поднятие традиции о происхождении в сферу сакральности вместе с историческими сказаниями и героической эпикой подтверждает сплоченность коллектива в настоящем.

Традиции происхождения, сознание общего происхождения является связывающей силой и современных буржуазных обществ, в которых, кроме сознания общего происхождения и общего языка, добавляется еще и сознание экономического единства, то есть сознание единого национального рынка. Буржуазное преобразование и связанное с ним экономическое изменение является несомненной вехой в развитии нации. Общественно-экономические изменения оказывают обратное действие и на более древние слои национального сознания. Новые буржуазные нации с интересом обращаются к своему языку и происхождению. У обществ, прогрессирующих экономически, крепнет и национальное сознание.

Из вышеописанного видно, что без сильного национального сознания не может создаваться сильная нация. Каждый финно-угорский народ должен исследовать свое прошлое, чтобы укреплять будущее.

Laslo Klima

ANCIENT HISTORY OF HUNGARIANS AND THEIR NATIONAL CONSCIOUSNESS

The article is devoted to the ancient history of Hungarians covered in chronicles. A detailed consideration of the history of origin of different theories concerning Hungarian ethnos depending on political, geographical, ethnopsychological, scientific and other factors is given.

The author also points out how separate moments of ancient history of Hungarians were reflected in different kinds of art and in the self — consciousness of people.

He also underlines that every Finno-Ugrian nation should know it's past to plan it's future.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Леонид Макаров
Ижевск

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАМСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО И ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Проблема взаимодействия язычества и христианства является одной из важнейших в сфере идеологии средневекового населения Восточной Европы. Заметный вклад в ее разработку в дореволюционной историографии внесли И. М. Снегирев, С. М. Соловьев, А. Н. Афанасьев и, особенно, Н. М. Гальковский и Е. В. Аничков. Для истории русской народной культуры громадное значение имеют труды Д. К. Зеленина, в которых подвергнуты тщательному анализу многочисленные сведения по истории, этнографии, фольклору и языкознанию. В советское время интересоваться проблемами истории религии с позиций объективности было не только не престижно, но зачастую и небезопасно. Поэтому появление в 1980-е гг. монографий Б. А. Рыбакова, посвященных славянскому язычеству, стало крупным событием в исторической науке. 1000-летие русской православной церкви породило небывалый интерес к ее истории. В настоящее время православие является важным фактором духовной жизни российского общества, и роль его неуклонно возрастает.

Принятие христианской религии правящими кругами языческой Руси было предопределено всем ходом исторического процесса, однако языческие верования, веками укоренявшиеся в сознании людей, изживались чрезвычайно медленно. Недаром XI—XIII вв. считают периодом двоеверия, который характеризуется борьбой православной церкви с языческими традициями. Вовлечение в процесс формирования древнерусской народности иноэтничных включений еще более размывало христианские догмы. Особенно это касается Волго-Окского междуречья и Новгородской земли — регионов, исходных для русской колонизации Камско-Вятского междуречья.

Из летописей известно, что финно-угорское население бассейнов рек Северной Двины и Печоры было обложено данью со стороны Новгорода, а позднее — Ростово-Суздальского и Московского кня-

жеств. Камско-Вятское междуречье входило, по-видимому, в зону сбора дани киевскими князьями, о чем косвенно говорит сообщение М. В. Ломоносова о походе князя Святослава «на Оку, Волгу и Вятку» в 964 г. (1, с. 96), упоминание народа Вяда (связываемого удмуртскими историками с аборигенами края), который «бортничаху на князя Великого Володимера» (Мономаха) (2, с. 184—185), ряд археологических данных (3; 4, с. 13). Таким образом, жители региона имели некоторое представление о материальной и духовной культуре Древней Руси X—XII вв.

Заселение региона славянами началось со среднего течения р. Вятки, куда потомки словен, кривичей и вятичей, впитавшие к тому времени многие элементы культуры и антропологического типа волжских финнов (5, с. 23, 49—51, 199; 6), направляются с конца XII — начала XIII в. Кроме того, часть славян и финнов, теснимая углублявшейся государственной колонизацией и наступлением православной церкви, уходит в глубинные районы Заволжья и Нижнее Прикамье. Пришельцы вступают в контакты с аборигенами края — удмуртами, причем конфликты между ними, неизбежно вспыхивавшие на первых порах, достаточно быстро уступили место мирному добрососедскому сосуществованию. Изолированность региона, усилившаяся после нашествия Батыя, способствовала консолидации ранее разобщенных волостей с их различными группами русского и финно-угорского населения в рамках единой независимой Вятской земли. Различные источники позволяют проследить особенности межэтнических контактов на территории края и, в частности, в духовной сфере (7, с. 142—145).

На памятниках Камско-Вятского междуречья обнаружены археологические материалы, позволяющие охарактеризовать взаимодействие финно-пермских традиций с пришлым славяно-финским язычеством и православием (рис. 1). Обратимся, прежде всего, к финно-пермским древностям региона, предшествующим славянскому проникновению, либо совпадающим с его началом, то есть к находкам X—XIV вв., которые отражают языческие верования аборигенов Вятского края.

Одна из находок — бронзовая копоушка с круглой лопаточкой, орнаментированной литым растительным узором (рис. 2,*1*),— найдена в слое XI—XIII вв. Вятского городища. Она аналогична предмету с поселения Ботыли IV на левобережье р. Вятки (8, рис. 3,*17*). Эти изделия использовались, как известно, не столько в качестве предметов туалета или украшений, сколько амулетов. Во всяком случае, орнамент на вышеупомянутых копоушках весьма близок изображениям цветка в стадии его опыления в аграрной символике славян XII—XIII вв. (9, с. 577, рис. 99,100). Отметим, что металли-

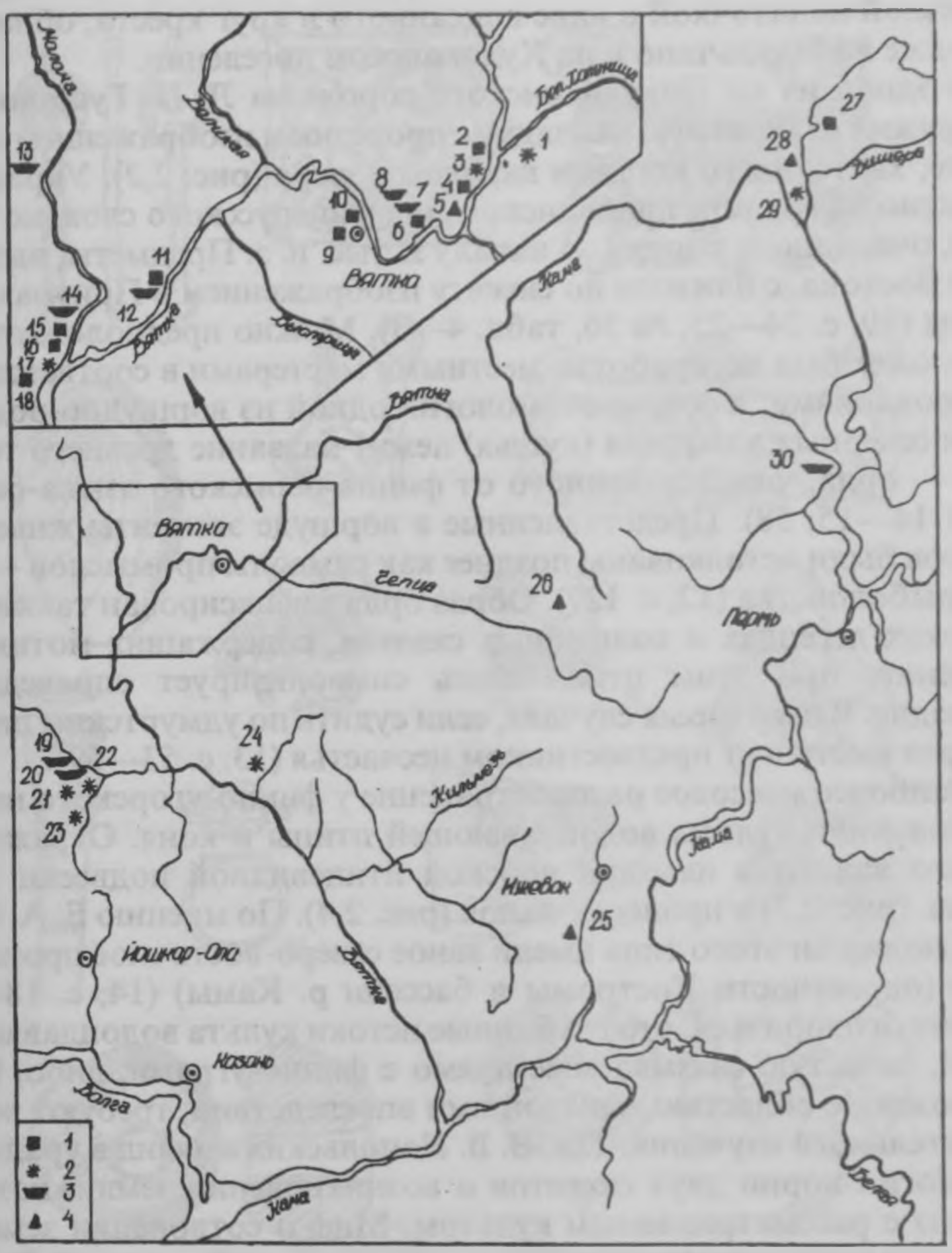

Рис. 1. Археологические памятники бассейна р. Камы, упомянутые в статье (1 — городище; 2 — селище; 3 — могильник; 4 — находка). 1 — Ильинское II; 2 — Слободское; 3 — Родионовское; 4 — Подчуршинское; 5 — Мокинская; 6 — Никульчинское; 7, 8 — Никульчинские II и I; 9 — Хлыновское; 10 — Вятское; 11, 12 — Орловские; 13 — Спасский; 14, 15 — Шабалинские; 16 — Ковровское; 17 — Искра; 18 — Котельничское; 19 — Еманаевский; 20 — Покста; 21 — Покста II; 22 — Худяковское; 23 — Грековское; 24 — Ботыли IV; 25 — Малопургинская; 26 — Глазовский уезд; 27 — Искорское; 28 — Чердынь; 29 — Пянтежское; 30 — Анюшкар.

ческие копоушки с круглой лопаточкой являлись, по-видимому, этноопределяющими для вятских удмуртов. Похожие изделия, но с прорезной лопаточкой в виде вписанного в круг креста, обнаружены также в Никульчино и на Худяковском поселении.

В одной из ям Никульчинского городища Л. П. Гуссаковский обнаружил квадратную накладку с прорезным изображением орла в полете, хватающего когтями какого-то зверя (рис. 2,*2*). Украшение выявлено на границе ананьинского и древнерусского слоя, но относится, очевидно, к концу I — началу II тыс. н. э. Предметы, вывезенные с Востока, с близким по сюжету изображением в Приуралье известны (10, с. 24—25, № 36, табл. 4—3). Можно предположить, что этот сюжет был переработан местными мастерами в соответствии с их верованиями: в основе этимологии одной из воршудно-родовых групп северных удмуртов (кушья) лежит название древнего тотема рода — орла, унаследованного от финно-пермского языка-основы (11, с. 14—15, 58). Представленные в воршуде элементы животных тотемов были истолкованы позднее как символы промыслов — охоты и рыболовства (12, с. 129). Образ орла зафиксирован также в удмуртских легендах и волшебных сказках, содержащих мотив превращения, при этом птица здесь символизирует справедливое возмездие. В некоторых случаях, если судить по удмуртским поверьям, орел выступает предвестником несчастья (13, с. 53—59).

Наиболее массовое распространение у финно-угорского населения получили культы водоплавающей птицы и коня. Отражением первого являются находки плоской птицевидной подвески XII—XIII вв. (рис. 2,*7*) и привесок-лапок (рис. 2,*4*). По мнению Е. А. Рябинина, подвески этого типа имели явное северо-восточное происхождение (окрестности Костромы и бассейн р. Камы) (14, с. 18—19). Следует оговориться, что глубинные истоки культа водоплавающей птицы, зачастую связываемые прямо с финно-уграми, либо, более осторожно, с областью, занятой ими впоследствии, требуют весьма внимательного изучения. Так, В. В. Напольских выявил в уральской мифологии корни двух сюжетов о возникновении земли, которые связаны с рассматриваемым культом. Миф о сотворении земли из яйца связывается исследователем с автохтонами Восточной Европы — палеоевропейцами (неиндоевропейцами и неуральцами), лишь позднее сыгравшими роль субстрата в формировании некоторых современных народов, а затем исчезнувшими (15, с. 5—8). Миф о ныряющей птице прослеживается им вплоть до предков уральцев эпохи верхнего палеолита (15, с. 8—17).

Бытование культа коня в языческой идеологии также хорошо известно. Его оформление относится к более позднему времени и связано с возрастанием роли коневодства в хозяйстве финно-угорских пле-

Рис. 2. Финские языческие подвески (1—9) и русские находки с элементами языческого культа (10—15) с памятников Вятской земли (1—5, 7—9, 11 — бронза; 6 — раковина; 10 — кость; 12—14 — глина; 15 — известняк); 1, 5, 6 — Вятское городище; 2, 4, 9—11 — Никульчинское городище; 3 — Мокинская находка; 7 — Ковровское городище; 8 — Грековское селище; 12, 13 — Хлыновское городище; 14 — Котельничское городище; 15 — Подчуршинское городище.

мен. Обнаруженные на памятниках Вятской земли коньковые изображения представлены двухголовыми экземплярами: биякорьковой подвеской XII—XIV вв. (рис. 2,*3*), полой подвеской этого же времени (рис. 2,*8*) и подвеской-гребнем (рис. 2,*5*). Биякорьковые подвески ведут свое происхождение от коньковых шумящих привесок Прикамья VII—XI вв., где, вероятно, и производились (16, с. 14—20). Полые подвески, аналогичные грековской, были распространены компактно в Новгороде и Новгородчине, где, по-видимому, и изготовлялись. Единичные экземпляры обнаружены также в Лоемском могильнике на р. Лузе (бассейн Сев. Двины) (14, с. 39—40, табл. XXI—2, 3, 5, 7), в Нижегородской и Владимирской областях и Татарии (17, с. 41, табл. 15—6). На наш взгляд, картография этих находок наглядно документирует один из истоков колонизации Камско-Вятского междуречья. Подвеска-гребень, поднятая у подножия Вятского городища, археологических аналогов имеет немного (они обнаружены в Чебоксарах, в слоях XIII—XIV вв., в удмуртских и мордовских могильниках XVII—XIX вв.). Большинство же подвесок-гребней найдено на поверхности во время разведок или известно по этнографическим коллекциям, относящимся к XIX в. (18, с. 466, рис. 242). Такого типа вещи были характерны для Русского Севера, где носились на поясе, и Поволжья — в качестве нагрудного украшения (19, с. 49—57). Истоком этих поделок, вероятнее всего, были финно-угорские костяные гребни IX—X вв. с изображением двух конских голов.

О значимости культа коня у финно-угров говорит хотя бы тот факт, что из 976 зооморфных украшений VI—XIV вв., учтенных Л. А. Голубевой, изображения коня составляют 622 (17, с. 9). Данному культу посвящена обширная литература. Поэтому отметим лишь, что образ коня символизировал в рамках космогонических представлений финно-угров солнце и воду и восходил в своей основе к более ранним тотемическим представлениям, о чем свидетельствует ношение литых конских фигурок в качестве амулетов-оберегов (20, с. 80). Носили их на груди или поясе в надежде на защиту, благополучие и «плодородие». При этом двуглавость коней усиливала, возможно, обозначенные выше функции амулета (17, с. 6; 20, с. 83). Культ коня широко проявился и в аграрной магии восточных финнов при жертвоприношениях животного, которому оказываются перед этим особые почести (21, с. 140).

Культ почитания животных был присущ и славянам, особенно в регионах, соседних с финно-угорскими, либо характеризующихся чересполосностью этносов. При этом в отличие от финно-угорских традиций с их чрезвычайно развитым почитанием водоплавающей птицы, имеющем ярко выраженное космогоническое значение, у славян основной фигурой в языческой мифологии выступал конь, с

древнейших времен функционировавший в аграрно-магической обрядности, в частности давно замечена его связь с культом великого женского божества природы, земли и плодородия. Конь являлся символом добра, благоденствия и счастья (14, с. 56—57), он был защитником от нечистой силы (22, с. 630), ему отводилась важная роль в языческих славянских обрядах (например, русалиях) (23, с. 101). Кроме того, конь в древности символизировал одновременно солнце и воду, что, по мнению Б. А. Рыбакова, объясняется представлениями об особенностях солнечного пути (по небу, под землей и по воде) (24, с. 63—64). Е. А. Рябинин замечает, что верования, связанные с конем (солярный культ), более всего сближают мировоззрение славян и финно-угров (14, с. 57).

Культ солнца отразился и на других средневековых находках Вятской земли, например на отмеченных уже копоушках с прорезным изображением креста, вписанного в круг, а также на медной треугольной основе шумящей подвески из Никульчино, где нанесен орнамент в виде полусферы, окаймленной змейкой-жгутом (рис. 2,*9*). Солярные знаки в виде различных композиций из окружностей и радиальных лучей встречены также на пряслице с Подчуршинского городища (рис. 2,*15*), глиняном грузиле из Котельнича (рис. 2,*14*), гончарных донных клеймах Хлынова (рис. 2,*12*) и других поселений. Хорошо известен широко распространенный у многих народов циркульный орнамент, также обозначавший солнечную символику. Не обошел он и Вятку, где отмечен на ряде предметов: костяном наконечнике стрелы, бронзовом перстне (рис. 2,*10*, *11*) и других вещах. Правда, вряд ли он уже воспринимался мастерами в первоначальном магическом смысле, скорее он выполнял эстетическую функцию (25, с. 44).

На поселениях региона обнаружены и предметы славянского языческого культа X—XIII вв. Так, «в Вятке... на глубине аршина» (рис. 3, *8*), а также на Пянтежском селище Чердынского уезда и около г. Чердыни, что в Пермской губернии, еще до революции 1917 г. были найдены бронзовые фигурки бородатых мужчин в шапочках (26, с. 187; 27). Аналогичные находки обнаружены в сборах на Кинтусовском могильнике X—XIII вв. в Западной Сибири, в слое XII в. Великого Новгорода и на языческом святилище о. Вайгач. А. А. Спицын, Н. Г. Первухин и П. М. Алешковский считали идола изделием прикамских мастеров. Но, вероятно, более правы исследователи, видевшие в находках древнерусские изделия и сопоставившие их со славянским языческим божком. Очень важно, что некоторые из статуэток непосредственно связаны с языческими святилищами этнически смешанного населения (Пянтег, Вайгач). Не исключено, что данные амулеты изготавливались в Новгороде специально на вы-

Рис. 3. Предметы языческого и христианского культов с памятников Камско-Вятского междуречья (1 — железо; 2, 3, 8, 9, 13, 15, 16 — бронза; 4—6 — кость; 7, 10, 11 — камень; 12 — серебро с позолотой; 14 — свинец). 1, 2, 4—6, 9, 11, 15 — Никульчинское городище; 3 — Вятское городище; 7, 8, 10 — Хлыновское городище; 12 — Ковровское городище; 13 — поселение Покста II; 14 — Шабалинское городище; 16 — Малопургинская находка.

воз, либо попадали на Европейский Северо-Восток и в Зауралье со славянами-переселенцами (28).

На Никульчинском городище найдена железная подвеска в виде овала с вписанной в него стилизованной антропоморфной фигуркой (рис. 3,*1*), использовавшаяся, по-видимому, в качестве оберега, как и у народов Севера (29, табл. XXIII—1—3).

Хорошо известны древнерусские привески в виде миниатюрных копий различных предметов, имеющих культовое назначение. Из их числа на Вятке обнаружены привеска-ложка и привеска в форме лезвия топора (рис. 3,*2, 3*). Первые обнаруживаются в женских погребениях древнерусских курганов X—XII вв. (30, с. 94—95) и ассоциируются обычно с символами сытости, благосостояния и довольствия. Символом Перуна являлся в славянском язычестве топор (31, с. 399—404), а привески-топорики являлись знаками принадлежности к воинскому сословию и вручались в XI—XII вв. сыновьям дружинников при их постриге (25, с. 51). Привеска из Никулицына (рис. 3,*2*) не имеет обуха и шпорец, но атрибуция ее в качестве лезвия топора сомнений не вызывает.

На поселениях обнаружены также амулеты из клыков и зубов животных (рис. 3, *4, 6*), аналогичные находкам на памятниках многих культур железного века, в том числе у финно-угров Прикамья, волжских булгар и славян. Интересно, что амулеты могли порой совмещать функции и языческого, и христианского оберега (например, найден амулет с надписью: «Господи, помози») (32, с. 73). Вероятно, эти же задачи выполняли и две подвески из речных раковин, найденные на Вятском городище в дорусском слое (рис. 2,*6*).

К числу предметов языческих суеверий относятся кремневые «громовые стрелы»: наконечник стрелы (рис. 3,*7*), скребок и обломок ножа из Хлыновского кремля, а также некоторые орудия с Никульчинского, Вятского, Подчуршинского, Ковровского и Котельничского городищ, Родионовского селища. Поверья о «громовых стрелах» (за них принимались и «чертовы пальцы»-белемниты) связывали находки кремневых изделий с попаданием в землю вместе с ударом молнии и выходом на поверхность через 3 или 7 лет. Считалось, что посредством «громовки» Илья-пророк убивает дьявола. Неспроста их считали оберегами от грозы, пожаров и некоторых болезней. Эти поверья нашли отражение в литературе, например в «Луцидариусе» («бывает же в то время молния и исходят на землю падающие стрелки громные и топорки серовидны»). Данные суеверия осуждались церковью сразу после введения православия (в «Кормчей») и позднее (в «Домострое») (33, с. 78—79; 34, с. 120). На Вятке они также зафиксированы, местные крестьяне использовали «громовки» в качестве лечебных средств и амулетов (26, с. 15—24).

Аналогичные находки имели распространение на территории всего Прикамья. К примеру, на верхнекамском могильнике Анюшкар в одном из погребений найдено глиняное яйцо-писанка с зеленовато-желтой поливой. Подобные изделия были широко распространены в Киевской Руси XI—XII вв. Культ яиц как источника жизни был связан с весенними праздниками, в значительной степени поглощенными пасхой (9, с. 668—670; 35, с. 141—145). О распространении культа Перуна на Верхней Каме, по мнению В. А. Оборина, свидетельствуют не только находки антропоморфных фигурок из Пянтега и Чердыни, но и боевого инкрустированного топора XI—XII вв. из окрестностей Пянтега, шестиугольной булавы с шипами в урочище Модгорт (Гайнский район). Весьма вероятна связь Перуна с Пере-богатырем коми преданий, как, возможно, и с культом другого местного божества — Войпеля (Войпера). Известно совместное использование языческих святилищ коми-пермяками и русскими (Искор, Пянтег, Модгорт), священных рощ и мест вплоть до XX в., а православная церковь в XVII—XIX вв. мирилась с использованием пермской деревянной скульптуры в христианских храмах. Позднее культ Перуна был трансформирован церковью отчасти в почитание Николы Можая, а в основном — в сложение культа Ильи-Пророка, сопровождавшихся мощными языческими наслоениями (36, с. 88—93).

Большой интерес представляют два амулета-змеевика XIV в., отлитые в одной литейной форме. Один из них случайно обнаружен в Малопургинском районе Удмуртии (рис. 3,*16*), второй, происходящий с верховьев Камы или Чепцы, опубликован Н. Г. Первухиным (37, с. 126, рис. 118). По суждению специалистов, змеевики имеют византийские истоки и являются памятниками смешения христианских и языческих представлений в Древней Руси в эпоху «двоеверия». Они были амулетами охранительного характера, оберегая владельцев от болезней, причем оберегами выступали и языческая композиция со змеями, и христианская символика в виде святых воинов-всадников (38, с. 21, 31—46, 72—73, рис. 1—5, табл. XIV—1, 2).

Показательно, что славянская языческая атрибутика проявилась даже на таких предметах культа, как кресты-тельники, что можно трактовать как отражение сохранившихся реликтов двоеверия. Сама форма древнерусских крестов XII — начала XV в., концы которых оформлены в виде кринов (трилистников или распускающихся бутонов, рис. 4,*1—6*), хотя и имеет корни в византийских традициях, но несет в себе явные языческие элементы (9, с. 637). А вообще, крест как главный атрибут христианства воспринимался изначально как символ вселенной и, по словам Иоанна Златоуста, означал, «что распятый Бог все вмещает и все объемлет». Неспроста крест стал основой всех церковных таинств и наделялся особой чу-

Рис. 4. Христианские кресты и энколпионы с поселений Вятской земли (1—7, 10, 11, 13—30 — бронза; 8 — хрусталь; 9 — янтарь; 12 — железо). 1—3, 6, 8, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 19, 22—26, 29, 30 — Никульчинское городище; 4, 5, 7, 9, 12, 20 — Ковровское городище; 13 — Орловское городище; 15а — Слободское городище; 18 — Котельничское городище; 21 — Шабалинское городище; 27—28 — Подчуршинское городище.

дотворной силой. На Руси он также являлся символом особой «крестной» силы, обладающей охранительным действием, что свидетельствует как будто в пользу языческих пережитков (39, с. 70—71). Использование в орнаментике более строгих 4-конечных крестов с прямоугольными концами (XIII—XVI вв.), элементов плетенки и даже «змеиной» композиции (рис. 4,*10, 11*) не оставляет никаких сомнений в языческой сущности этого явления. Подобное отмечено Б. А. Рыбаковым для эмальерных энколпионов (9, с. 610, рис. 106).

Изделия более позднего периода (XVII—XIX вв.) также содержат отдельные элементы языческого по происхождению декора (той же плетенки или геометрических композиций на обратной стороне крестов, рис. 4,*14, 15, 17, 22*). Мастер орнаментировал изделия по сложившейся традиции, очевидно, не вкладывая при этом какого-либо конкретного, в том числе языческого, смысла.

Преобладание внешних атрибутов христианства отнюдь не подтверждает господства официальной религии в народном сознании. Погребальный обряд, например, во многом противоречит ее догмам. В частности, глубина могильных ям на большинстве некрополей XII—XVI вв. редко превышает 1 м, особенно выделяется малой глубиной Шабалинский могильник (0,2—0,4 м), что свидетельствует об очевидной древности этого безынвентарного кладбища (40, с. 439) XII—XIV вв. (?). Здесь зафиксировано несколько парных могил, расчлененный костяк (рис. 6Б,*2*), а также возможные признаки человеческого жертвоприношения (два погребения, в которых между костей ног располагалось по два черепа, рис. 6Б,*3, 4*).

Чрезвычайно архаичный обряд выявлен на Еманаевском могильнике XII—XIV вв. на р. Пижме (раскопки Н. А. Лещинской 1985 и 1986 гг.), где могилы расходятся от центральной площадки в разные стороны (в виде веера), соответственно меняя ориентацию (рис. 5Б). Похожая планировка могил зафиксирована на грунтовых могильниках X—XIII вв. в Новгородской земле (41, с. 162—164). На могильнике обнаружены черты, не известные на других славянских памятниках. Подавляющее большинство захоронений (61 из 72) совершено по способу трупоположения. В 7 ямах выявлены остатки кремации покойных (рис. 5А, *6*); они образуют на плане могильника овал (14х7 м). Выявлено 4 погребения с частичной кремацией, два из них вписывались в линию овала, а другие находились вне его, но также меняли свою ориентацию. В западной их половине обнаружены остатки черепа или верхней половины костяка, в противоположной — пережженные кости (рис. 5А,*3*). В середине восточного края овала, несколько вдаваясь внутрь его, располагалось парное захоронение взрослых, убитых стрелами, X—XIV вв. В двух небольших ямах в южной части могильника никаких костей не зафиксировано, однако их форма и

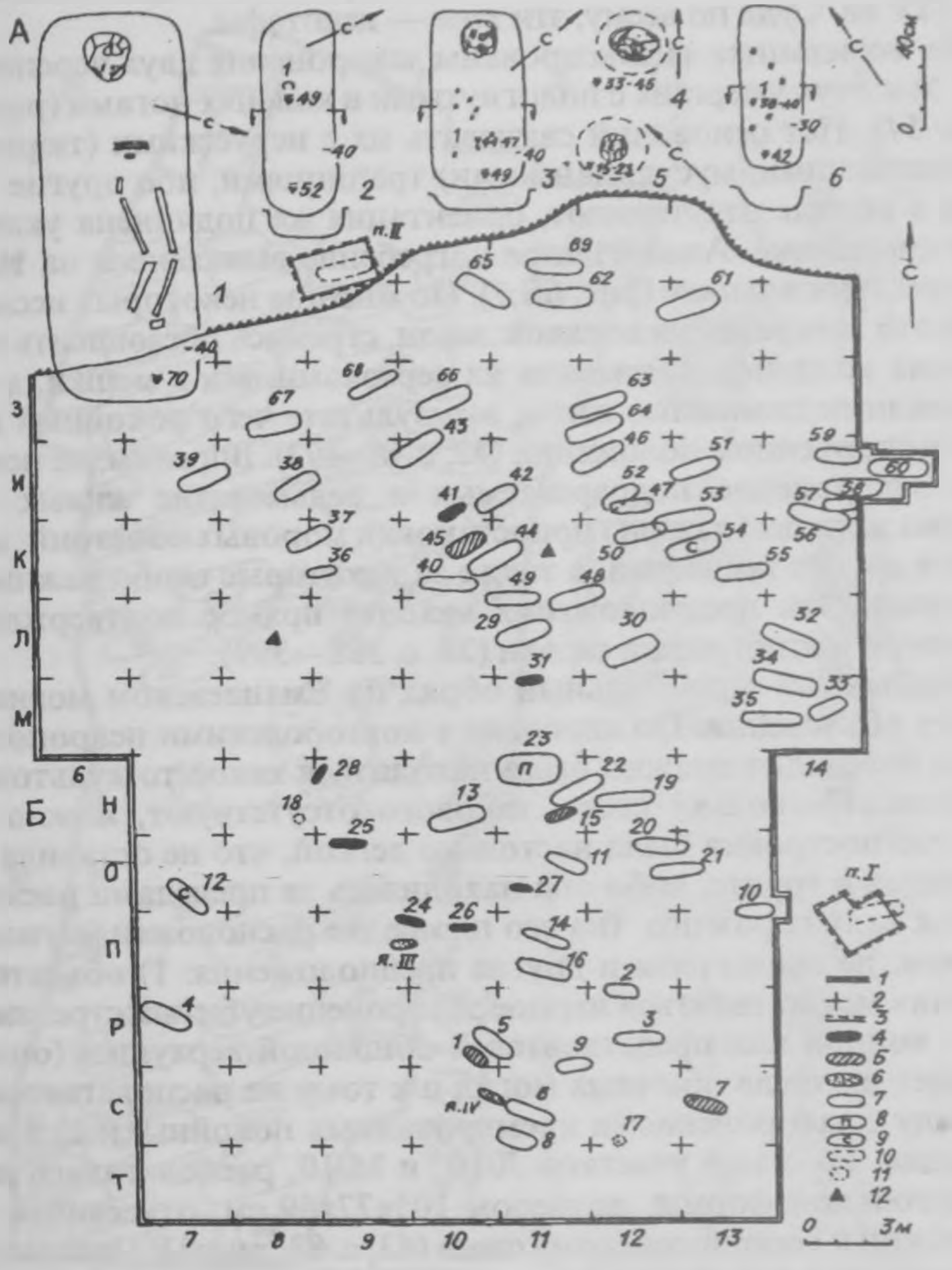

Рис. 5. Еманасвский могильник.

А — планы отдельных погребсний: 1 — № 54; 2 — яма IV (1 — бронзовый браслет); 3 — № 1 (1 — кальцинированные кости); 4 — № 17; 5 — № 18; 6 — № 6 (1 — кальцинированные кости).

Б — план раскопа: 1 — границы раскопа; 2 — границы участков; 3 — границы шурфов М. В. Талицкого; 4 — погребснис с кремацисй; 5 — могила с неполной кремацисй; 6 — кснотаф (?); 7 — трупоположснис; 8 — парнос захоронснис; 9 — погребснные с согнутыми ногами; 10 — предполагасмые очертания; 11 — захоронснис черепа; 12 — место находки фрагмснтов круговой керамики.

подчиненность ориентации убеждают в принадлежности их к некрополю. В одной из ям (рис. 5А,*2*) найден бронзовый дротовый браслет IX—XIV вв. Судя по всему, эти ямы — кенотафы.

На могильнике зафиксированы захоронения двух черепов (рис. 5А,*4, 5*) и двух умерших с подогнутыми в коленях ногами (рис. 5А,*1*; 5Б,*12, 54*). Нет оснований связывать их с нерусскими (тюркскими, кочевническими, мусульманскими) традициями, ибо другие отклонения в обряде отсутствуют, ориентация же подчинена указанной выше специфике. Аналогичное погребение выявлено и на Никульчинском I могильнике (рис. 6Б,*1*). По мнению некоторых исследователей, это захоронения волхвов: люди, стремясь обезопасить себя от умерших колдунов, связывали их веревками или в мешки, а порой подрезали подколенные жилы, в результате чего покойный оказывался в скорченном положении (42, с. 89—92). Впрочем, не исключено и захоронение подозреваемых в ведьмовстве живых людей (обычно женщин) с целью приостановки моровых поветрий, падежа скота и других несчастий, а также за некоторые особо важные преступления. Эти предположения находят прямое подтверждение в фольклоре и этнографии славян (33, с. 398—399).

Необычный погребальный обряд на Еманаевском могильнике требует объяснения. По аналогии с новгородскими некрополями в центре площадки должно было находиться какое-то культовое сооружение. Поскольку следы такового отсутствуют, можно полагать, что постройка была настолько легкой, что не оставила никаких следов в грунте, либо она находилась за пределами раскопа — ближе к валу городища (на его площадке расположен могильник). Впрочем, не исключены и другие предположения: 1) объектом поклонения могло являться парное захоронение убитых стрелами людей — воинов или представителей общинной верхушки (оно явно выпадает из числа обычных могил и к тому же располагается в одном ряду с захоронениями кремированных покойных); 2) в центре площадки, на стыке участков Л/10 и М/10, располагалась яма VI прямоугольной формы, размером 105x77x59 см, отнесенная Н. А. Лещинской к городищенскому слою (43, с. 83, рис. 1). Поскольку состав находок в ней (шлак, кости животных, кальцинированные кости) оставляют ответ на вопрос о датировке ямы не совсем ясным, было бы заманчиво попытаться связать ее с существовавшим на этом месте древнерусским культовым сооружением. В межмогильном пространстве обнаружено два фрагмента белоглиняной тонкостенной керамики XII—XIV вв., аналогичной посуде с расположенных неподалеку селищ этого времени,— признак языческого обычая битья посуды на кладбище (42, с. 23—25).

Интересные результаты дали раскопки на могильнике Покста и

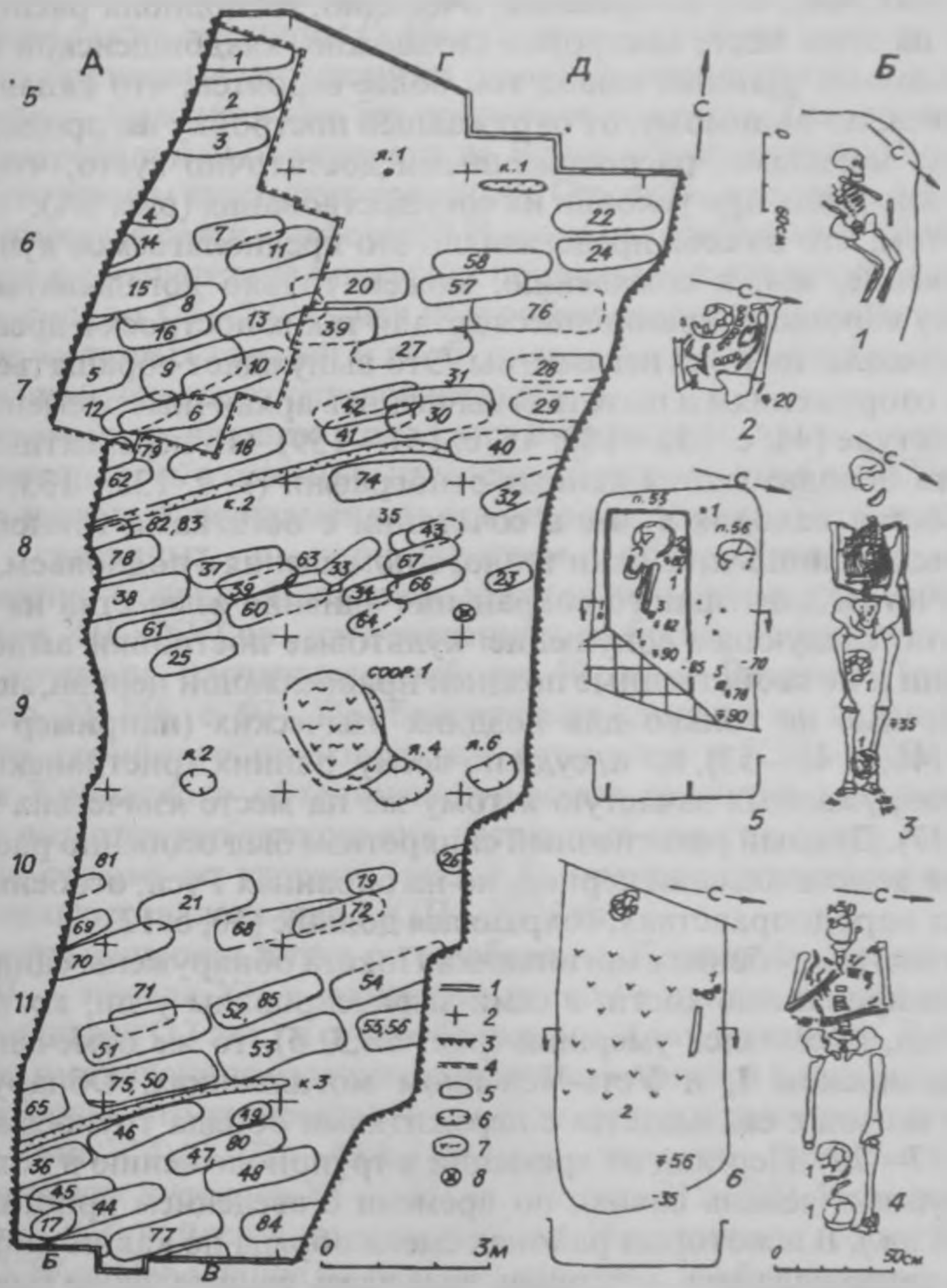

Рис. 6. А — план раскопа на могильнике Покста и поселении Покста II: 1 — границы раскопа 1988 г.; 2 — границы участков; 3 — край обрыва; 4 — границы раскопа 1985 г.; 5 — очертания могильных ям; 6 — очертания сооружения, ям и канавок; 7 — золисто-углистый слой; 8 — деревянный столб.

Б — планы отдельных погребений могильников: Никульчинского I (1 — № 15); Шабалинского (2 — № 9; 3 — № 13; 4 — № 21); Покста (5 — № 55, 56: 1 — угли, 2 — шлак, 3 — фрагменты лепной керамики; 6 — № 2; 1 — фрагмент лепной керамики, 2 — угли).

поселении Покста II. Здесь, в центре свободного (как и на Еманаево) от погребений пространства (7х4 м), выявлена подпрямоугольная яма (2,0х1,4х0,5 м), оставшаяся, очевидно, от подпола располагавшейся на этом месте постройки (возможно, кладбищенской церкви или часовни). Данный вывод тем более вероятен, что канавки, оставшиеся, по-видимому, от окружавшей постройку изгороди, не нарушены могилами, расположенными достаточно густо, что было возможно лишь при условии их сосуществования (рис. 6А).

О том, что из себя представляло это предполагаемое культовое сооружение, мы, к сожалению, можем только догадываться, поскольку хорошо сохранившиеся детали таких построек в древнерусской археологии пока неизвестны. Это вынуждает обращаться к поздним сооружениям и пытаться вычленить архаичные элементы в их архитектуре (44, с. 155—180; 45, с. 151—159). Но перспективнее все же путь использования данных этнографии (9, с. 123—133; 46; 47; 48). Состав находок в яме в сочетании с остатками глинобитной печи выдает лишь признаки теплого помещения с подпольем. Однако, с учетом длительного сохранения влияния язычества на Вятке, вероятно следующее допущение: культовые постройки выполняли функции и не свойственные поздней православной церкви, но вполне обычные не только для поздних языческих (например кухня-храм) (46, с. 48—53), но и, судя по всему, ранних христианских храмов, сооружаемых зачастую к тому же на месте языческих капищ (49, с. 37). Данный религиозный синкретизм был особенно распространен в домонгольский период, но на окраинах Руси, особенно в северных народоправствах, сохранялся дольше (50, с. 12).

В пяти погребениях могильника Покста обнаружены единичные кальцинированные кости, в семи зафиксированы угли, которыми, вероятно, обсыпался умерший (рис. 6Б,*5, 6*), то же отмечено и на Никульчинском I, и Усть-Чепецком могильниках. Обнаружение угля в могилах связывается с пережитками обряда трупосожжения (42, с. 77—79). Переход от кремации к трупоположению в большинстве русских земель совпал по времени с введением христианства (IX—X вв.). В некоторых районах смена обряда по каким-либо причинам задерживалась, и церковь вела здесь решительную борьбу за искоренение кремации покойных, как, например, в XI—XII вв. в земле вятичей (42, с. 88; 51, с. 148, 151). В ряде могил найдены обломки битой керамики. Этот признак языческого ритуала выявлен и на Усть-Чепецком могильнике. На последнем зафиксированы остатки погребальных конструкций из бересты и коры — традиция, явно заимствованная от древних удмуртов.

Как известно, безынвентарность захоронений — обязательное требование православного обряда, которое, однако, далеко не все-

гда выполнялось в домонгольский период. Но уже в XIII в. сопровождающие покойного вещи встречаются очень редко (52, с. 71; 53, с. 19—20). На могильниках Вятской земли находки погребального инвентаря также единичны (в Никульчино I местные жители нашли какие-то бронзовые украшения в одной из разрушенных могил, а в Еманаево — браслет в яме без признаков костяка). Таковы особенности погребальной обрядности на Вятке, обусловленные длительным бытованием языческих традиций. Отметим, что лишь с XVII в., по-видимому, в связи с реформой Никона, погребальный обряд был приведен в соответствие с догмами православия: увеличивается глубина могил (до 1,5—2,0 м), для постройки домовин начинается применение железных гвоздей и скоб, появляются металлические кресты-тельники, исчезают остатки язычества.

Несмотря на влияние языческих пережитков, православие уверенно внедрялось в сознание населения Вятского края и к XVI в. являлось, пожалуй, фундаментом его мировоззрения. Поэтому предметов, связанных с христианством, обнаружено на Вятке несравненно больше. Например, крестов-тельников из поселенческих слоев XII—XVI вв., изготовленных из бронзы, единично — янтаря и хрусталя, насчитывается более 40 экз. (в Верхнем Прикамье — около 20) (36, с. 93). Приблизительно столько же изделий, как правило, серийного производства, относится к XVII—XIX вв. В фондах Кировского объединенного музея хранятся две литейные формы для отливки нескольких нательных крестов этого времени. Судя по одному из изделий (рис. 4,*5*), производство крестиков на Вятке практиковалось еще с XIII—XIV вв.

Кресты-тельники Вятки разнообразны. К числу бронзовых изделий XII — начала XV в. относятся кресты с дугами средокрестия с криновидными (13 экз.) и сечкообразными (1 экз.) концами. Древнейшими из них являются изделия с соприкасающимися боковыми лепестками кринов, что превращает их центр в целые или неполные окружности (рис. 4,*1, 2*). Аналогичные находки происходят из Владимирских курганов XI—XIII вв. (54, рис. 218, 225). Похожий крестик (рис. 4,*3*) найден в подпольной яме Никулицына, сооруженной около XIV в. Небольшие по размеру изделия с изображением крестика в ромбе (5 экз.) найдены в Ковров0 (рис. 4,*4, 5*), они имеют прообразом изделия не позднее рубежа XII—XIII в., но в данном исполнении датируются концом XIII—XIV вв. (53, с. 13, 19; 55, рис. 134, 11—14, 20; 56, с. 81, рис. 17,4, 6; 57, с. 224, рис. 2—7). Близкие по оформлению крестики большего размера (рис. 4,*6*) найдены в Никульчино (5 экз.) и относятся к XIV — началу XV в. (58, с. 54, рис. 16,*8*). Крест с сечкообразными концами (рис. 4,*7*) обнаружен в жилище XIII в. на Ковровском городище. Он близок по форме изделию первой трети

XIII в. из Старой Рязани (57, с. 225, рис. 2,*7*), а по орнаментации — находке XIII—XIV вв. из Саратовского музея (59, с. 100, рис. 27).

Кресты с прямыми углами средокрестия столь же разнообразны. В их числе — хрустальный крест (рис. 4,*8*), аналогичный каменным изделиям Новгорода XII—XIV вв. (60, с. 111, рис. 8), датируется по совокупности находок в яме концом XII—XIII вв. Крестики из янтаря (рис. 4,9) обычны для древнерусских памятников XIII—XIV вв. Бронзовый крест со жгутообразным орнаментом из Никулицына (рис. 4,*11*) аналогичен находкам первой половины XV в. из Новгорода (58, с. 55, рис. 16—21), XII—XIII вв. из Прибалтики (по данным Э. С. Мугуревича) и Пожегского городища XII—XIV вв. в Республике Коми (61, с.23). Другой крестик с похожим декором, состоящим из змеиных тел (рис. 4,*10*), аналогов пока не имеет. Оба изделия — это вещное сочетание языческих и христианских воззрений периода «двоеверия», отражающее заклинательно-магические представления вятчан XIII—XIV вв. К этому же времени относится железный крестик (рис. 4,*12*).

Более поздние бронзовые кресты отличаются асимметрией — их поперечная ось поднята кверху. Выделяются изделия с утяжеленной нижней осью.

Группа I объединяет достаточно древние кресты с парными выступами по вертикали. 1. Предмет с изображением фигуры распятого Христа (рис. 4,*13*). Иконографический тип подобных распятий характерен для пластики XV в. (62, с. 41), а к концу XV — началу XVI в. они приобретают удлиненные пропорции и активный изгиб тела (63, с. 96—97, ил. 84). Наше изделие имеет небольшое сходство с крестами середины XV в. (62, табл. 54-5, 59-3,7; 63, ил. 80). Аналогичный предмет обнаружен в Пскове и датирован концом XV — началом XVI в. (64, с. 100, рис. 18—1). Описанному экземпляру близки крестики без фигуры распятия, на месте которого изображены культовые символы и предметы. 2. По вертикали — узкие парные выступы и изображение 6-конечного креста со свисающими над ним полукружиями, а также диагональные кресты по концам горизонтальной оси (рис. 4,*19*). По форме он близок изображениям на квадрифолийных крестах-мощевиках середины XIV — начала XV в. (65, рис. 45, 47, 50, 54) и кресту-тельнику первого десятилетия XV в. (66, с. 32—33, табл. 2). 3. Изделия, нижний щиток которых оформлен снизу в виде трех выступов треугольной формы. Фрагменты одного из них (рис. 4,*16*) украшены архаичной плетенкой и надписью «НИКА», условно отнесены к XVI — началу XVII в. Два других изделия, имеющие изображения 7-конечных крестов с надетой на перекладине цатой (рис. 4,*15а*, *17*), дают, кажется, устойчивый XVII в. Крест с изображением массивного 4-ко-

нечного креста и надписью по концам осей «НИКА» (рис. 4,*18*) обнаружен в Котельниче вместе с тверским пуло XV в. 5. Два изделия с изображением на лицевой стороне массивного креста из двойных выпуклых линий, увенчанного дополнительно маленьким крестиком; оборотная сторона одного из них украшена геометрическим узором, в том числе в виде элементов «елочки», а щиток на нижней оси имеет четкую пятиугольную форму (рис. 4,*14, 23*). Датируются, вероятно, XVI — началом XVII в.

Группа II. Кресты со щитом в нижнем конце оси типологически близки предыдущим (типы 4 и 5), но утратили выступы на верхней оси. 1. С изображением 8-конечного креста, опирающегося на Голгофу и надписями на всех четырех концах (в том числе на щитке — «НИКА»); на оборотной стороне одного предмета — слабо различимые надписи и геометрический орнамент (рис. 4,*15*). Такие изделия (8 экз.) датируются, возможно, концом XVI — началом XVII в. 2. С изображением 4-конечного креста из двойных выпуклых линий и надписями по концам горизонтальных осей (рис. 4,*26*), близок изделиям первой группы (тип 5), изготовлен, очевидно, в конце XVI — середине XVII в.

Группа III. Кресты с острыми углами средокрестия и расширенными концами осей (4 экз.), иногда имеют на обороте тексты молитв (рис. 4,*29, 30*). По данным П. А. Корчагина, такие кресты использовались старообрядцами в XVIII в., но, судя по всему, они бытовали и в более раннее время.

Группа IV. Крест с овальными вертикальными и ромбическими горизонтальными осями, имеющими неясные изображения (рис. 4,*22*). Напоминает кресты с распятием и заостренными концами осей, что, по сведениям П. А. Корчагина, присуще никонианским («петровым») крестам конца XVII — начала XVIII в.

Кроме рассмотренных изделий немало поздних крестов с неотягощенными концами осей, зачастую имевшими внешние украшения. К XVIII в. относятся два тельника с лучами, выходящими из углов средокрестия. Один крест имеет на лицевой стороне 8-конечный крест, стилизованные трость и копье, на оборотной стороне — слова молитвы (рис. 4,*21*). Меньшего размера предмет найден на Орловском могильнике XVI—XVIII вв. Есть мнение, что 8-конечная форма крестов отражает образ мира и тесно связана с языческим символом мирового дерева с его троечастностью (67), однако наибольшую популярность 8-конечные тельники получают почему-то в более позднее время, когда, казалось бы, языческие воззрения должны были основательно забыться. Большая группа крестиков XVII—XIX вв. здесь не рассматривается, поскольку их хронология до сих пор не разработана.

На Вятке обнаружено 5 створок крестов-энколпионов и 3 оглавия.

Тип I. Литое изделие с прямыми углами средокрестия и клеймами на концах осей. В центре — распятие Иисуса, под руками которого плохо различимые буквы, в круглых клеймах — изображения святых. На обломке оборотной стороны — Богородица с молитвенно сложенными у груди руками, справа и внизу медальоны со святыми (рис. 4,*28*). Подобные энколпионы отливались в Киеве и бытовали во второй половине XII — первой половине XIII в., то есть в домонгольское время, и попадали в Золотую Орду вместе с пленными (56, с. 59, рис. 5—1).

Тип II. С округлыми углами средокрестия и круглыми клеймами на концах осей, все разграничительные линии покрыты насечками (рис. 4,*26*). Аналогичный крест Л. В. Алексеев относит к XIII в. (68, с. 173, рис. 25—1).

Тип III. Более стройных пропорций (рис. 4,*21*). По поводу датировки в литературе имеются разногласия: от домонгольского времени (69, с. 9, табл. II—37, 38) до XIV—XV вв. (68, с. 215, рис. 2—6, 8), поэтому датировать их надо осторожно, учитывая сопровождающий материал. Ковровский экземпляр относится к XIII—XIV вв.

Тип IV. Квадрифолийный энколпион с полукруглыми клеймами на концах осей с изображениями святых, а в центре — воина с копьем и щитом в руках (рис. 4,*25*). Датировка спорна: Б. И. и В. Н. Хаменко, а вслед за ними и М. Д. Полубояринова, относили такие кресты к XIII в. (69, табл. VIII—95; 56, с. 66, рис. 11-7б), но в Новгороде они найдены в слое второй четверти — середины XV в. (58, рис. 19—3). Наш экземпляр обнаружен в землянке XIII — начала XIV в. Никульчинского городища.

В коллекции культовых предметов Вятской земли есть иконки и образки (две каменные и три бронзовые поделки). 1. Резная иконка из серого шифера с погрудным изображением святого и слабопроцарапанной надписью «ИКОЛАИ» (надпись восстановлена по дневниковой зарисовке Л. П. Гуссаковского). Аналогичные иконки датируются XIII—XIV вв. (62, с. 19, 26, табл. 2—2, 13—3, 54—6; 63, с. 45, ил. 21). Как известно, культ святителя Николая — покровителя городов и защитника Руси от врагов — возникает в XIII в. сначала в форме почитания Николы Зарайского, в XIV в. распространяется культ Николы Можайского, чуть позднее — Николы Великорецкого (70, с. 210—211). Наша иконка посвящена, вероятно, еще не расчлененному культу Николая. Никола Можайский имел, в отличие от византийского типа Николы Зарайского, чисто русский облик и изображался во весь рост с мечом и храмом в руках, его культ также известен на Вятке и особенно в Пермской земле (71, с. 45—47; 36, с. 91—92). Более поздний по времени (очевидно, с XV в.) культ Нико-

лая Великорецкого был на Вятке наиболее популярен, а изображался святитель, как и древнейший его прообраз, в византийских традициях — по пояс, с благословляющей правой рукой и с евангелием в левой (71, с. 38). Думается, что его широкое и быстрое распространение во многом связано с благоприятной почвой, существовавшей со времени почитания древнейшего его предшественника.

2. Обломок иконки из серого камня (рис. 3,*10*) с изображением композиции Преображения, состоявшей первоначально из 6 фигур: Христа, Ильи, Моисея, Петра, Иакова, Иоанна. По мнению Б. А. Рыбакова и В. Л. Янина, икона датируется XIII в. (72, с. 23—24).

3. Подвеска-образок с погрудным изображением святого в киотце (рис. 3,*15*), аналогичная новгородской находке конца XIV — рубежа XIV—XV вв. (58, с. 64, рис. 20—7).

4. Привеска-иконка с погрудным изображением святого (рис. 3, *13*) датируется, вероятно, XIV в.

5. В Никульчино найдены: железное основание иконки и бронзовая подвеска-иконка с углублением для помещения в нем погрудного образа святого (рис. 3,*9*). Их предположительная датировка — XIV—XV вв.

Христианская символика присутствует на сфрагистических материалах Ковровского и Шабалинского городищ. 1. Печать-матрица с зеркальной надписью «Печать Григориева», предназначавшаяся для получения воско-мастичных оттисков на документах (73, с. 257—264), имеет на обороте выпуклое в рост изображение архангела с булавой в руке (рис. 3,*12*). Формула надписи, характер шрифта и изображения, а также выявление подвески с аналогичной фигуркой в Новгороде XII в. (74, с. 56, № 70) позволяет датировать находку второй половиной XIII — началом XIV в. и считать ее личной печатью котельничского земского воеводы Григория. 2. Вислая печать с фигурой архангела в рост (рис. 3, *14*) и неясным очертанием человеческих фигур на обороте. 3. Весьма спорный облик архангела имеется на согнутой пополам и сильно смятой печати. Обе печати относятся, очевидно, к XIII—XIV вв. Вспомогательные культовые функции выполняли осветительные приборы, например, бронзовая лампадка (или кадильница) с поселения Искра XIII—XIV вв. (75, рис. 7—5), железные и глиняный подсвечники из Никулицына и Хлынова.

Проживание на одной территории славяно-русского и древнеудмуртского населения предопределяло смешение этносов и сложение во многом синкретичной православно-языческой системы взглядов. Так, в посланиях митрополитов второй половины XV в. Ионы и Геронтия к вятчанам и вятскому духовенству содержатся обвинения в искажении православных обрядов, в брачных связях христиан с язычниками, в недостаточной компетентности и даже невежестве служителей культа.

Длительная изолированность Вятской земли, участие ее воинов в набегах на соседние земли в XV в. привели к разрыву связей с центральными землями Руси. Пополнение штата шло, вероятно, за счет попавших в плен или бежавших сюда представителей духовенства, а также путем подготовки их из числа местных жителей. Все это влияло на уровень учености вятских проповедников христианства, примиряло их с расширением и углублением межэтнических контактов.

Обрусевшее финно-угорское население продолжало сохранять свою языческую веру, даже если формально переходило в православие, что ярко иллюстрируется посланием митрополита Симона в Пермь (1501 г.), увещевавшего пастырей соблюдать свои обязанности и наставлять новопросвещенных в христианских добродетелях, а мирян — об оставлении языческих заблуждений: «А кумиром бы есте не служили, ни треб их не принимали, ни Воипелю болвану не молитеся по древнему обычаю, и всех Богу ненавидимых тризнищ не творите идолом, ни женитв незаконных не чините богумерзких» (76, № 112, с. 168). Нередко отношение язычников к христианам было враждебным, примером чему служит исследованное на Искорском городище (Чердынский район Пермской области) родановское святилище. У входа в него было обнаружено ритуальное погребение ребенка с черепом, пробитым топором и наконечником стрелы. В. А. Оборин полагал, что, судя по наличию русского медного крестика, крещенный христианами ребенок был принесен в жертву местными язычниками, а затем похоронен в дубовом корытце на жертвенном очаге. Позднее на месте святилища, разрушенного русскими в XV в., была поставлена христианская часовня, к которой в день Параскевы Пятницы стекалось население окрестных деревень, совершая здесь трапезу и богослужение и бросая мелкие монеты на землю (в ходе раскопок здесь найдены русские монеты, начиная с конца XVII в.) (77, с. 80—81).

Случаи добровольного принятия христианства редки и, как правило, связывались с надеждами на определенные льготы. Например, удмурты Сырьянской волости Слободского уезда получили в 1557 г. льготы в обмен на решение креститься и построить церковь (78, с. 353—354). По сведениям голландца Н. Витсена (1692 г.), значительная часть удмуртов сохраняла языческие традиции, даже проживая рядом с русскими городами Вятской земли (79, с. 5—54). По мнению П. Н. Луппова, процесс восприятия язычниками православия ускорился с проведением податной реформы 1588 г., облегчившей положение удмуртов Вятской земли, также в результате деятельности монастырей и учрежденной в 1657 г. Вятской епархии (80, с. 70—89).

Борьба церкви и властей с языческими пережитками велась постоянно. Например, в грамоте Василия III наместнику г. Слободского Ивану Караулову от 1528 г. предписывалось арестовывать скомо-

рохов наряду с беглыми и разбойниками (81, с. 80). В последней четверти XVII в. значительную роль в борьбе за чистоту православия сыграл архиепископ Вятский Иона, который не только преследовал раскольников, но и уделял большое внимание миссионерской деятельности среди язычников края, а также провел ревизию местных церковных праздников и запретил культы, имевшие какие-либо языческие включения (82, с. 197—198). В 1744 г. дьякону Тимофею Хлобыстову по инструкции Духовного Приказа было поручено проверить 10 церквей Слободского уезда с целью выяснить существование каких-либо суеверий, попыток нажиться за счет святых икон, колодцев и источников, ложных чудес, неосвидетельствованных тел, выдаваемых за мощи святого, а также «не являются ли где какие кликуши и притворноюродцы и босые». В результате этой проверки дьякон доложил, что «в Синеглинском селе при церкви Петра и Павла имеются в часовне мощи Иоанна Пустынного неосвидетельственныя, к которым мощам многие люди приезжают и исцеления от болезней много получают». Было проведено расследование, и, по решению Святейшего Синода, почитание Иоанна Пустынного было запрещено (83). Аналогичное расследование проводилось в 1834 г. относительно происхождения панихиды по Марии Убиенной в д. Ледовской близ Кукарки. Оно показало отсутствие достоверных сведений о Марии, но, вследствие древности преданий о ней, оставлено без последствий (84, с. 418—420).

Собранные Д. К. Зелениным и другими авторами сведения позволяют утверждать, что языческие традиции были широко распространены у вятчан еще в конце XIX — начале XX в. Они вполне мирно уживались с официальным православием, незаметно переплетались с ним и воспринимались как неотъемлемая часть духовной культуры. Отголоски многих традиций бытуют у жителей Вятского края до настоящего времени, они также требуют своего изучения и осмысления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история//Избр. произв. в 2 т. М.: Наука, 1986. Т. 2.

2. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской письменности XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965.

3. *Амелькин А. О.* Знак на гребне с городища Иднакар: (к вопросу о начальном периоде русско-удмуртских контактов)//Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

4. *Иванова М. Г.* Основные этапы этнической истории северных удмуртов//Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

5. *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Наука, 1973.

6. *Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.* Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса)//СА. 1980. № 2.

7. *Макаров Л. Д.* Формирование территории Вятской земли в XII—XVII вв.//Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.

8. *Лещинская Н. А.* Средневековые поселения на левобережье р. Вятки//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984.

9. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.

10. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976.

11. *Атаманов М. Г.* Микроэтнонимы удмуртов//Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Ижевск, 1980.

12. *Зелепин Д. К.* Что такое «воршуд»?//Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии.

13. *Яшин Д. А.* Мотив превращения в удмуртских народных сказках//Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов, 1986.

14. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв.//САИ. Л.: Наука, 1981. Вып. Е1—60.

15. *Напольских В. В.* Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли //Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990.

16. *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья//ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9.

17. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров//САИ. М.: Наука, 1979. Вып. Е1—59.

18. *Динцес Л. А.* Древние черты в русском народном искусстве//История и культура Древней Руси. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2.

19. *Ефименко П. С.* Старинные гребенки в Пинежском уезде Архангельской губернии//Древности/Тр. МАО. М., 1874. Т. 4. Вып. 1.

20. *Голубева Л. А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья//СА. 1966. № 3.

21. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. М., 1961. № 94.

22. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3.

23. *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Перплут//СА. 1967. № 2.

24. *Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян//История русского искусства. М., 1953. Т. 1.

25. *Макаров Н. А.* Древнерусские амулеты-топорики//РА. 1992. № 2.

26. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии//МАВГР. М., 1893. Вып. 1.

27. *Алешковский П. М.* Языческий амулет-привеска из Новгорода//СА. 1980. №4.

28. *Макаров Л. Д.* Славянские языческие амулеты со Средней Вятки//Плёсский сборник. Плёс, 1993. Вып. 1.

29. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М.: Наука, 1975.

30. *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески//Очерки истории русской деревни X—XIII вв. М.: Советская Россия, 1967. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

31. *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и культура//История культуры Древней Руси. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2.

32. *Мусин А. Е.* К характеристике русского средневекового мировоззрения (Проблема «двоеверия»: методологический аспект)//Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель»: Тез. докл. Л., 1990.

33. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избр. статьи. М.: Современник, 1983.

34. Домострой. М.: Советская Россия, 1990.

35. *Макарова Т. И.* О производстве писанок на Руси//Культура Древней Руси. М., 1966.

36. *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990.

37. *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. Примечания редакции//МАВГР. М., 1896. Вып. 2.

38. *Николаева Т. В., Черепов А. В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука. 1991.

39. *Алексеев Л. В.* Крест Ефросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена (к 830-летию знаменитой реликвии)//РА. 1993. № 2.

40. *Голубинский Е. Е.* История канонизации русских святых в русской церкви. М., 1903.

41. *Конецкий В. Я.* Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли//Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984.

42. *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1987.

43. *Лещинская Н. А.* Исследования Еманаевского городища//Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.

44. *Максимов П. Н.* Творческие методы древнерусских зодчих. М.: Стройиздат, 1976.

45. *Логвин Г. Н.* О деревянном зодчестве домонгольской Руси//Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.

46. *Шепиков А. А.* О языческих храмах у восточных славян//Язычество восточных славян. Л., 1990.

47. *Денисова И. М.* Дерево — дом — храм в русском народном искусстве//СЭ. 1990. № 6.

48. *Денисова И. М.* Образ древнеславянского храма в русском народном искусстве//ЭО. 1992. № 5.

49. *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* Христианские символы и языческие традиции Древней Руси//Символы в культуре. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.

50. *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* Древнерусская церковь и архаические традиции//Язычество восточных славян. Л., 1990.

51. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв.//Археология СССР. М.: Наука, 1982.

52. *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978.

53. *Макаров Н. А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI—XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья)// КСИА АН СССР. М., 1991. Вып. 205.

54. *Спицын А. А.* Владимирские курганы//ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.

55. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)//МИА. М., 1959. № 65.

56. *Голубовская М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.

57. *Даркевич В. П., Пуцко В. Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.)//СА. 1981. № 3.

58. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.

59. *Спицын А. А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея//ИАК. Пг., 1914. Вып. 53.

60. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//СА. 1958. № 2.

61. *Савельева Э. А., Клепов М. В.* Пожегское городище//Серия препр. Сыктывкар, 1992. Вып. 278.

62. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.//САИ. М., 1983. Вып. Е1—60.

63. *Рындина А. В.* Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV—XV веков. М.: Наука, 1978.

64. *Сергина Т. В.* Раскопки в Окольном городе в 1978—1979 гг.//Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.

65. *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976.

66. *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в.//САИ. М., 1971. Вып. Е1—49.

67. *Корчагин П. А.* Взаимодействие языческого и христианского мировоззрений. Предметы христианского культа//Актуальные проблемы исторической науки: Тез. докладов. Пермь, 1989.

68. *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литье из некоторых западно-белорусских земель (кресты и иконки Белоруссии)//СА. 1974. № 3.

69. *Ханенко Б. И. и В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1.

70. *Морозова З. П.* Прорись иконы «Явление Николы на древе князю Дмитрию Ивановичу перед Куликовской битвой»//Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983.

71. *Верещагин А. С.* Почитание на Вятке Николы Можайского в XVII веке// ПКВГ на 1902 г. Вятка, 1901. Отд. II.

72. *Гуссаковский Л. П.* Отчет об археологических исследованиях в городе Кирове Кировской области в 1957 г.//Архив ИА АН СССР. Р—1. № 1619.

73. *Седова М. В., Куртинова Н. М.* Три случайные находки печатей XV в. в Суздале//История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989.

74. *Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В.* Древний Новгород: Прикладное искусство и археология: Альбом. М.: Искусство, 1985.

75. *Макаров Л. Д.* Поселение Искра — новый памятник в бассейне Средней Вятки//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып. 2.

76. Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1.

77. *Оборин В. А.* Использование русским населением в XV—XVII вв. поселений нерусского населения на Урале//Древности Волго-Камья. Казань, 1977.

78. Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв. Ижевск, 1958.

79. *Макаров Л. Д.* Сведения Н. Витсена о финно-уграх Волго-Вятского междуречья//XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: (Тезисы докладов). Устинов, 1987. II.

80. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до начала XIX в. Изд. 2. Вятка, 1902.

81. Труды ВУАК 1905 года. Вятка, 1905. Вып. III. Отд. III.

82. *Эльмановский А. В.* Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII вв. Киров, 1956.

83. *Шабалин В. И.* Иоанн Пустынник, почитавшийся (в Слободском уезде) за брата преп. Трифона, по архивным документам Духовной Консистории//Тр. ВУАК 1907 года. Вятка, 1907. Вып. 1. Отд. III.

84. *Бехтерев Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии (окончание)//Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2.

85. *Зеленин Д. К.* Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904.

86. *Иосиф*, архим. О крестных ходах Вятских//ПКВГ на 1870 г. Вятка, 1870.

87. *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1.

88. *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии//ПКВГиК на 1905 год. Вятка, 1904. Отд. II.

Leonid Makarov

PAGANISM AND CHRISTIANITY IN SPIRITUAL LIFE OF POPULATION LIVED IN THE REGION BETWEEN KAMA AND VYATKA DURING THE DEVELOPED AND THE LATE MIDDLE AGES

The problem of interaction of Paganism and Christianity on the example of antiquities of Kama-Vyatka region is under consideration in this article.

The author gives the description of some archeological materials of local Finno-Permian population testifying it's pagan believes.

Different things of slavonic paganism closely connected with believes of Finno-Ugric people of Russian North are described by the author. Special part is devoted to the christian traditions of ancient Russian settlers interlaced with the local and newly come paganism on the territory of Kama region.

Detailed analysis of cult plastic and funeral rites is also given. The forms of perception of Orthodox religion by local pagans and the attempts of the authorities together with the official church to liguidate the most visible pagan survivals are shown in conclusion.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Татьяна Никитина
Йошкар-Ола

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ МАРИЙСКОГО ЭТНОСА

В прошлом столетии в связи с решением мерянской проблемы впервые возник вопрос о происхождении марийского народа. Финский языковед М. Кастрен высказал мнение, что «меря» — просто славянское видоизменение «мари», что означает «люди», а это наводит на мысль, что «меря» или состояла из черемис или представляла родственное племя» (1, с. 16—17). Впоследствии к нему присоединились Д. А. Корсаков (2, с. 36), Т. С. Семенов (3, с. 228—258). А. Куник также связал упоминаемую Иорданом мерю («merens») с близко родственной черемисой (4, с. 155).

В XIX в. появляется серия этнографических работ, посвященных марийцам. Казанский профессор И. Н. Смирнов в 1889 году на основе исторических, этнографических, лингвистических и фольклорных материалов в историко-этнографическом очерке «Черемисы» признал генетическую близость горных и луговых марийцев. Определяя прародиной марийского этноса широкую территорию от Костромы до Вятки, автор объединяет мари с летописной мерей. Другой этнограф С. К. Кузнецов уже в начале XX в. писал, что меря — предки «нынешних черемис» (5).

Из археологов теорию отождествления марийских племен с мерянскими поддержал А. А. Спицын (6). Над проблемой происхождения марийского этноса археологи активно стали работать в советский период. В 20-е годы на территории Поволжского региона была организована Антропологическая комплексная экспедиция Московского государственного университета. В ее составе работали Б. С. Жуков и О. Н. Бадер, Е. И. Горюнова и М. А. Алихова, а также известные антропологи и этнографы. Полученные материалы впоследствии послужили основой для написания многочисленных работ, в том числе затрагивающих проблему происхождения и исторического развития марийского народа.

В 1949 году вышла первая обобщающая монография А. П. Смирнова «Археологические памятники на территории Марийской

АССР и их место в материальной культуре Поволжья», представляющая археологический очерк истории населения Марийского края с периода заселения до XVII в. (7). Автором выдвинута теория, продолженная в других работах (8), о начале формирования этнических основ древнемарийского народа в результате расселения городецких племен с правобережья Волги на левый берег в бассейн Поветлужья.

Частично эту точку зрения разделял О. Н. Бадер. Последний поддержал тезис о переселении в первой половине I тыс. правобережного населения в область левобережья, но в отличие от А. П. Смирнова, на материалах Ветлужской экспедиции пытался доказать сложение древнемарийской культуры в Поветлужье не на городецкой, а на дьяковской основе (9).

Созвучно этому утверждению выступление В. Ф. Генинга в 1965 году на сессии, посвященной вопросам происхождения марийского народа, в котором докладчик сделал следующее заключение: «Материалы рубежа I и II тыс. н. э. достаточно определенно свидетельствуют об этнической близости марийцев с другими мерянскими племенами», основанной «на базе восточного варианта дьяковской культуры раннего железного века» (10, с. 70).

С 1956 года Марийской археологической экспедицией исследуются разновременные археологические памятники и создается надежная источниковая база для изучения ранних этапов этногенеза марийского народа. Руководителем этой экспедиции А. Х. Халиковым в трудах МАЭ (11, с. 179) сформулирован тезис о смешанном характере марийской культуры, сложившейся в результате синтеза городецкой и азелинской культур. В его последующих работах по этногенезу финно-угорских народов в схеме сложения марийского этноса основная роль отведена азелинскому компоненту: «а) основу древнемарийского этноса составили западные группы позднеананьинского (азелинского) населения, имеющие в своей культуре городецко-дьяковские элементы; б) основа горных марийцев — племена, растворившие значительное число городецко-дьяковских элементов, что и объясняет их относительную близость к другим группам волжских финнов...; в) основу луговых марийцев составили азелинские и близкие им западные послеананьинские племена при минимальном участии позднегородецкого населения» (12, с. 63). При этом Халиков признает определенное воздействие южных ираноязычных племен.

Значительный вклад в изучение ранних этапов этнической истории и материальной культуры марийского народа внес Г. А. Архипов, определивший, что в V—VII вв. ядро древних мари формируется в Ветлужско-Вятском междуречье на основе горо-

децко-азелинского субстрата (Мл. Ахмыловский могильник, Кубашевское городище). Впервые этот тезис был им озвучен в 1965 году на сессии по происхождению марийского народа (14), а впоследствии неоднократно аргументировался и дополнялся в многочисленных статьях и монографических исследованиях (15—21).

Иная точка зрения высказана лингвистами. По данным топонимики И. С. Галкин, опираясь на распространение древнемарийских гидронимов на *-нер, -нар,* утверждает, «что прародина мари была главным образом на правом берегу Волги и несколько южнее и западнее, чем в настоящее время. Луговая сторона Волги была заселена прапермянами» (22, с. 18; 23, с. 306).

По мнению Д. Е. Казанцева, посвятившего свою работу историческому языкознанию, в начале н. э. Ветлужско-Вятское междуречье «принадлежало предкам пермских народов», а истоки марийской культуры следует искать юго-западнее в памятниках Кошибеевского круга (24, с. 36—57).

Б. А. Серебренников, признавая промежуточное место марийского языка между мордовским и удмуртским, все же отмечает, что сходства с пермскими языками являются лишь типологическими и не определяют органическую близость двух языковых систем, а сходства с мордовскими языками свидетельствуют «о материальной общности грамматических структур двух языков. Это явления, которые не могут быть заимствованы одним языком от другого» (25, с. 174). По его мнению, в древности прамарийский язык был одним из северных диалектов языка волжско-финской общности и его носители проживали юго-западнее вплоть до нижнего течения р. Оки.

Таким образом, суммируя вышеперечисленные точки зрения, возможно выделить два основных направления: а) местное формирование мари доказывалось, в основном, на археологическом материале; б) большинство лингвистов являются сторонниками переселения марийцев на территорию современного проживания из юго-западных районов.

Основополагающими памятниками для археологических построений явились Младший Ахмыловский могильник, городища Поветлужья, могильник на Чортовом городище и Кубашевское городище, без сомнения, относящиеся к одному кругу.

Еще раз вернемся к ним.

Младший Ахмыловский могильник был расположен в Горномарийском районе Республики Марий Эл на берегу Ахмыловского озера в левобережье, почти в устье древнего русла р. Ветлуги. Могильник раскапывался в различные годы (1962, 1963, 1965—1969, 1974) Марийской археологической экспедицией (А. Х. Халиков и Г. А. Архипов) и экспедицией Марийского ГУ (В. С. Патрушев).

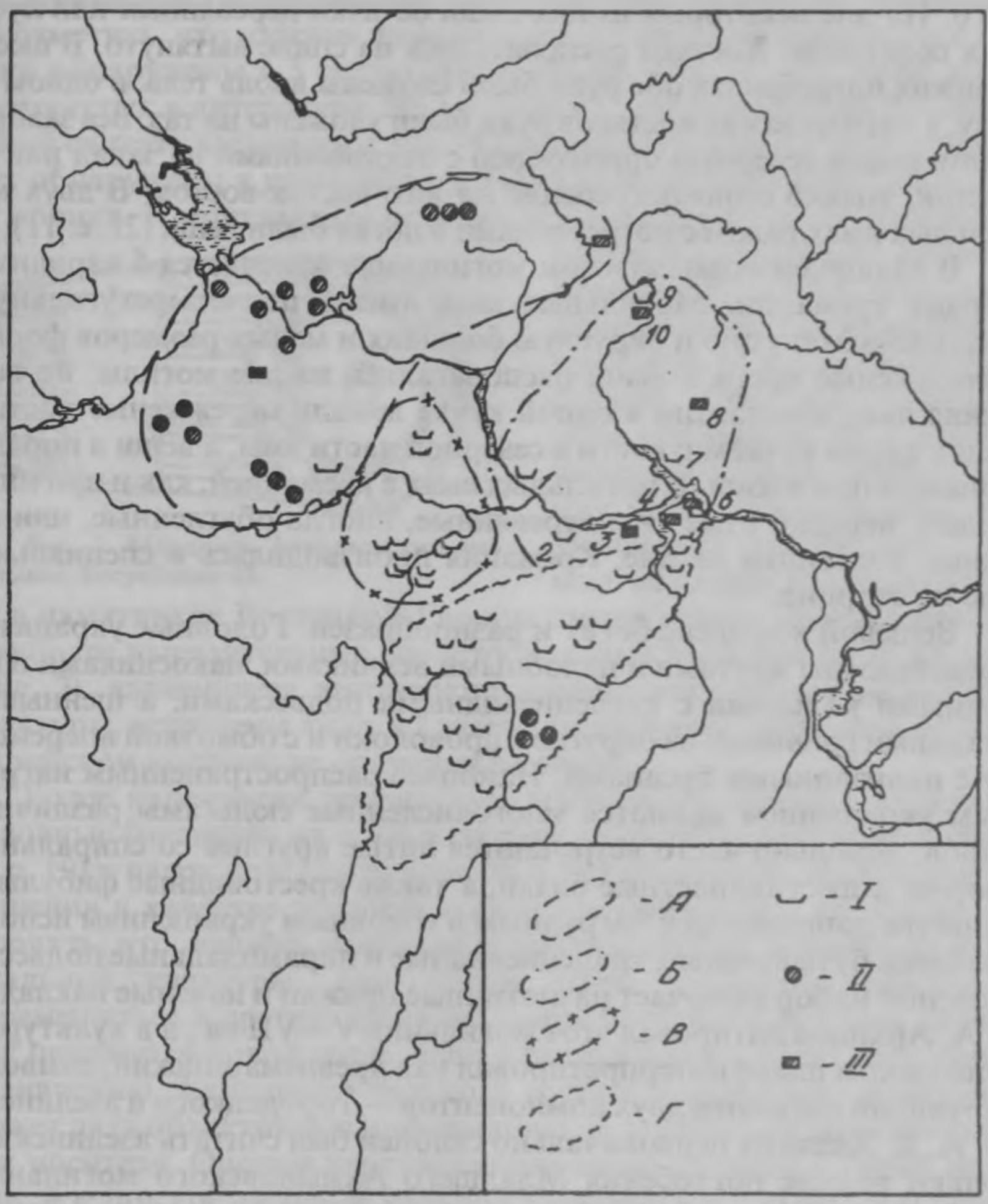

Рис. 1. Карта археологических памятников

А — мерянские, Б — марийские, В — муромские, Г — мордовские, I — могильники, II — селища, III — городища.

В 70 могильных ямах изучено 76 захоронений: 54 (72%) из них совершено по обряду ингумации, 15 (19,7%) по обряду кремации, 4 погребения носят характер частичной кремации, в 2-х погребениях никаких остатков костяка не прослежено. Размеры подпрямоугольных могильных ям с ингумацией обычно соответствовали росту погребенного. На дне некоторых из них были остатки деревянных или лубяных подстилок. Костяки располагались на спине вытянуто. В шести женских погребениях обе руки были сложены вдоль тела, в одном на тазу, у пяти мужских костяков руки были уложены на таз. Все захоронения имели северную ориентацию с отклонениями на запад или на восток, только одно погребение на юго-восток-восток. В двух могильных ямах рядом с погребениями в ногах были вещи (21, с. 11).

В Младшем Ахмыловском могильнике отмечается 5 вариантов обряда кремации. Могильные ямы имеют подчетырехугольную, овально-вытянутую и округлую больших и малых размеров форму. Пережженые кости и вещи располагались на дне могилы: по всей длине ямы; компактно в одной кучке лежали пережженые кости и вещи, двумя кучками; кости в северной части ямы, а вещи в порядке ношения при жизни. В могильных ямах с кремацией, как и при ингумации, нередко отмечены деревянные, иногда обугленные, или лубяные подстилки на дне. Кремация производилась в специальной яме на стороне.

Вещевой комплекс богат и разнообразен. Головные украшения представлены жгутами и налобными венчиками, накосниками и височными кольцами с трапециевидными подвесками, а шейные — гладкими гривнами из округлой проволоки и с обмоткой вперемешку с нанизанными бусинами. Наиболее распространенным нагрудным украшением являются многочисленные сюльгамы различных типов, довольно часто встречаются литые круглые со спиральным узором и шестилопастные бляхи, а также крестовидные фибулы. В качестве дополнений к нагрудным и головным украшениям использовались бутыльчатые, трапециевидные и пирамидальные подвески. Поясной набор включает разнотипные пряжки и поясные накладки. Г. А. Архипов датировал этот могильник V—VII вв., а в культурно-этническом плане интерпретировал как древнемарийский, символизирующий смешение двух компонентов — городецкого и азелинского. А. Х. Халиков первоначально склонен был считать азелинскими только ранние погребения Младшего Ахмыловского могильника (12, с. 64), а в последних работах относит весь комплекс к кругу азелинских (13, с. 15).

Датировка могильника не вызывает возражений. При определении культурной и этнической принадлежности населения, оставившего этот памятник, все же следует вновь обратиться к его материа-

лу. К сожалению, до настоящего времени нет полной публикации этого интереснейшего памятника, поэтому в статье использованы сведения из различных источников: упоминания в отдельных заметках и монографиях, а в основном, полевые отчеты о раскопках.

Анализируя вещевой комплекс Младшего Ахмылова, необходимо отметить, что изделия прикамского, в том числе азелинского облика обнаружены в 5 погребениях: 19, 45, 128, 91, 399, чаще всего упомянутых в литературе. Но ни одно из этих погребений нет оснований считать азелинским, так как кроме азелинских типов вещей в них обнаружены в преимущественном большинстве вещи западного облика. К прикамским относятся, в основном, принадлежности поясной гарнитуры: пряжки, накладки, эполетообразные застежки. Но как показывает практика, поясная гарнитура служит хорошим датирующим признаком, но в исключительно редких случаях может быть использована для этнических построений. Так многие детали поясного набора в памятниках Восточной Европы имеют южное происхождение. Наиболее выразительные эполетообразные застежки из п. 45 и 91 (рис. 2), являющиеся этномаркирующими элементами азелинской культуры, встречены лишь в 2 экземплярах и в последующие эпохи в марийском костюме не получили развития.

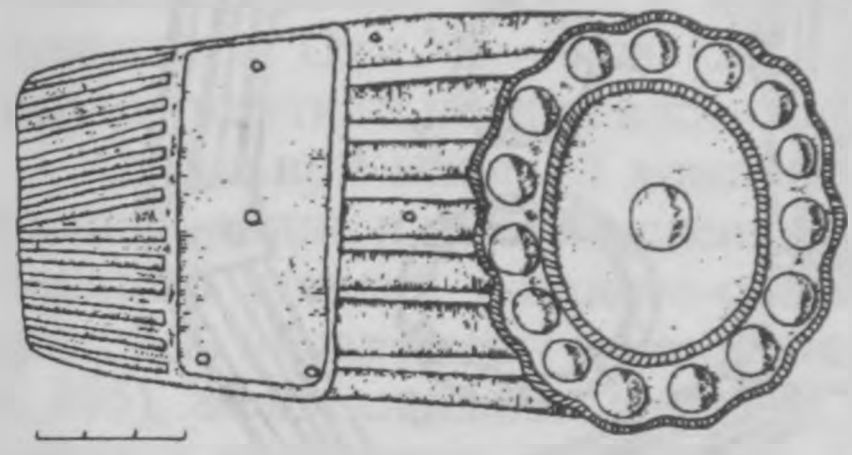

Рис. 2. Младший Ахмыловский могильник, погребение 45.

Более надежными признаками этнического порядка обладают головные (медведки из п. 45 в составе накосника, височное кольцо из п. 19) и нагрудные (нагрудник из п. 91) украшения. Используя украшения в качестве этноопределяющего показателя, нельзя не исключать, что, являясь наиболее привлекательным элементом материальной культуры, они могли стать предметом обмена и перемещаться в другую среду без своих носителей. В таком случае, как правило, в новой среде, вещь использовалась не по ее прямому назначению. Украшение только в составе костюмного комплекса может дать объективную информацию об этнической принадлежности носителя. Оценим перечисленные выше находки с такой позиции. Азелинское височное кольцо с узелками в п. 19 (рис. 3,*2*) найдено не у виска, а на груди. Подвески (4 шт.), схематически передающие фигуру медведя с горбатой спинкой и опущенной головой с отверстием на спине для ремешка в составе накосника из п. 45 (рис. 3,*6*), характерны больше не для азелинской, а для бахмутинской культуры, где находились в жертвенных комплексах или ис-

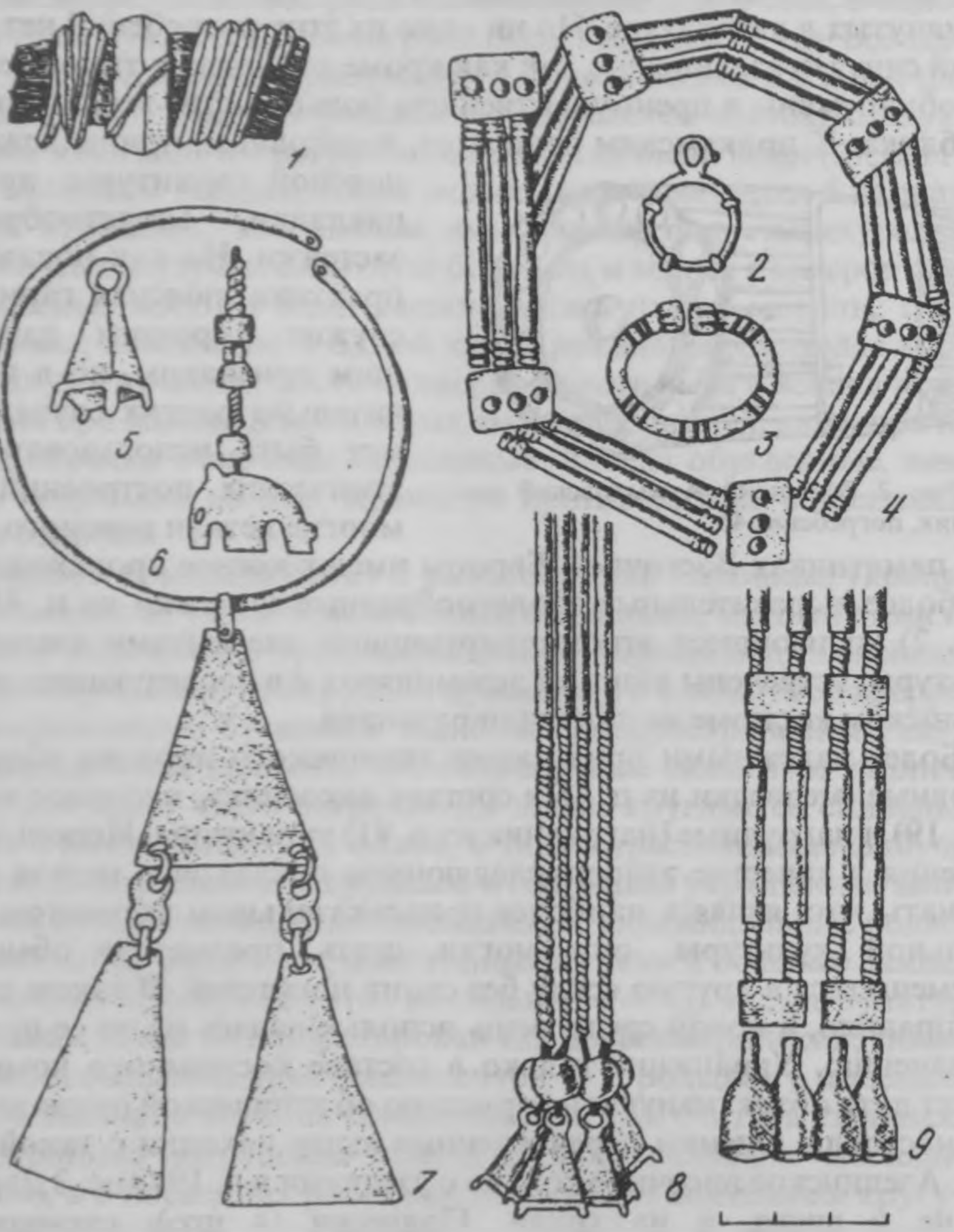

Рис. 3. Младший Ахмыловский могильник: 1 — п. 153; 2 — п. 19; 3 — п. 1; 4 — п. 88; 5 — п. 75; 6,7 — п. 45; 8,9 — п. 91.

пользовались в качестве нагрудных украшений. Г. А. Архипов к азелинским отнес нагрудное украшение из ремешков с бронзовыми пронизками и привесками на концах в п. 91 (15, с. 91) (рис. 3, *8, 9*). Вернее будет назвать это украшение накосником. Аналогичные, почти идентичные, известны в Желтухинском (26, рис. 5,*2*), Безводнинском (27, с. 49, рис. 30) и Гавердовском (28, рис. 27,*3*) могильниках. Пирамидальные (рис. 3,*5*) и бутыльчатые подвески также характерны в VI—VII вв. для могильников Волго-Окского междуречья (26, рис. 5,*2;* 16, *14—16;* 27, с. 46, рис. 27,*5, 6*), первые из них не характерны для Прикамья.

Височное кольцо из п. 41, отнесенное Г. А. Архиповым к прикамским древностям (15, с. 91), находит неоднократные аналогии в древностях Оки VI—X вв. (30, с. 13). Прикамские женщины в этот период почти не носили височных колец.

Остальной вещевой комплекс Младшего Ахмылова имеет западный облик и многочисленные параллели в древнемордовских, в большей степени рязанско-окских памятниках. Головные жгуты (рис. 3,*1*) обнаружены в Безводнинском (27, с. 41), Кочкинском (31, с. 105), Желтухинском (26, рис. 5,1) могильниках, а в последующую эпоху в муромских древностях. Головные венчики из ремешков с бронзовыми пронизками, перехваченные обоймами (рис. 3,*4*), кроме вышеперечисленных памятников, бытовали в рязанско-окских (29, с. 68, рис. 1,*9*; 28, рис. 8) и древнемордовских могильниках. Нагрудные сюльгамы (рис. 3,*3*; 4, *10, 11*) и крестовидные фибулы (рис. 4,*13*), нагрудная бляха с дверцей находят аналогии в древнемордовских памятниках Посурья и Примокшанья (32, с. 9—16), рязанско-окских древностях (29, рис. 3,*7*).

Перечень вещей западно-волжского облика возможно дополнить нагрудными бляхами, височными кольцами и разнообразными подвесками (рис. 3,*7*).

Керамические сосуды обнаружены в 3-х погребениях. Они изготовлены из глины с примесью шамота, плоскодонны, без орнамента: два имеют горшковидную форму, выпуклые плечики и короткую шейку, один представлен банкой с прикрытым горлом. Аналогии подобной керамике есть в слоях Ветлужских и Сомовского городищ, селище Галанкина Гора.

Результаты металлографического анализа изделий из черного металла свидетельствовали о несомненной близости кузнечного производства древних марийцев и мордвы (33).

Многие черты обряда кремации Младшего Ахмыловского могильника, как уже отмечал Г. А. Архипов, находят полную аналогию в могильниках Волго-Окского междуречья. В Иваньковском могильнике обрядом кремации совершены 35% захоронений, в Бор-

ковском, Кузьминском, Малышевском, Серповском от 10 до 25%, в Безводнинском — 14,8%.

Таким образом, комплекс Младшего Ахмыловского могильника очень близок западно-волжским финно-угорским памятникам. Наибольшую близость Младший Ахмыловский могильник имеет с Безводнинским.

Постгородецкий западный облик имеют и Ветлужские городища: Одоевское, Богородское, Чортово (34). Основную массу находок на них составляет плоскодонная горшковидной формы керамика с примесью дресвы и шамота. К сожалению, керамический материал фрагментарен, целых форм реконструировано немного, что снижает информативные возможности этой категории источника. Существенным недостатком является и отсутствие в слоях городищ датирующих вещей. Хронологические рамки их функционирования определены лишь по керамическим комплексам. Металлические вещи, позволяющие установить более точную дату, найдены только на Чортовом городище.

Чортово городище расположено на правом берегу р. Ветлуги у д. Федоровское Нижегородской области. Изучалось в 1903 году Н. М. Бекаревичем, в 1908 году В. И. Каменским (35), в 1925 году Комплексной антропологической экспедицией МГУ (А. Е. Алихова и Е. И. Горюнова), в 1957 году — Марийской АЭ под руководством А. Х. Халикова (36).

Чортово городище А. Х. Халиковым датировано III—V вв. н. э., Г. А. Архиповым — IV—VI вв. (21, с. 8), О. Н. Бадером — VII—VIII вв. (9, с. 32). На площадке городища расположен могильник. В оценке его хронологических рамок ученые также расходятся: А. Х. Халиков относит его к V—VI вв. (36, с. 8), Г. А. Архипов к IV—VI вв. (21, с. 8), О. Н. Бадер к IX—XI вв. (9, с. 32).

К вопросу о времени функционирования городища и могильника необходимо вернуться еще раз. Начнем с датировки могильника, обладающего наиболее выразительным вещевым комплексом. Изучено 6 захоронений: 1 коллективное, состоящее из 3 костяков и 3 одиночных. Хороший материал для датировки представляют сюльгамы. В тройном погребении, вскрытом В. И. Каменским, обнаружена бронзовая сюльгама с длинными усами, украшенная зонами из нарезных параллельных насечек (35) (рис. 4,*9*). Железная сюльгама с длинными, но обломанными концами, находилась в погребении 3 из раскопок 1957 года (рис. 4,*8*). Судя по многочисленным материалам могильников армиевского типа, сюльгамы с длинными усами начинают появляться в VII в. к концу стадии С (32, с. 25). Бронзовая сюльгама с уплощенно-треугольным сечением пластины и расширяющейся у основания иглой из раскопок В. И. Каменского находит

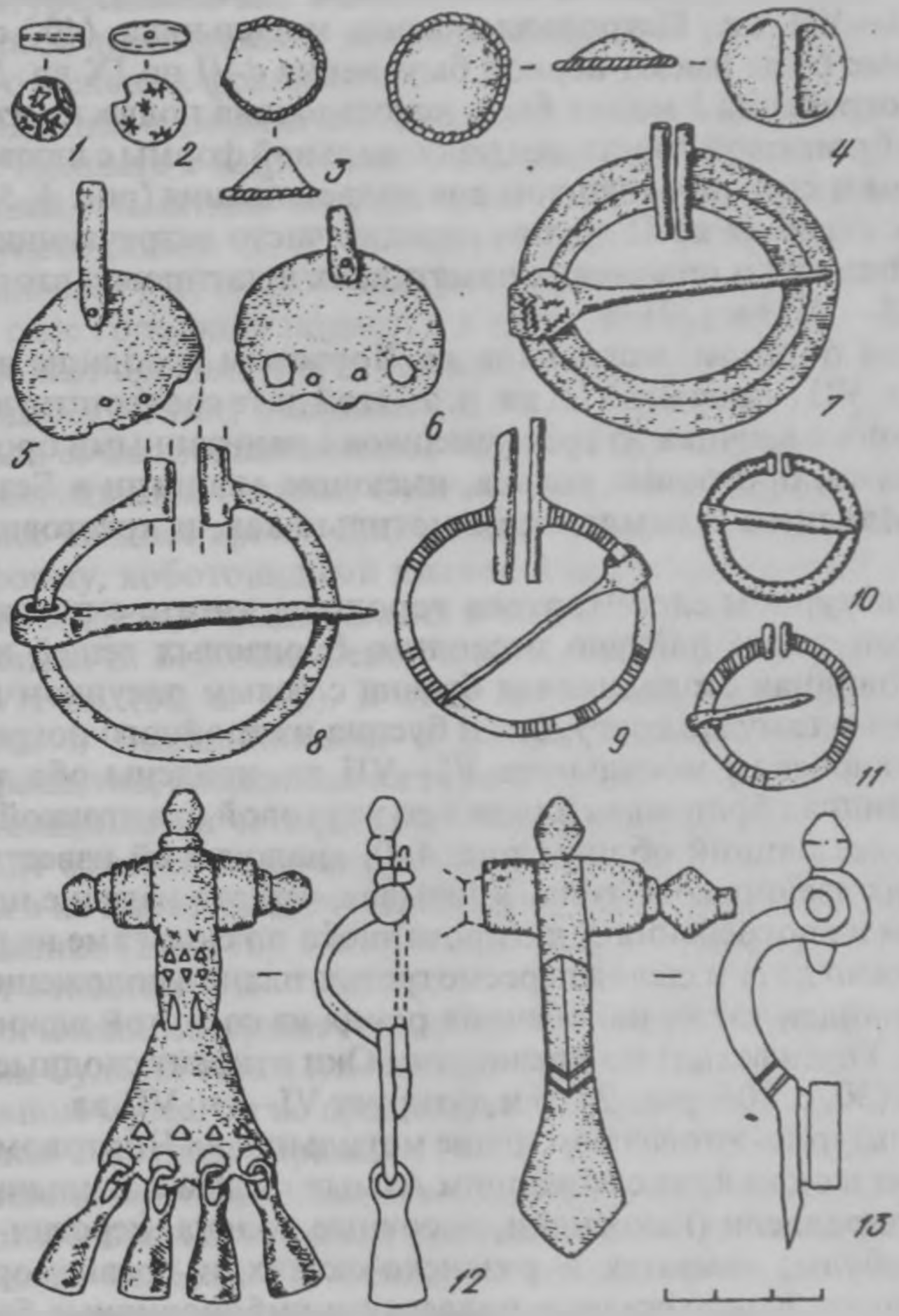

Рис. 4. 1, 7, 9 — могильник на Чортовом городище. Раскопки В. И. Каменского; 2, 3 — Чортово городище, культурный слой. Раскопки А. Х. Халикова; 5, 6 — Чортово городище, погребение 1. Раскопки А. Х. Халикова; 4, 8, 12 — Чортово городище, погребение 3. Раскопки А. Х. Халикова; 10 — Младший Ахмыловский могильник, погребение 15; 11 — Младший Ахмыловский могильник, погребение 6; 13 — Младший Ахмыловский могильник, погребение 485.

аналогии в п. 108 Шатрищенского могильника VII—VIII вв. (рис. 4,*7*) (37, с. 136). Особый интерес для датировки представляют таблетковидные бусы из сердолика с белой росписью (рис. 4,*2*). В Верхнем Прикамье они найдены в VII в. (38, с. 73), в Удмуртии в погребениях VI—VII вв. Петропавловского могильника (40, с. 3—10). Остальные бусы имеют период бытования с VI по IX вв. Для датировки погребения 1 может быть использована подвеска из серебряной или бронзовой пластинки полуовальной формы с клювовидным выступом и клепанном ушком для подвешивания (рис. 4, *5, 6*). Е. П. Казаков отнес их ко II группе изделий часто встречающихся в позднеазелинских и поломских памятниках и датировал второй половиной VI—VII вв. (39).

Таким образом, могильник на Чортовом городище возможно отнести к VII — началу VIII вв. н. э. Этой дате соответствуют находки головного венчика из трех ремешков с нанизанными бронзовыми пронизками, бронзовые кольца, имеющие аналогии в Безводнинском и Младшем Ахмыловском могильниках, и крестовидная фибула.

В культурном слое Чортова городища вместе с плоскодонной керамикой также найдено несколько бронзовых вещей и бусина. Таблетковидная сердоликовая бусина с белым рисунком (рис. 4,*1*) относится к тому же кругу, что и бусина из тройного погребения. В Петропавловском могильнике VI—VII вв. найдены оба типа бус. Умбоновидная бронзовая бляшка со жгутовой окантовкой по краю имеет более ранний облик (рис. 4,*4*), аналогии ей известны в могильниках азелинского типа. Учитывая, что это изделие идентично находкам из погребения 3, датированного по сюльгаме не ранее VII в., возможно дату изделия пересмотреть в плане омоложения. На городище найден также наконечник ремня из согнутой вдвое пластины. Н. Г. Розенфельдт по древностям Оки относит сходные изделия к типу II (30, с. 106, рис. 24,*5*) и датирует VI — н. VII вв.

В культурно-этническом плане могильник на Чортовом городище входит в один круг с Младшим Ахмыловским могильником. Основные параллели (накосники, височные кольца, перстни, сюльгамы и фибулы) имеются в рязанско-окских и древнемордовских могильниках. Конусовидные подвески и умбоновидные бляшки со жгутовой окантовкой имеют прикамское происхождение.

Культурный слой на Чортовом городище подобно нижнесурским, ветлужским и правобережным волжским городищам в районе Марийско-Чувашского Поволжья содержит грубые плоскодонные неорнаментированные горшки и миски с узким дном, раздутым туловом с наибольшим расширением в верхней трети сосуда, напоминающие волжскую, особенно муромскую посуду. Этой керамике

близка посуда городищ северо-восточной группы позднегородецкой культуры. Тезис о наличии в составе древнемарийской посуды круглодонных горшков, неоднократно мелькавший в археологической литературе, ошибочен. Убедили нас в этом стратиграфические наблюдения за находками и использование при типологии целых форм, а не отдельных фрагментов.

Круглодонная керамика найдена лишь на Кубашевском городище на р. Б. Кокшаге в Кировской области и связывается с прикамским влиянием. Памятник исследовался в 1957—58 гг. Марийской АЭ под руководством А. Х. Халикова, в 60-е годы опубликован Г. А. Архиповым (40, с. 215—224) и датирован IV—VI вв. н. э. Но наличие в слое городища подвески в виде полой уточки с валиком внизу позволяет предположить более позднюю дату. Л. А. Голубева отнесла подвеску к типу I варианту II (41, с. 10) и убедительно аргументировала ее бытование концом VII — началом VIII вв. В погребении 25 могильника Нижняя Стрелка подобные изделия встречаются в более позднее время. Бронзовые пряжки с городища имеют круглую форму, хоботовидный язычок и короткую двойную обойму. И. Г. Розенфельдт выделила их в тип II и датировала с учетом классификации В. Б. Ковалевской и А. К. Амброза второй половиной VI—VII вв. (30, с. 100). В этот же период подобные пряжки встречаются в Безводнинском и рязанско-окских могильниках. Один из браслетов, найденных на городище, изготовлен из круглого дрота с утолщенными четырехгранными концами (41, с. 223). И. Г. Розенфельдт отнесла их к типу II (30, с. 85). Округло-четырехгранные концы в качестве позднего хронологического признака отмечал П. П. Ефименко (29, с. 76). По всей видимости Кубашевское городище следует отнести к VII—VIII вв.

Керамический материал городища эпохи средневековья немногочисленен. Судя по описи и коллекциям, хранящимся в Марийском национальном музее, он не превышает 400 фрагментов. Г. А. Архипов выделил 2 группы керамики (41, с. 219—220). Первая группа, представленная круглодонными сосудами из плотной глины с примесью растительных остатков, в количественном отношении составляет не более четверти. По облику и технологическим традициям родственна посуде азелинской культуры. Вторая группа более многочисленная, состоит из фрагментов с примесью дресвы и шамота и близка керамическому комплексу Ветлужских городищ.

Наличие двух групп разноэтничной керамики свидетельствует о двух группах населения, но еще не дает достаточных оснований утверждать о сложении на их основе новой культуры. В таком случае должна складываться керамика со смешанными традициями. В публикации Кубашевского городища (40, с. 220) есть упоминания в со-

ставе второй группы круглодонных сосудов котловидной формы. К сожалению, количественных характеристик нет. При пересмотре коллекций круглодонных сосудов, изготовленных из глины с примесью шамота, не обнаружено.

Подводя итог, можно сделать вывод, что древнемарийские памятники (Младший Ахмыловский могильник, могильник на Чортовом городище, Ветлужские городища и т. д.) родственны волжско-финским древностям. Могильник такого же типа, вероятно, находился на правом берегу р. Волги у д. Юлъялы. Неоднократные сведения о разрушающихся здесь древних могилах и отдельные вещи поступали в Горномарийский краеведческий музей в 30-е годы. К сожалению, это место в настоящее время затоплено, а из вещей сохранилась только нагрудная бляха с дверцей, аналогичная украшению из п. Младшего Ахмылова (рис. 5). Наибольшее сход-

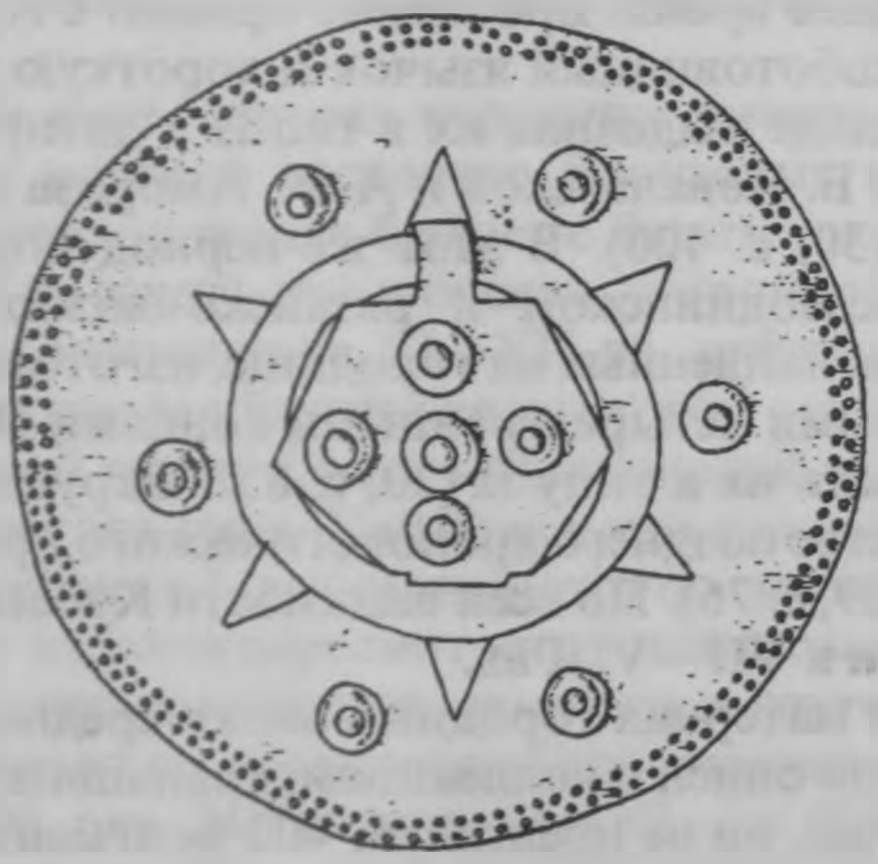

Рис. 5. Нагрудная бляха около д. Юльялы Горномарийского района Республики Марий Эл.

ство Младшее Ахмылово и Чортово городище обнаруживают с Безводнинским и Желтухинским могильниками. На близость Младшего Ахмыловского и Безводнинского могильников впервые обратил внимание Ю. А. Краснов (27, с. 115), впоследствии тезис об их сходстве был поддержан Ю. А. Зеленеевым (42, с. 85—86), но ни одним из авторов не проведено подробного сравнительного анализа. Ю. А. Краснова смущало присутствие азелинского компонента в погребениях Младшего Ахмыловского могильника.

Исходя из вышеизложенного очевидно, что количество азелинских вещей незначительно и по ним говорить о наличии этнического компонента в составе населения, оставившего Младший Ахмыловский могильник до VII в., нет достаточных оснований. Появление отдельных прикамских элементов связано скорее с культурными, торговыми, хозяйственными и др. связями, происходящими постоянно на территории Волго-Ветлужско-Вятского региона. Аналогично вещи западного круга проникают к населению азелинской культуры (Мари-Луговской, Ясачный, Уржумкинский могильники), существенно изменяя ее облик в контактных зонах к позднему этапу (Концовский, Шор-Унжинский могильники, Безводновский клад).

При этнической интерпретации Безводнинского могильника Ю. А. Краснов, отмечая его сходство с муромскими древностями, вполне справедливо подчеркивает, что «Безводнинский могильник был оставлен группой населения, отличающейся рядом этнокультурных особенностей и от населения муромского течения Оки. Вполне возможно, что это была особая группа поволжского финно-угорского населения, близкая по этнографическим признакам, доступным археологическому изучению, с одной стороны, мурому и отчасти мере, а с другой — северным группам мордвы, предкам позднейшей мордвы-эрзи» (27, с. 119).

Вероятно, эту группу населения следует связывать с древнемарийским этносом, формировавшимся в Ветлужско-Волго-Окском междуречье юго-западнее территории современного проживания марийцев на родственной с волжскими финнами основе, что соответствует лингвистическим материалам. По мере продвижения на восток к Вятке древнемарийские племена вступают с проживающим здесь пермским населением в контакты этнического порядка. В результате этого взаимодействия изменяется характер древнемарийской культуры, впитывающей значительное количество элементов культуры пермского населения. Кубашевское городище VII—VIII вв. символизирует один из начальных этапов этого процесса. Материалы Ижевского городища VIII—X вв. и могильников IX—XI вв. уже имеют смешанный облик. Но и в этот период древнемарийская культура по-прежнему сохраняет преимущественное сходство с памятниками Волго-Окского междуречья, о чем автор упоминал в предшествующих публикациях (43, 44).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Kastren M.* Reisenberichte und Briete aus den Jahren 1845. SPb, 1856.
2. *Корсаков Д. А.* Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872.
3. *Семенов Т.* К вопросу о родстве и связи меря с черемисами. // Тр. 7 АС. Т2. М., 1891.

4. *Куник А., Розен В.* Известие Ал-Бекри и др. авторов о Руси и славянах. СПб, 1878. Ч. I.

5. *Кузнецов С. К.* Русская историческая география. М., 1910.

6. *Спицын А. А.* Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. М., 1905.

7. *Смирнов А. П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949.

8. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. МИА, 28.

9. *Бадер О. Н.* Древнее Повятлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья. СЭ, 1951, № 3.

10. *Генинг В. Ф.* Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности)//Происхождение марийского народа. Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967.

11. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа// Железный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962. Т. 2.

12. *Халиков А. Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. 4.1. Происхождение финно-язычных народов. Казань, 1991.

13. *Халиков А. Х.* Об азелинско-ананьинской подоснове этногенеза марийского народа//Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. АЭМК. Вып. 21.

14. *Архипов Г. А.* Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.)//Происхождение марийского народа.

15. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.

16. *Архипов Г. А.* К вопросу об этногенезе марийцев//Средневековые памятники Восточной Европы. КСИА, 1968. Вып. 113.

17. *Архипов Г. А.* К вопросу о городецко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев//Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1976. АЭМК. Вып. 1.

18. *Архипов Г. А.* Марийско-удмуртские этнокультурные связи (к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе//Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

19. *Архипов Г. А.* Основные этапы этногенеза марийцев//Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985. АЭМК. Вып. 9.

20. *Архипов Г. А.* Проблемы ранней этнической истории марийцев//Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988. АЭМК. Вып. 14.

21. *Архипов Г. А.* Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история)//Доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1991.

22. *Галкин И. С.* Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985.

23. *Галкин И. С.* О прародине мари по данным языка и топонимики//Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.

24. *Казанцев Д. Е.* Формирование диалектов марийского языка. (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола, 1985.

25. *Серебренников Б. А.* Происхождение марийского народа по данным языка// Происхождение марийского народа.

26. *Уткин А. В., Чернков В. Ф.* Желтухинский грунтовый могильник//Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. АЭМК. Вып. 23.

27. *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980.

28. *Ефименко П. П.* Иваньковский и Гаврдовский могильники древней мордвы//

Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. Труды МордНИИЯЛИЭ. Вып. 48.

29. *Ефименко П. П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа//Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1.

30. *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982.

31. *Ерофеева Е. Н., Травкин П. Н., Уткин А. В.* Кочкинский грунтовый могильник//Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988. АЭМК. Вып. 14.

32. *Вихляев В. И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.

33. *Завьялов В. И.* Технико-технологические характеристики железных предметов из Младшего Ахмыловского могильника//Средневековые древности Волго-Камья.

34. *Бадер О. Н.* Городища Вятлуги и Унжи//Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. М., 1951. Т. 3. МИА, № 22.

35. *Каменский В.* Раскопки «Чортова городища» в 1908 г.//Сборник музея по антропологии и этнографии при ИАН. СПб, 1908. Вып. 7.

36. *Халиков А. Х., Безухова Е. А.* Материалы к древней истории Повятлужья (археологические исследования в Вятлужском регионе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960.

37. *Кравченко Т. А.* Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.)// Археология Рязанской земли. М., 1974.

38. *Голдина Р. Д., Канаш В. А.* Средневековые памятники верховьев р. Камы. Свердловск, 1989.

39. *Казаков Е. П.* Об одной из групп украшений имеяьковской культуры//Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991.

40. *Семенов В. А.* Петропавловский могильник//Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.

41. *Архипов Г. А.* Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР// Железный век Марийского края.

42. *Зеленеев Ю. А.* Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории//Этногенез и этническая история марийцев.

43. *Никитина Т. Б.* Погребальный обряд могильника «Нижняя Стрелка»//Древности Повятлужья. Йошкар-Ола, 1990. АЭМК. Вып. 17.

44. *Никитина Т. Б.* Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка»//Древности Повятлужья.

Tatyana Nikitina

ABOUT THE SOURCE OF MARI ETHNOS

As for the question concerning the origin of Mari people there are several points of view, reflecting two trends:

a) local formation of Mari was proved, in general; by the archeological material;

b) most linguists consider that Mari resettled in the area of modern living from South — East regions.

On the base of the analysis of the archeological material it is necessary to connect those groups of population left the burial ground on Chortov site of ancient settlement, Youngest Ahmylovski, Bezvodninsk burial ground and Vetluga site of ancient settlement with ancient Mari ethnos, formed in the region between Vetluga-Volga and Oka on the relative base with Finns of Volga region and all that corresponds with the linguistic materials. As they moved forward to the East to Viatka ancient Mari tribes came into ethnic contacts with Permian population. As a result of it the character of ancient Mari culture changes because it absorbed a great number of elements of culture of Permian population.

Kubash site of ancient settlement VII—VIII century symbolizes one of the elementary stages of this process.

The material of Izhevsk site of ancient settlement VIII—X centuries and burial grounds IX—XI centuries have mixed aspect.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

ПОТЕНЦИИ КОМИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Под потенциями литературного языка здесь подразумеваются реальные возможности языка адекватно и эффективно обслуживать языковой коллектив (носителей языка) в основных сферах общественной жизни: в государственном управлении, производстве, политике, культуре, средствах массовой информации, в сфере народного образования и т. д. Потенции литературного языка включают в себя не только степень разработанности орфографии, орфоэпии, терминологии, стилистической дифференциации речи, но также и внутриязыковую, внутриструктурную мобильность, готовность к активному саморазвитию и изменению. И, наконец, потенции включают в себя и степень или уровень филологической грамотности, подготовки национальной интеллигенции (прежде всего) и шире, всех носителей языка, пользующихся в той или иной степени литературным языком.

Даже самый предварительный анализ состояния различных структур коми литературного языка позволяет сделать вывод о том, что потенции языка развиты явно недостаточно и не соответствуют потребностям нынешнего дня. Особенно отчётливо это видно в лексике, терминологии, стилистике и культуре речи. Естественно, подобное положение сложилось исторически в силу разных причин.

Степень развитости литературных языков, сила их потенций прямо зависят от трёх основных факторов: 1) от степени функционирования языка в общественной жизни, 2) от языковой политики в смысле языкового планирования (или в более известной формулировке — языкового строительства), 3) от языкового и этнического сознания носителей языка. Далее кратко рассмотрим влияние первых двух факторов на язык. Что же касается вопроса о языковом сознании говорящих на коми языке, то о нём судить достаточно трудно без предварительных исследований, без проведения подробных

психолингвистических и социолингвистических опросов. Но уже тот факт, что на протяжении последних десятилетий идёт неуклонное сокращение числа говорящих на коми языке, наблюдается процесс отказа от материнского языка в пользу языка русского, ярко свидетельствует о явной ущербности языкового сознания если не всего этноса, то, во всяком случае, определённой его части.

Как показывают факты истории многих языков, развитие основных компонентов литературного языка, его внутренней структуры во многом определяет функционирование, употребление его в общественной жизни народа-носителя языка. Общеизвестно, что, чем больше функциональная нагрузка языка, чем сильнее он вовлечён в различные сферы жизнедеятельности этноса, тем больше он саморазвивается, мобилизует свои внутриязыковые средства, лексические, морфологические, синтаксические ресурсы. И, наоборот, узкая сфера функционирования (или же сужение функций) приводит к застойным и деструктивным процессам в различных языковых структурах, ведёт к усилению иноязычных влияний, что чревато потерей национальной специфики языка. История более чем 600-летнего развития коми литературного языка предоставляет огромный материал для подтверждения этих достаточно хрестоматийных положений.

Функционирование коми языка в нашем веке определялось конкретными историческими и этнолингвистическими условиями в бывшем СССР, а затем в Российской Федерации. Долгое время в СССР в определении функционального статуса разных языков исходили не из их культурного и внутриструктурного потенциала, а из формы государственности или автономии у конкретных народов. В союзных республиках титульные народы имели права наиболее широкого пользования своими языками, а титульные народы в автономных республиках и особенно округах, имели ограниченные возможности использования родных языков в общественной жизни. Максимально широкими общественными функциями обладал в бывшем СССР и обладает теперь в России русский язык. За последние годы в Коми республике русский язык значительно расширил своё функционирование: возникают новые телеканалы, печатные издания (газеты, литературный альманах «Белый бор»), во всех новых учебных заведениях (разнообразных лицеях, гимназиях, колледжах) преподавание ведётся по-русски. Таким образом, давление и влияние русского языка на коми не только не ослабевает, но и усиливается.

Коми язык имел наибольший уровень функционирования в 20—30-е гг., когда активно проводилась в жизнь политика коренизации (зырянизации). Фактически он обладал статусом государственного

языка на территории Коми края. В 40—50-е гг. проводилась уже совершенно противоположная линия; коми язык был быстро вытеснен из сферы государственного управления, в области лексического нормирования велась активная русификация и т. д. Однако руководство республики в те годы более или менее ещё сохраняло уровень использования коми языка в просвещении (функционировала национальная школа), в печати, книгоиздании, театральной жизни и культуре. Язык имел тогда достаточно сильные позиции в семейно-бытовой сфере, а коми село практически оставалось одноязычным. Функции коми языка в наиболее сильной степени были подорваны в 60—70 гг. из-за усилившейся политики русификации, которая была замаскирована под вроде бы нейтральными выражениями типа «социалистическая интеграция», «интернационализация», «сближение народов», «стирание национальных различий» и т. п. Так, практически исчезла национальная школа с коми языком обучения, мышления и воспитания, количество издаваемых в год книг сократилось в среднем в 3 раза, в большинстве сельских районов исчезли комиязычные районные газеты и т. д. Такое обвальное сокращение функционирования коми языка сильно подорвало авторитет и позиции литературного языка, что в дальнейшем привело к неестественному нарушенному языковому поведению у многих коми, к изменению ценностных ориентаций в отношении родного языка как к языку непрестижному, неперспективному, ненужному и малокультурному.

Ближе к концу 80-х гг., под влиянием политики гласности, в изменившихся общественно-политических условиях появилась возможность открыто говорить и о проблемах литературного коми языка. С этого времени идёт процесс национального пробуждения, оживления в культурно-просветительской деятельности. В марте 1989 г. по инициативе ИЯЛИ КНЦ УрО РАН была проведена республиканская научно-практическая конференция «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях», на которой уровень функционирования коми языка был оценён как крайне низкий и коллективными усилиями был выработан ряд рекомендаций к директивным, партийно-государственным органам тогда ещё Коми АССР. Материалы этой конференции были затем изданы отдельной книгой (1). Общий смысл рекомендаций конференции заключался в требовании скорейшего расширения сферы функционирования коми языка, выравнивания формального статуса коми языка относительно русского языка, организации департамента по коми языку при правительстве и т. д. И хотя эти рекомендации в то время в директивных органах не были рассмотрены и не было принято конкретных мер, в той или иной степени пункты рекомендаций затем по-

стоянно включались в программы национальных общественно-политических организаций, в итоговые документы I съезда коми народа и другие документы. Лишь спустя 3 года Верховный Совет Коми республики принял «Закон о государственных языках Республики Коми». После формального принятия закона в течение почти что двух лет в различных комиссиях и комитетах разрабатывалась так называемая Государственная программа реализации закона о языках. В январе 1994 г. было принято постановление Верховного Совета, предусматривающее выполнение этой программы.

Поскольку первоначальный проект этой программы был разработан языковедами ИЯЛИ, необходимо в нескольких словах оценить постановление Верховного Совета от 18.01.1994 г. Естественно, официальное утверждение постановления имеет несомненное положительное значение, ибо оно даёт путь для реальных изменений, финансирования работ, конкретных проектов и т. д. Однако ознакомление с перечнем мероприятий, заложенных в основу постановления, порождает большие сомнения в достижении конечных результатов при реализации программы. Дело в том, что в ходе «доработки» в различных комиссиях, отделах, кабинетах из первоначального проекта программы исчез ряд принципиальных пунктов, прямо относящихся к расширению функционирования коми языка. Так, например, исчезли положения о скорейшем издании и переиздании массовыми тиражами основных словарей коми языка, без чего выполнение закона в принципе невозможно. В упоминаемой программе не предусмотрено расширения количества периодических изданий, книжной продукции на коми языке и т. д. Не вдаваясь в излишнюю детализацию, необходимо констатировать, что постановление, принятое в данном варианте, вряд ли способно подтянуть коми язык до уровня государственного языка, т. к. оно не предусматривает кардинального расширения его функционирования. Определённые надежды даёт созданное Министерство по делам национальностей, работающая при нём термино-орфографическая комиссия. В 1995 г. при министерстве организован также информационно-переводческий центр, призванный централизованно осуществлять переводческую работу в ходе претворения в жизнь положений закона о языках.

Переходя к рассмотрению второго фактора — языкового планирования — необходимо вначале остановиться на характеристике качественной стороны литературного коми языка. Из-за многолетнего периферийного положения языка в общественной жизни, по причине вытеснения его русским языком из сферы государственного обращения литературный язык существовал и развивался в чрезвычайно тяжёлых условиях. Причём, язык развивался однобоко. Если,

к примеру, взять лексический состав, то в нём в целом достаточно хорошо развит язык художественной литературы, поэзии, публицистики. В то же время совершенно недостаточное, неадекватное развитие получили научная и отраслевая терминология, не развиты многие функциональные стили. Из-за прекращения массовой практики переводов на коми язык не разрабатывается теория перевода, нет крупных трудов по культуре речи. Таким образом, потенции литературного языка малоразвиты.

Лицо литературного коми языка сегодняшнего дня характеризуется разнонаправленными тенденциями, как отрицательными, так и положительными. Отрицательные тенденции, на которых остановимся ниже, возникли и усугубились в те прошлые десятилетия, когда судьба литературного языка оказалась практически без внимания и заботы общества, а эффективное языковое планирование не проводилось. Достаточно сказать, что в предпоследний раз научно-практическая конференция по коми языку проводилась в начале 60-х гг., материалы которой даже не были опубликованы. В последние три десятилетия отсутствовала орфографическая служба, работа по составлению словарей была сосредоточена лишь в ИЯЛИ, терминологические словари и словники не выпускались.

Отрицательные моменты в современном литературном языке охватывают все уровни языка, однако можно выделить наиболее бросающиеся в глаза явления.

1. Многие орфографические правила недостаточно хорошо разработаны или противоречивы. Это относится прежде всего к правописанию сложных слов, множество из которых неправомерно пишется отдельно, например, *би кинь* ‘искра’, *юр лыд* ‘поголовье’, *из шом* ‘каменный уголь’, *вӧр кань* ‘рысь’, *град йӧр* ‘огород’, *лист бок* ‘страница’. Противоречиво пишутся однопорядковые прилагательные, образующиеся от послеложных сочетаний, например, слово *юбердса* ‘прибрежный’ пишется слитно, а образованные от топонимов прилагательные пишутся уже отдельно, а топонимы — с заглавной буквы, например, *Сыктывкар бердса* ‘присыктывкарский’. Правописание многих русских заимствований и слов, заимствованных через русский язык, не соответствует традиционному коми произношению, т. е. необходимо писать слова в русской орфографии, например, *любовь* [л’убов], *морковь* [морков], *плащ* [плаш]. Последнее издание орфографического словаря коми языка было предпринято 10 лет назад. После этого в языке возникло много новых слов, правописание которых варьируется в разных изданиях, у разных авторов. Несомненно, возникла необходимость выпускать оперативные издания — небольшие словники типа «Новое в коми лексике».

2. Наблюдается излишняя фонетическая и грамматическая вари-

ативность, исходящая из того, что представители разных диалектных зон вводят в язык свои диалектные варианты, например, *Бушков тӧв. Вежсьӧ олӧм.* **Дiпкӧ** *чорыд сьӧлӧм.* (А. Размыслов) 'Пурга, ветер. Меняется жизнь. Бьётся суровое сердце'. В данном случае глагол *дiпкыны* вариативен общелитературному *тiпкыны* 'биться'. В последнее время грамматические диалектизмы не выправляются при редактировании, например,— *Эз кӧ верӧсӧй колхозник вӧв* — **эз**, *дерт*, **сибӧдӧй**,— *нюммуніс Софья Ильинична* (Л. Огнёв)'— Если бы муж не был колхозником, то, конечно, не пустили бы (дочь в садик)'. В данном случае диалектный вариант отрицательной формы глагола употреблён вместо нормированного *эз сибӧдны*. Подобная вариативность размывает нормированность речи и вносит в повествование далёкие до всеобщего и лёгкого восприятия слова и выражения, не говоря уже о возникающих вследствие этого трудностях в деле преподавания коми языка и литературы в школе.

3. Введение диалектных, узколокальных слов подчас немотивировано, иногда наблюдается нарочитость в использовании диалектизмов, например, *номйыс мед ёнджыка кӧзасӧ* **претшкас** (Е. Афанасьев) 'пусть комары сильнее козу покусают'. Здесь автор вводит удорское, неизвестное для представителей остальных диалектов слово *претшкыны* наряду с общепринятым *курччыны* 'кусать'. Вся диалектная лексика не может войти в литературный язык и адаптироваться, поэтому при пользовании диалектизмами необходимо придерживаться принципа умеренности. Иначе наличие множества узколокальных, непонятных для большинства говорящих по-коми слов и выражений у читателей может вызвать неприятие письменной речи. Кстати, в довольно частых упрёках в сложности повествования у некоторых писателей есть немалая доля истины.

4. Очень заметны в современном языке случаи излишней лексической дублетности, когда свободно употребляются русские заимствования вместо исконных слов. Если в разговорном языке это ещё каким-то образом можно объяснить традиционным разговорным узусом, то в языке художественной литературы данное явление настораживает, например, *ӧтиыслӧн киас вундалӧм калбасторъяс да картупель шаньгаяс тыра* **тӧрелка**, *а мӧдыслӧн шуйга киас вина доз* (Б. Шахов) 'у одной в руках нарезанные кусочки колбасы и тарелка с картофельными шаньгами, а у другой в левой руке бутылка вина'. Здесь слово *тӧрелка* употребляется вместо общелитературного *тасьті* и южнокоми диалектного *бекар* 'тарелка'. В данном случае заметна также и слабая культура речи, особенно в разговоре. Вследствие этого стирается понятие нормы, т. к. на практике становится возможным употребление любого русского заимствования вместо любого исконного слова. Конечно, здесь виден результат массового

коми-русского билингвизма, вследствие чего носители языка лучше помнят иноязычные слова, нежели исконные.

5. Из-за тех же причин участились случаи включений и переключений с коми языка на русский, особенно при разговоре на общественно-политические, производственные, спортивные и т. п. темы. Это можно легко заметить, слушая радио и просматривая телепередачи. Кстати, подобная особенность современного языка отражается и в художественных произведениях, например,— **Здрасьте, Мария Ивановна! С праздником!** — *кылiс забор сайсяньыс гӧлӧс* (Л. Панюкова)'— Здрасьте, Мария Ивановна! С праздником! — послышался голос из-за забора'. Это говорит о том, что иноязычный материал вытесняет уже не отдельные лексемы, а целые фразы и предложения в повседневной обыденной разговорной речи.

6. Вследствие массированного давления русского языка на синтаксис коми языка в литературном языке чрезмерно участились случаи, где видна сильная синтактико-грамматическая интерференция русского языка на коми, например, **отпускнад ковмас виччысьыштлыны кытчӧдз жалобасӧ ог тупкӧй** (Б. Шахов) 'С отпуском тебе придётся немного подождать до тех пор, пока жалобу не закроем'. Подобные обороты совершенно не характерны для коми языка, они нарушают его внутренний строй, глагольное управление и семантическую валентность. Досадно, что такими конструкциями грешат при написании учебных пособий также сами коми языковеды и литературоведы, к примеру, *Тайӧ темаыс видлавсьӧ шоча* 'Эта тема рассматривается редко', *Учебнӧй пособиеын сетсьӧны колана уджъяс* 'В учебном пособии даются необходимые упражнения'.

7. В последние годы особенно участились случаи нарушения орфографических и орфоэпических норм, кодифицированных в нормативных словарях и справочниках, в основном на страницах республиканских периодических изданий, на телевидении и радио. Например, довольно часто составные суффиксы деепричастий пишутся отдельно: *кӧтӧртiг моз* и *ветлiг кежлӧ* вместо *котӧртiгмоз* и *ветлiгкежлӧ*. Бросается в глаза разнобой в написании лексем-новообразований, к примеру, слово *аскылӧм* 'настроение, самочувствие' часто пишут отдельно (*ас кылӧм*), хотя в «Информационном бюллетене министерства по делам национальностей» даётся слитное правописание. Подобные нарушения нормированности в языке объясняются также и слабой филологической подготовкой работников редакций, однако, на наш взгляд, основная причина кроется во всё более возрастающем волюнтаризме отдельных журналистов, не желающих следовать общепринятым нормам. К тому же отсутствие должного контроля за употреблением литературного языка создаёт благоприятную почву для вседозволенности.

К сожалению, весь комплекс вопросов о современном состоянии литературного коми языка пока недостаточно оценивается со стороны учёных-языковедов республики, а со стороны общественности спорадические выступления касаются лишь отдельных вопросов, например, о новых словах, качестве переводов на коми язык и о необходимости перехода на латинизированный алфавит. На таком переходе настаивают активисты национальной коми партии «Доръям асьнымӧс» («Защитим себя»), которые в латинизации видят единственный так называемый «золотой ключик», повернув которым можно легко решить все проблемы языка и культуры. Подробно не дискутируя на эту тему, не находящей, кстати, даже минимальной поддержки в среде национальной интеллигенции, учителей, журналистов, необходимо отметить, что вопрос о графике нами представляется вполне решенным и не нуждающимся в пересмотре. В целом же подобная дискуссия лишь уводит внимание в сторону от действительно злободневных вопросов языкового планирования и, по всей вероятности, призвана лишь играть на публику, преследуя цели отдельных политических организаций или групп.

Отрадно, что вопрос о качестве литературных языков финно-угорских народов привлекает пристальное внимание со стороны ведущих зарубежных уралистов, что было видно, кстати, на IX Международном конгрессе финно-угроведов в г. Ювяскюля (Финляндия), где был организован специальный семинар под названием «Вопросы уральских литературных языков» (руководитель семинара Габор Зайц (Венгрия). Все основные выступления были заранее изданы отдельным сборником (2). Однако из всех насущных вопросов, стоящих перед литературными языками родственных народов, серъёзно обсуждался на симпозиуме лишь один — о создании единых мордовского, марийского и коми языков. Этот вопрос применительно к коми-зырянскому и коми-пермяцкому письменным языкам на сегодняшний день ещё не актуален, т. к. нет пока ни этнического, ни общественно-политического единения всех коми, а связи между Коми республикой и Коми-пермяцким округом Пермской области лишь начинают по-настоящему устанавливаться. Во всяком случае, реальное создание единого общекоми литературного языка — вопрос будущего при благоприятном стечении многих условий экстралингвистического характера.

За последние 5—6 лет, тем не менее, произошли некоторые положительные изменения в деле расширения функционирования коми языка. В области культуры виден подъём в художественной самодеятельности, песенном искусстве, театральной жизни. Регулярно, через 2 года, проводится песенный праздник «Шондiбан», три года назад открылся театр фольклора. Увеличилось эфирное время ра-

диовещания на коми языке, с 1986 г. издаётся детский журнал «Би кинь» для младшего школьного возраста, с 1992 г. выходит детская газета «Йӧлӧга» для среднего школьного возраста. После принятия «Закона о языках... » начался массовый перевод информационных материалов (вывесок, названий, штампов и т. д.) на коми язык, что также приводит к увеличению представительства коми языка на улицах городов и сёл. Это, конечно, отнюдь не свидетельствует о кардинальном расширении употребления коми языка, однако даже небольшие перемены понемногу изменяют языковую ситуацию в сторону улучшения.

Происходят также и некоторые позитивные изменения с точки зрения качества литературного языка, хотя одновременно с этим все негативные тенденции и сохраняются.

1. Наблюдается стремление более полного использования средств народно-разговорной речи, диалектов при переводах, составлении деловых бумаг и т. п. Так, язык «Конституции Республики Коми» гораздо лучше изданного в 1977 г. перевода «Конституции Коми АССР». Понемногу язык начинает избавляться и от переложенных с русского языка штампов, канцеляризмов.

2. Более строгим становится отбор лексических средств, есть стремление избегать излишнего употребления русских заимствований. Желание говорить и писать на более чистом языке приводит к поиску нового лексического материала из диалектов, более древних письменных и словарных источников. Так, активизируются слова из пассивного запаса лексики, например, употребляется *небӧг* вместо *книга*, *кӧртым* вместо *аренда*, *кӧлысь* вместо *свадьба*, *кокньӧд* вместо *льгота*, *мусир* вместо *нефть* и т. д. Вместо использования традиционно употребляемых заимствований используются исконные коми слова в расширенном значении, например, у глагола *чолӧмавны* ‘приветствовать’ развилось значение ‘поздравить’, что дало возможность избегать употребления глагола *поздравляйтны* ‘поздравлять’, существительное *котыр* ‘выводок у птиц’ получило новое значение ‘организация, общество’, у отглагольного существительного *дудӧм* ‘остановка у лошади, когда она уже не может идти’ возникло совершенно новое содержание ‘застой, время застоя’ (*дудан кад* ‘застойный период’). Это свидетельствует об усилении саморазвития языка, расширения значений слов.

3. Отличительной особенностью последних лет является создание неологизмов взамен традиционно употребляемых заимствований, которые стали ощущаться как излишние и в языковом отношении чужеродные. Создаются неологизмы как отдельными людьми, так и коллективно, на заседаниях термино-орфографической комиссии. Так, в последнее время достаточно широко стали употреблять-

ся в средствах массовой информации такие слова как *асшӧрлун* 'независимость, суверенитет', *нывъёрт* 'подруга', *вужвойтыр* 'коренной народ', *асэмбуралӧм* 'приватизация', *ютыр* 'партия' и т. д. Достаточно много неологизмов и вышедших когда-то из обихода слов рекомендовано для широкого употребления в «Информационном бюллетене министерства по делам национальностей», который был опубликован в 1994 г. (3). Среди отобранного комиссией списка слов рекомендуется лексика по трём тематическим группам: 1) общественно-политические термины (*оланподув* 'конституция', *асвеськӧдлӧм* 'самоуправление', *сьӧм овмӧс* 'финансы, финансовая система', *ёрд* 'суд', *ёрдысь* 'судья' и т. д.), 2) лингвистические термины (*эмакыв* 'существительное', *нимвежтас* 'местоимение', *кадакыв* 'глагол', *кыввор* 'лексика' и т. д.), 3) бытовые, обиходные слова (*аскылӧм* 'настроение, самочувствие', *небӧгтор* 'брошюра', *йиді* 'айсберг', *биару* 'горючий газ' и т. д.). Упомянутая тенденция к языковому пуризму, несомненно, явление положительное, она свидетельствует о растущем осознании необходимости улучшать качественную сторону литературного языка.

Однако большинство предложенных неологизмов, к сожалению, пока ещё остаются лишь как рекомендации. Практика показывает, что работники средств массовой информации в целом не готовы воспринять нововведения, и поэтому предлагаемая лексика остаётся ещё невостребованной. Наблюдается даже обратное противодействие. Так, некоторые коми писатели (Г. Горчаков, В. Лодыгин и др.) в газетных статьях выступили против как отдельных слов, так и в целом против обновления словарного состава за счёт «выдуманных» слов. Хотя в действительности дискуссия вызвала обратный эффект, к обсуждаемым словам интерес повысился. Тем не менее, как показывают наблюдения, язык средств массовой информации на коми языке является достаточно консервативным. Это можно показать на одном примере, взятом из информационной колонки газеты «Коми му» от 9 сентября 1995 г.: Сосногорскын нуӧдасны **«Я иду на урок» учительяслы конкурс**. Тайӧ **конкурсыс** колӧ, медым тӧдмавны выль ногӧн велӧдысь **учительяслысь методикасӧ. Образование отдел** корис карса **администрациялысь** сьӧм **учитель-новаторъясӧс** ошкӧм вылӧ 'В Сосногорске будет проводиться конкурс «Я иду на урок». Этот конкурс нужен для того, чтобы изучить методику учителей, работающих по-новому. Отдел по образованию попросил у городской администрации деньги для поощрения учителей-новаторов'. Из этого примера уже отчётливо видно, как неполно используются уже имеющиеся возможности лексики и грамматики коми языка: не переводятся на коми язык с русского названия, составные слова оставляются без изменений, не использует-

ся синонимия и т. д. Кстати, в коми языке есть исконное слово *велӧдысь* 'учитель'. Естественно, в нынешнее достаточно свободное от языковой цензуры время подобное положение с языком печати зависит в основном от субъективных причин, к коим относятся: 1) языковой консерватизм, привычка говорить и писать по-старому, как это практиковалось долгие годы, 2) психологическая боязнь новых слов, 3) отсутствие должной мотивации для саморазвития, нежелание изменять сложившиеся языковые навыки. Многие писатели и журналисты среднего и старшего поколений считают свой языковой уровень, стиль письма почти что идеальными и не нуждающимися в какой-либо коррекции.

Несмотря на достаточно противоречивое состояние современного литературного языка, особенно в области лексики, в Коми республике постепенно начинает превалировать мысль о настоятельной необходимости активного вмешательства в языковые процессы, развития терминологической базы, создании новых словарей различных типов, о дифференцировании стилистических средств языка. Это частично уже делается усилиями термино-орфографической комиссии при министерстве по делам национальностей Коми республики.

В качестве небольшого вывода необходимо отметить, что в развитии потенций литературного языка объективно заинтересован весь языковой коллектив, хотя уровень осознания этих интересов на сегодняшний день и недостаточный. Поэтому так важно поддерживать и усиливать общественный договор, т. к. без него невозможно проводить линию на развитие потенций языка. Возможности литературного языка не есть нечто заданное, совершенно объективное начало, не зависящее от людей или даже от конкретного человека. Пример Элиаса Лёнрота и финского литературного языка ярко демонстрируют противоположное. Представляется также, что при расширении сферы функционирования литературного языка и при создании эффективной системы языкового планирования можно создать оптимальные условия для расширения и развития потенций коми литературного языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Коми кыв ӧнія олӧмын: Материалы научно-практической конференции «Проблемы функционирования коми языка в современных условиях» (28—30 марта 1989 г.). Сыктывкар, 1990.

2. Zur Frage der uralischen Schriftsprachen. (Вопросы уральских литературных языков). Budapest, 1995.

3. Информационный бюллетень № 1 министерства по делам национальностей Республики Коми. Сыктывкар, 1994.

Jevgenij Cypanov

KOMI LITERARY LANGUAGE POTENTIALS AND LANGUAGE POLICY

The article deals with the analysis of the factors defining potentials of modern Komi language. Special attention is paid to the negative tendencies occuring in different structures of the language and possible ways of overcoming these tendencies are given. It is clear that some long term measures both for widening language functions and language planning are needed.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Роза Игнаева
Йошкар-Ола

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА ИМЕНАМИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Центром категории количества в современных языках следует считать имена числительные — специальные слова, называющие числа в отвлечении от предметов, что и позволяет передать высшую степень абстрактности в представлении количества. Имена числительные в современном марийском языке являются отвлеченными обозначениями чисел и выражают в числах количество, счет. Категория числа в этом случае «освобождена от предметности». Понятие числа здесь «математизировано».

Употребление числительных вне сочетания с именами существительными или другими словами, называющими объекты счета, следует признать основной структурой, служащей для выражения абстрактной идеи количества вне его связи с качеством. Такие структуры, как *кумыт* «три», *витле кокыт* «пятьдесят два», *кудыт кокытлан шелалтеш* «шесть делится на два», *латикте гыч кумытым кудалташ кӱлеш* «из одиннадцати нужно вычесть три», *кокытышко иктым ушо* «прибавь к двум один» и т. п., представляют собой пример абстрактного отражения количества. Эти структуры как бы представляют непосредственную характеристику самого определенного количества (1, с. 140).

Следующим способом характеристики количества являются структуры, в которых числовые обозначения употребляются в сочетании с названиями тех предметов или явлений, которые подвергаются счету. Они выражаются особой синтаксической структурой — количественным словосочетанием, например: «Русский Дом Селинга» Марий Элыште **кок тылзе** пашам ышта (2, с. 3). «В Республике Марий Эл «Русский Дом Селинга» работает **два месяца**». Ведра вектене **кок** кугу **кружкам** шындыш (3, с. 54). «Около ведра поставил **две** большие кружки». Марий республикланат, мыланемат — **коло ий**! (4, с. 28). «И Марийской республике, и мне — **двадцать лет**!».

Эти структуры носят качественный характер, ибо качество —

это определенность объекта, составляющая внутреннее основание всех его изменений. Качественная характеристика, выраженная синтаксической конструкцией «числительное + существительное» дает названия считаемым объектам только по самому общему для них признаку, не указывая на качественное своеобразие каждого из них. Так, например, в предложении Ачаже илыме годым Сакар **кум кече** школышко коштын (3, с. 28). «Когда отец был жив, Сакар **три дня** ходил в школу». Сочетание **кум кече** «три дня» не может сообщить о том, что это за дни, сочетание **кум кече** не дает информации о том, какие эти дни. В подобных структурах степень абстракции качества достаточна для того, чтобы назвать считаемые предметы, и слишком велика для того, чтобы указать на качественную специфику каждого из них. Этот способ характеристики количества составлял определенный этап в развитии категории количества, когда возникли понятия об определенных количествах, но они еще не мыслились в отрыве от понятий о конкретных предметах, составляющих это количество, и поэтому при счёте числовые обозначения всегда сопровождались названиями предметов счета. Этот способ представления количества свободно сосуществует с формой абстрактного количества и широко используется в практике человеческой деятельности (5, с. 42).

Качественная характеристика количества может быть связана, во-первых, с указанием на предметы (ведется счет предметов и указывается их количество), и во-вторых, с указанием на действия, процессы (ведется счет действий, процессов и указывается количество действий, количество процессов). Действие, подобно предмету, обладает свойством считаемости (считаемость действия подтверждается наличием однократных и многократных глаголов и специальных количественных выражений).

Конкретизация количества путем указания на действия (при счете действий) передается в марийском языке сочетаниями типа: *кум гана кутыраш* «трижды беседовать», *кокымшо гана лӱшташ* «второй раз, вторично доить», *шӱдӧ гана ойлаш* «сто раз говорить, повторить» (6, с. 121). В подобных случаях количество выражается сочетаниями «числительное + послелог гана»: *кок гана* «два раза», *кум гана* «три раза», *лу гана* «десять раз», *ныле гана* «сорок раз» и т. п., считаемые действия, процессы — глаголами: **Кокымшо гана лӱен** гынат, вуеш логалтен огыл (3, с. 32). «Хотя **стрелял второй раз**, в голову не попал». Эх, рвезе жап! **Ик гана толат**, самырыклан куаным, ача-авалан тургыжланымашым кондет (4, с. 19). «Эх, молодость! **Один раз приходишь**, молодым радость, родителям беспокойство несёшь». Сочетания кок *гана* «два раза, дважды», *кум гана* «три раза, трижды», *кокымшо гана* «второй раз, вторично», *кумшо гана* «третий раз»

и т. п. эквивалентны именам числительным по количественному значению: **кум гана** кутыраш «**три раза, трижды** беседовать» — **кум** кутырымаш «**три** беседы»; **кокымшо гана** лӱшташ «**вторично, второй раз** доить» — **кокымшо** лӱштымаш «**второе** доение, **вторая** дойка». Сочетаний типа «кок гана», «кокымшо гана», называющих определенное количество, в марийском языке очень немного. В речевой практике обычно используются сочетания с числительными первого десятка, т. е. количественная характеристика действий (счет действий) обычно не выходит за пределы чисел первого десятка. Это свидетельствует о том, что в практической деятельности человека нет необходимости, кроме особых случаев, заниматься счислением действий, процессов, состояний с указанием определенного количества их, если это количество более десяти, хотя при образовании количественных сочетаний с глаголами «числительное + гана + глагол» в языке нет каких-либо ограничений, и эти сочетания параллельны количественным сочетаниям с именами существительными. Ср.: *ныллe вич кермыч* «сорок пять кирпичей» — *коло вич гана кудалташ* «сорок пять раз бросить».

Чаще при количественной характеристике действий используются слова со значением неопределенного количества *мыняр* «сколько», *ала-мыняр* «несколько», *шуко* «много», а также числительные типа *вич-куд* «пять-шесть», *кок-кум* «два-три»: Тарелкылашке кажнышкыжат 2 дене 8 апельсиным пыштеныт. **Мыняр гана** 2 апельсин дене пыштеныт? (7, с. 41) «8 апельсинов разложили на тарелки по 2. **Сколько раз** по 2 апельсина положили?» Сакар шуарыме конгаш **ала-мыняр гана** бутылкам намиен кодыш, иктат ышат пере, ышат шӱрдӧ (3, с. 29). «Сакар отнес бутылки в печку для закалки **несколько раз**, но никто и не ударил, и не ругал». Тудлан Ванька арымеш **шуко гана** оксам пуэн (8, с. 142). «Ему Ванька **много раз** давал деньги в долг». Эргыжым кожгандараш манын, теле мучко **ныл-вич гана** Эвай тудым вурсенат нале (8, с. 17). «Для того чтобы напугать (припугнуть) сына, Эвай в течение зимы **четыре-пять** раз поругал его».

Сочетания *коло гана* «двадцать раз», *шымле гана* «семьдесят раз», *тӱжем гана* «тысяча раз», *шӱдӧ гана* «сто раз», хотя и содержат определенно-количественные числительные, в речевой практике часто используются в значении неопределенного количества (в значении «много раз»): **Тӱжем гана** ен деч колмеш, лучо ик гана шке миен ужаш (9, с. 255). «Чем **тысячу раз** услышать от чужих, лучше один раз самому увидеть». Мыят тидын нерген **шӱдӧ гана** ойленам (8, с. 155). «И я об этом **сто раз** говорил».

Следующей степенью конкретизации количества с усилением качественной характеристики являются структуры, включающие в свой состав однородные члены, т. е. структуры, в которых конкрети-

затор количества представлен сочинительным рядом. Сочинительный ряд в роли конкретизатора количественного понятия может относиться непосредственно к слову с количественным значением, а также к целому количественно-именному сочетанию. Рассмотрим типичные примеры: Энгерлаште да ерлаште **40 тӱрлӧ кол** уло: **нужгол, олангге, шийгол, мокшыичо** да молат (10, с. 5). «В реках и озерах есть **сорок разных рыб: щука, окунь, сом, налим** и другие». Ик каныш кечын **Микуш** ден **Сакар** да **Нургалий** — **кумытын** имньым кычкеныт да ломыж погаш лектыныт (11, с. 405). «В один выходной день **Микуш** с **Сакаром** и **Нургалий** — **втроем** запрягли лошадь и вышли собирать золу». Корно дене **кок йоча, ӱдыр** ден **рвезе**, кают (3, с. 123). «По дороге идут **двое детей, девочка и мальчик**». И хотя в одних случаях сочинительный ряд относится непосредственно к слову с количественным значением, а в других — количественно-именному сочетанию, нельзя говорить о разных способах представления количественных отношений, т. к. слова *коктын* «двое, вдвоем», *кумытын* «трое, втроем» и т. п. по своей семантике равны сочетаниям типа *кок ен* «два человека», *кум ен* «три человека» и т. п., т. е. они передают идею конкретного количества и идею предмета-производителя действия. Поэтому они, эти структуры, различаются только по способу выражения, в плане содержания они одинаковы.

Количественные конструкции с однородными членами типа *кок йоча, ӱдыр ден рвезе* «двое детей, девочка и мальчик» отличаются от количественных сочетаний с одним конкретизатором типа *кок рвезе* «двое мальчиков» степенью конкретизации, усилением качественности, т. к. в них называются качественно неоднотипные предметы, дается качественная дифференциация считаемых объектов. Это так называемое «неоднородное множество» (в то время как *кок рвезе* «двое мальчиков» — это «однородное множество»). Сочинительный ряд служит конкретизатором, уточнителем количественно-именных сочетаний в том случае, если необходимо подчеркнуть не сходство, а различие считаемых объектов.

В практике человеческого общения считаться могут не только предметы или действия, но и целые события, включающие и предметы, производящие действия, и действия, и предметы — объекты действий, и самые различные обстоятельства. В качестве счетных слов используются порядковые числительные *икымше* «первый», *кокымшо* «второй», *кумшо* «третий» и т. п., например: — Мом ышташ тӱнгалат? — Переводчица лийым кертам. Педучилищыште немыч йылмым тунемын улына. Тиде **икымше**,— Елуш парняж дене шотлаш тӱнгале.— Первый полышым пуэн моштем. Тиде **кокымшо**. А **кумшо** — тура лӱен моштем (4, с. 34). «— Что ты будешь делать? — Могу быть переводчицей. В педучилище учили немецкий язык. Это

первое (раз),— Елуш начала считать с помощью пальцев.— Первую помощь могу оказать. Это **второе**. А **третье** — умею прямо (круто) стрелять».

В подобных случаях слова с количественным значением помогают определенным образом организовать сообщаемый материал и выделить в нем наиболее важные моменты, временно оттенив их количественную сторону. Качественная характеристика в этих конструкциях является основной целью сообщения.

Таким образом, в современном марийском языке можно выделить ряд форм, отражающих разное соотношение количества и качества в общем представлении количества. Различие в способах выражения количества в синтаксических структурах обуславливается разной степенью качественной конкретизации количества.

Можно заключить, что анализ выражения категории количества именами числительными в марийском языке обнаруживает следующую картину: 1) количество может быть выражено без указания на предмет, т. е. количество может мыслиться вне его качественной конкретизации через предмет. Это наиболее абстрактное представление количества; 2) количество может иметь качественную конкретизацию благодаря указанию на предмет или явление, которые подвергаются счету; 3) качественная конкретизация количества может быть различной как со стороны характера предметов и явлений, которым дается количественная характеристика (анализ конкретизации количества связан с вопросом о том, что люди считают), так и по степени конкретизации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Учаев З. В.* Марий йылмс. Икымшс ужаш. Йошкар-Ола, 1982.
2. *Сергеев А.* Окса пашам шочыкта — паша оксам ышта//Марий Эл, 1995, 1 марта.
3. *Чавайн С. Г.* Элнет. Йошкар-Ола, 1958.
4. *Иванов В. И.* Тӱтан. Йошкар-Ола, 1991.
5. *Васикова Л. П.* Кызытсс марий йылмс. Простой предложений синтаксис. Йошкар-Ола, 1987.
6. *Тимофеева В. Т.* Имя числительнос//Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
7. *Барто М. И., Баитова М. А.* Математика: 2 класс. Йошкар-Ола, 1992.
8. *Шкетан М. Я.* Эрсн'ср. Йошкар-Ола, 1950.
9. *Китиков А. Е.* Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола, 1991.
10. *Крылова Г. С., Якимова Э. С.* Марийский язык для всех. Ч. II. Йошкар-Ола, 1991.
11. *Лекайн Н.* Возымыжо кум том денс лукталтеш. Йошкар-Ола, 1987. Т. 2.

Rosa Ignaeva

SOME WAYS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF QUANTITY BY MEANS OF NUMERALS IN MARI LANGUAGE

The analysis of expressing the category of quantity by means of numerals in modern Mari language reveales the following:

1) guantity may be expressed without pointing to the subject,in other words,the guantity may be thought without its gualitative concretisation through the subject. It is the most abstract notion of guantity;

2) guantity may have it's gualitative concretisation if we point to the subjects or the events which are to be counted;

3) gualitative concretisation of guantity may be different, according to the character of things and events to which that guantitative characteristic is given (the analysis of concretisation of guantity is connected with the guestion what is counted by people) and also according to the degree of concretisation.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

СООБЩЕНИЯ

Игорь Добродомов
Москва

О МЕРЯНСКОМ НАЗВАНИИ КОРОВЫ
(источниковедение и этимология)

Выявление лексики субстратного происхождения сопряжено с целым рядом трудностей, которые отпугивают исследователей от этой проблематики. При обращении к ней все-таки возникают сложные вопросы, которые не всегда решаются правильно, в частности из-за невнимания к источниковедческой стороне исследования.

О. Б. Ткаченко на основании русского диалектного названия коровы *лейма* (Галич, Костром. губ.), извлеченного им из «Опыта областного великорусского словаря» (СПб., 1852, с. 102: «ЛЕЙМА, ы, с *ж.* Корова. *Костр. Галиц.*») и финно-угорских материалов (фин., карел., ижор., вод. *lehmä* 'корова', вепс. *l'ehm*, эст. *lehm*, лив. *ni'em, ni'em'ə* 'то же', морд. эрз. *лишме* 'лошадь', (диал.) *ишме* 'то же', морд. мокш. *лишме* 'конь (только об игрушечном или красивом коне)', восстанавливает для мерянского языка название коровы **lejma* < **lež̌mä* 'корова' < **leš̌mä* '(дойная) кобыла', откуда, очевидно, семантическое развитие шло в двух направлениях: 1) (в мордовских языках) лошадь вообще; 2) (в прибалтийско-финских и мерянском) > дойное животное (кобыла, корова) > корова (1, S. 257).

К этому материалу сделано несколько необоснованное углубление этимологии: «Не исключена связь исходного **leš̌mä* с тюркским *alaš̌a* (2, с. 136—137), лежащим в основе чув. < *булг. *лаша* (laša) 'лошадь' (?*läsəma* < *laš̌a-emä* 'лошадь-мать'); в таком случае слово могло бы рассматриваться как возникшее на основе древнего заимствования из булгарского языка».

Это слишком смелое предположение наталкивается на непреодолимые хронологические трудности: финно-волжский праязык не мог заимствовать булгарское слово по хронологическим причинам: да и слово *алаша*, вероятно, является на тюркской почве монголизмом (3, S. 262—263).

Учитывая отдаленную географическую привязку костромского слова *лейма* и его прибалтийских соответствий типа *lehmä*, а также их неполное фонетическое сходство, О. Б. Ткаченко выдвигает идею о заимствовании русского слова из мерянского языка, близкого к прибалтийско-финским языкам: «фонетическое своеобразие слова, как и место фиксации, исключают возможность его заимствования из прибалтийско-финских языков, заставляя как наиболее оправданное принять его исконно мерянское происхождение» (4, с.52, 82, 76, 172, 182, 186). При этом О. Б. Ткаченко ссылается на Я. Калиму, который якобы ставил под сомнение заимствованный характер слова *лейма*, что по крайней мере неточно, поскольку у Я. Калимы выражено лишь сомнение в связи слов *lehmä — лейма* из-за фонетического несоответствия (см. об этом далее) (5, с. 128—129).

Но соображения О. Б. Ткаченко еще в большей степени оказываются уязвимыми с точки зрения источниковедческой: русский диалектный материал О. Б. Ткаченко использовал сугубо потребительски, не проверив его на предмет филологической достоверности, как не проделали эту работу и другие языковеды, которые соприкасались с этим словом. Дело в том, что «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. не был первым источником, который зафиксировал загадочное костромское слово *лейма* ‘корова’, и этот лексикографический труд явно зависел от других еще более ранних попыток фиксации русского диалектного материала, когда последний еще четко не отделялся от материала условных языков русских ремесленников и торговцев.

В «Опыт областного великорусского словаря» загадочное костромское слово попало (возможно, через посредничество неоконченного «Опыта русского простонародного словотолковника» М. Н. Макарова) из раннего опыта сбора «провинциальных слов», предпринятого Обществом любителей российской словесности с помощью добровольцев. В списке слов, употребляемых жителями города Галича и его уезда, фигурирует и: «Лейма — корова», откуда оно попало в неоконченный диалектный словарь М. Н. Макарова, первоначально печатавшийся в 1846—1848 гг. в «Чтениях Общества истории и древностей российских при московском университете»: *«Лейма (Костр. Глч.)*, корова (6, с. 139; 7, с. 144). В «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852, с. 102) у слова появилось ударение, грамматическая характеристика, а географические пометы оказались в конце словарной статьи: «ЛЕ́ЙМА, ы, с. ж. Корова. К о с т р. *Галиц.*».

Включение загадочного слова в академическое издание, каковым является «Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук» и вышедший под редак-

цией академика А. Х. Востокова, а также появление этимологических соображений об этом слове, закрепили его место в числе диалектизмов русского языка (8, с. 14, 78).

После выхода «Опыта областного великорусского словаря» имеющееся там слово получило этимологию, предложенную Я. К. Гротом в виде сопоставления с созвучным финским словом: «ЛЕЙМА: *lehmä* корова» в статье «Областные великорусские слова финского происхождения», которая впоследствии неоднократно перепечатывалась в его «Филологических разысканиях» (см., напр., 4-е изд., СПб., 1899, с. 446), но уже под более осторожным названием «Слова Областного Словаря, сходные с финскими» (9).

В статье А. М. Шёгрена «Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных» также содержится аналогичное сопоставление: «Л е й м а. Фин. *lehmä*» (10).

Сопоставление Я. К. Грота воспроизвел М. Р. Фасмер в своей рецензии «Финские заимствования в русском языке. По поводу статьи проф. А. Л. Погодина» (11, с. 83), в связи с тем, что это сопоставление ускользнуло из рецензируемой им работы А. Л. Погодина* (Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия, 1904 — IV, № 2, с. 1—72).

Яло Калима в своем исследовании о прибалтийско-финских словах в русском языке ссылается на мнение Я. К. Грота, А. М. Шёгрена и Р. Мекелейна (12, S. 48) о прибалтийско-финском происхождении слова, но сам предпочитает по фонетическим причинам воздерживаться от сравнения с финск. *lehmä* (= карел. *lehmä*, олонец. *leumu*, вепс. *l'ehm*, вод. *lehmä*, эст. *lehm̄*). Действительно прибалтийско-финск. *h* обычно передается русскими *г*, *х*, изредка через *в* (13, S. 151, 41—42), иногда опускается, но субституция *h* → *й* представлена лишь в случае *lehma* > *лейма*.

Эти сомнения, однако, не помешали Я. Калиме связать костромское слово *лейма* с финским в неоконченном словаре. В «Словарь русского языка, составленный постоянной словарной комиссией Академии наук СССР» (т. V, вып. 2, Л., 1927, стб. 419) слово попало вместе с этимологическим соображением Я. К. Грота — Я. Калимы, но со ссылкой только на последнего как на лицо, содействовавшее полноте и обработке соответствующего выпуска словаря: «Лейма, ы, ж. Обл. 1. (ср. финск. *lehmä* ‘корова’. Я. Калима). Корова. Г а л и ч. (Оп. обл. слов.). 2. Белая рыбица. О л о н. г. (Барс. Причит. I; Куликовск.)».

---

* Поэтому неоднократные указания В. Д. Бондалетова (в его книге «Финно-угорские заимствования в русских арго». Самара, 1992. С. 13, 76) на то, что А. Л. Погодин писал о слове *лейма*, не подтвержденные библиографически, носят мифический характер.

В нынешних этимологических исследованиях при слове указываются трудности фонетического и географического характера: «*лейма* 'корова', костром. (Даль). Весьма реально объяснение из фин., карельск., водск. *lehmä* 'корова' (Мекелейн 48), которое Калима (с. 151) подвергает сомнению по фонетическим соображениям. Странно и географическое распространение в русск. Ср. *лейма* 'белорыбица', Salmo leucichtys', олонец. (Куликовский), возм., иного происхождения, а также греч. βοῦs 'бык' в качестве названия рыбы (Гофман-Йордан 239)» (14, с. 477; 15, с. 46).

О. Б. Ткаченко в своем предположении о происхождении слова *лейма* из мерянского субстрата попытался преодолеть как фонетические, так и географические трудности существующей этимологии, предположив для данного случая близость мерянского языка к прибалтийско-финским языкам, но его этимологические соображения опирались на недостаточно проверенный, а также весьма ограниченный материал, что требует дополнительного источниковедческого анализа последнего.

Никто из языковедов, затрагивавших в той или иной степени диалектное слово *лейма*, не обратил внимания на тот факт, что оно не помещено в 1-м и 2-м изданиях «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, соответственно выпущенном или хотя бы подготовленном к выпуску самим автором. И. А. Бодуэн де Куртенэ при редактировании им 3-го издания словаря включил слово *лейма* в качестве костромского диалектизма*, что следует считать несомненной ошибкой. Дело в том, что пропуск этого слова в словаре В. И. Даля был неслучайным: оно было исключено им из словника «Толкового словаря живого великорусского языка» и помещено в до сих пор не опубликованный его «Словарь офенского языка», хранящийся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

На офенский характер «Слов, употребляемых жителями города Галича и его уезда, собранных учителями тамошнего уездного училища Дмитрием Ржевским и Яковом Аквилевым» для «Трудов Общества любителей русской словесности» (ч. XX. М., 1822. С.139) указывал С. К. Булич в своем «Очерке истории языкознания в России» (т. I. СПб., 1904. С. 983).

---

* Ссылки Я. Калимы и М. Р. Фасмера на В. И. Даля, строго говоря, должны быть заменены ссылками на И. А. Бодуэна де Куртенэ, который опрометчиво дополнил словарь В. И. Даля в квадратных скобках словом, которое великий русский лексикограф опустил вполне сознательно: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд. под ред. проф. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.-М., т. II, 1905, стб. 635: < **Лейма** ж. корова. *Костр.* Оп.

В. Д. Бондалетов указал на офенский характер этого слова сначала в «Опыте русского простонародного словотолковника» М. Н. Макарова, затем в списке слов из города Галича 1822, а потом и в «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852. С. 102) (16, с. 17; 17, с. 10, 11, 13, 76, 88—90), причем в последнем случае он сослался и на свой «Билямско-русский словарь ладвинских и других петрозаводских (олонецких) стекольщиков-отходников Петрозаводского района Карельской АССР, по материалам экспедиции 1966 г.», хотя в публикации этого словарика (18, с.69—76) слова *лейма* 'корова' нет, как не было упомянуто это слово и в первой публикации, где речь шла о принадлежности слова *лейма* к условным языкам (19, с. 187).

Следовательно, попавшее в русские словари «костромское» слово *лейма* 'корова' фактически является не областным словом русских народных говоров, а социально ограниченным словом условных языков русских ремесленников и торговцев.

Из имеющихся трех его записей наибольшую известность получила самая ранняя запись начала XIX века, но слово в этой записи ошибочно прошло по многим словарям в качестве костромского областного слова, а не арготизма. Менее известными оказались сведения В. И. Даля об офенском и В. Д. Бондалетова о билямском характере слова *лейма* 'корова'. Особенно важными оказались сведения В. Д. Бондалетова о наличии слова в условном языке ладвинских стекольщиков из Карелии, где наличие карельского слова весьма естественно. Если учесть легкое передвижение слов из одного условного языка в другой, то наличие слова *лейма* 'корова' у офеней Галича не удивительно. Эти обстоятельства исключают возможность видеть в рассматриваемом слове искомое О. Б. Ткаченко мерянское наследие и заставляют признавать в нем бродячее слово из условного языка бродячих же торговцев и ремесленников без достаточной хронологической глубины.

Принадлежность слова *лейма* 'корова' к лексике условных языков ремесленников и торговцев может быть ключом к пониманию своеобразной фонетики (*h* > *й*), которая отличалась способом субституции прибалтийско-финского *h* сравнительно с субституцией в русских народных говорах.

В сводно-академическом «Словаре русских народных говоров» слово получило компромиссную характеристику диалектизма (включено в диалектный словарь) и арготизма: «ЛЕЙМА, ы. *жс*. Корова. Галич. К о с т р о м., 1820 . [Из арго] — Доп. [Знач.?]. Юрьев. В л а д. Микулицкий. 2. ЛЕЙМА, ы, ж. Белая рыба, белорыбица. О л о н., Барсов» (20, с. 341).

Следовательно, арготическое, а не диалектное слово *лейма* —

прибалтийско-финского происхождения (21, с. 54), оно попало в Костромскую губернию со стороны и не может служить основанием для реконструкции мерянского названия коровы. Вывод об этом сделан на основе источниковедческого материала, что, к сожалению, пока еще не стало устойчивой практикой в языковедческих разысканиях историко-этимологического жанра.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Suomen kielen etymologinen Sanakirja,II. Helsinki,1958; *Nirvi R. E.* Inkeroismurteiden sanakirja. Vast. Toim. R. E. Nirvi. Helsinki, 1971.

2. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. Т. I.

3. *Doerfer G.* Turkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. IV. Wiesbaden, 1975.

4. *Ткаченко О. Б.* Мерянский язык. Киев, 1985.

5. *Ткаченко О. Б.* Очерки теории языкового субстрата. Киев, 1989.

6. Слова, употребляемые жителями города Галича и его уезда, собранные учителями тамошнего уездного Училища Дмитрием Ржевским и Яковом Аквилевым//Труды Общества любителей российской словесности, ч. XX. М., 1822.

7. *Макаров М. Н.* Опыт русского простонародного словотолковника. Б. м. и г.

8. *Баллион Э. Э.* Опыт исследования о русских названиях (простонародных и книжных) млекопитающихся животных, водящихся в пределах Российской империи. Казань, 1858. (Приложение к «Запискам» имп. Казанского экономического общества 1858 года).

9. Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности, т. I. СПб., 1852. Прибавл. 2, тетрадь 1-я, стб. 66.

10. Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности, т. I. СПб., 1852. Прибавл. 2, тетрадь 1, стб. 157.

11. Живая старина, год XVI, вып. II. СПб., 1907.

12. *Meckelein R.* Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. I. Die Finnisch-ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.

13. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki,1919 (=MSF-Ou, XLIY).

14. *Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II.

15. *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М., 1960.

16. *Бондалетов В. Д.* Арготизмы в словарях русского языка. Рязань, 1987.

17. *Бондалетов В. Д.* Финно-угорские заимствования в русских арго. Самара, 1992.

18. *Бондалетов В. Д.* Типология и генезис русских арго. Рязань, 1987.

19. *Бондалетов В. Д.* Пермские, прибалтийско-финские и венгерские заимствования в лексике русских условных языков//Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967.

20. Словарь русских народных говоров. Л., 1980. Вып. 16.

21. *Вострикова В. О.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.

Igor Dobrodomov

TO THE MERYAK NAME OF A COW (SOURCE STUDY AND ETYMOLOGY)

Leima — is not a dialect word of Finno-Baltic origin. It came to Kostroma gubernia from aside and can't be the base for the reconstruction of the Meryak name of a cow.On the base of the source study this conclusion is made.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ МАРИЙСКИХ СЛОВ

пуаш ‘дать’

В финно-угорских языках соответствий не обнаружено, поэтому есть основание не считать его общефинно-угорским.

В тунгусо-манчжурских языках, однако, имеется прямое соответствие данному марийскому слову, ср. тунгусо-манч. *бу-* ‘дать’ (1, с. 185).

По-видимому, в марийском языке слово *пуаш* ‘дать’ является тунгусо-манчжурским проникновением времен уральской общности, но не попавшим в другие финно-угорские языки, так же как марийское *ешт* ‘человек, чужой человек’, ср. кетс. *деиг* ‘люди’, китайск. *жень* ‘человек, люди’ (2, с. 38).

ӱма ‘поцелуй’ (детское)

Одного происхождения с финским *imeä* ‘сосать’, эстонским *imeda* ‘сосать’. Встречается, кроме других прибалтийско-финских языков, в старовенгерском *emik* ‘сосать’. Составители финского этимологического словаря сравнивают его еще с саамским *n'ammat* ‘сосать’ (3, с. 107), но, как нам кажется, неверно: саамское слово сродни с другим марийским детским словом *пямаш* ‘кушать’.

Слово *ӱма* ‘поцелуй’, ср. *ӱмам палаш* ‘поцеловать’, без всякого сомнения одного происхождения со старовенгерским *emik* ‘сосать’. Как марийское, так и венгерское слова находят соответствие в тюркских языках, ср. др.-тюрк. *em* ‘сосать’ (грудь), отсюда *emig* ‘грудь женщины, соски’. Это же наблюдается и в венгерском языке, ср. *emlö* ‘грудь женская, соски’ (4, с. 171). Если финское *imeä* ‘сосать’ из одного источника с венгерским emik ‘сосать’, как об этом пишут составители финского этимологического словаря, то без всякого сомнения и марийское *ӱма* ‘поцелуй’ восходит к этому же источнику. Поэтому было бы вернее считать как марийское *ӱма* ‘поцелуй’, так и финское *imeä* ‘сосать’ более древним по происхождению, скорее всего урало-

алтайским. Значение ‘сосать’ и ‘целовать’ часто совпадает, ср. современное марийское л. *шупшалаш*, г. *шывшалаш* ‘поцеловать’ и глагол л. *шупшаш*, г. *шывшаш* ‘сосать, тянуть’. Здесь от глагола л. *шупшаш*, г. *шывшаш* ‘сосать, тянуть’ образован при помощи однократно-ласкательного суффикса *-ал* глагол л. *шупшалаш*, г. *шывшалаш*, что первоначально значило, конечно же ‘сосать, сосануть’ (ласкат.), затем приобрело значение только ‘целовать’. В отличие от этого с чисто однократным значением от этого же глагола образован другой глагол с помощью однократного суффикса *-ыл*, ср. л. *шупшылаш*, г. *шывшылаш* ‘потянуть’, но не ‘целовать’.

пленга ‘белянка’

Гриб семейства пластинчатых (популяция волнушек) (5, с. 8).

Заимствовано из русского языка, ср. русск. *белянка* ‘белая волнушка’ (6, с. 18), второе марийское название этого гриба *ошкуэрыжсык*.

нямаш ‘кушать’

Слово одного происхождения с коми *нямны* ‘кушать’, отсюда *нямыль* ‘жевок’. Е. С. Гуляев для коми слова *нямыль* в марийском языке приводит слово *нумургаш* ‘сжимать’, взятое у Троицкого (7, с. 202). Но как по значению, так и по фонетическому соображению слово *нумургаш* ‘сжимать’ не сравнимо с коми *нямыль* ‘жевок’. Марийское *нямаш* ‘кушать’ и коми *нямны* ‘кушать’ и *нямыль* ‘жевок’ несомненно являются общими по происхождению. В удмуртском языке есть детское выражение *ням-ням карыны* ‘кушать, есть’ (8, с. 311), что идентично марийскому *ням-ням ышташ* ‘кушать, есть’ (букв. ‘делать ням-ням’).

Фасмер считает *ням-ням* междометием, передающим шум жевания (в детской речи). Отсюда *нямкать* ‘есть, жевать’ (9, с. 94).

В. Даль к глаголу *нямкать* ‘есть, жевать’ приводит еще слово *нямня* ‘свежий, мягкий хлеб’ у вятских русских и сравнивает с коми и удмуртским *пянь* ‘хлеб’ (10, с. 564).

Если учесть, что пермское слово *пянь* ‘хлеб’, ср. мар. детск. *пяня* ‘хлеб’ иранского происхождения, ср. курд. *пап*, афган. *нāн*, гилянск. *пан* ‘хлеб’, и если вятское *нямня* ‘свежий, мягкий хлеб’, *нямкать* ‘есть, жевать’ сродни пермскому *пянь* ‘хлеб’, то есть все основания думать, что в русском языке, вопреки Фасмеру, *ням-ням* надо считать заимствованным из марийского языка, о чем говорят русское *нямня* и марийское *пяня* ‘хлеб’.

Как в пермские, так и в марийский язык, как видно, слово *пянь*, *пяня* ‘хлеб’ проникло из иранских языков. Оно находит соответствие в кетском *пань*, *пан* ‘хлеб’ (2, с. 37) и китайском языках *мянь* ‘лапша’.

Глагол *пямаш* ‘кушать’ действительно образован от подража-

тельного слова *пям*, выражавшего что-то мягкое, ср. мар. *пьымар-пямыр* 'мягкий, слизистый', удм. *пямыль-пямыль* 'мягкий, слизистый'.

тӧва 'возвышенность'

В марийский язык это слово пришло из иранских языков, ср. курд. *tepe* 'холм, возвышенность' (11, с. 738). Посредником перехода в марийский язык рассматриваемого иранского слова явился чувашский язык, ср. чув. *тӳпе, тӧпе* 'вершина холма, бугор, возвышенность' (12, с. 214).

пычкемыш 'темный; темнота, темно'

Диалектные варианты: г. *пӹцкемӹш* 'темный; темнота, темно; с.-з. *пӹцкемшӹ* 'темный'.

Это слово сложное, где *пич, пыц* 'дремучий; спертый, душный', находит соответствие в хантыйском языке, ср. *pətək* 'черноватый', *pətlam* 'темно', *pətkəltä* 'темнеть', *pətək* 'темноватый, черноватый' (13, с. 395).

Конечная часть *-кемыш, -кемшӹ* представляет собой причастие, ср. мар. *пич каяш, пӹц кеäш* 'задохнуться': *пич* > *пӹц* + *кемы* + *шӹ* > *пӹцкемыш, пӹцкемшӹ*, в луговом — *пычкемыш*. Семантика слова *пич, пӹц* весьма хорошо сохранилась в горном наречии, ср. *пӹц*, 1. 'темный', 2. 'душный', 3. 'дремучий', *пӹц йыд* 'темная ночь', л. *пич йӱд* 'тж', *пӹц кеäш* 'задохнуться', л. *пич каяш* 'задохнуться'.

Возможность присоединения к этому слову суффиксов имен прилагательного *-кäтä, -алгы* говорит о том, что оно не междометного происхождения, ср. г. *пӹцäлгӹ* 'темноватый', *пӹцкäтä* 'душный' (о воздухе), 'глухой' (о лесе) (14, с. 136).

Фонетический вариант *кемыш* во всех наречиях наталкивает на мысль о том, что первоначально глагол *каяш* 'идти' имел звучание *кеäш*, как теперь в горном наречии, он изменил свое звучание под влиянием татарского и чувашского языков.

лӱмпер 'слава'

Слово сложное, состоит из *лӱм* 'имя' + *пер* 'слава, репутация'. Вторую часть этого сложного слова нельзя сравнить с собственно марийским словом *пер* 'нос': она заимствована из какого-то диалекта монгольского языка, ср. калмыц. *пер* 'авторитет', *пер* 'репутация' (15, с. 17, 651).

Марийское *лӱмпер* в буквальном значении, таким образом, будет 'репутация имени'.

шӱшкаш 'совать, всовывать, засовывать'

Этот глагол этимологически производный. Он образован от ос-

новы *шӱш-* при помощи финно-угорского многократно- длительного суффикса *-к* (16, с. 7). Основа *шӱш-* находит, по-нашему, соответствие в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *sisu, sisus* 'нутро'. Авторы финского этимологического словаря марийский пример не приводят (17, с. 1045).

В дальнейшем суффикс *-к-* потерял свое словообразовательное значение, деэтимологизировался под влиянием глаголов типа *тушкаш* 'лепить', *тошкаш* 'топтать' и т. д.

Таким образом, с полной уверенностью можно говорить, что в древнемарийском языке для обозначения нутра было слово **шӱше*, которое впоследствии заменилось другим словом *кӧргӧ*, 'нутро', первоначально обозначавшим горло, ср. фин. *kurkku* 'горло'.

Слово же *кӧргӧ* 'нутро' считается индоевропейским заимствованием, ср. латыш. *qurqes* 'горло', др.-булг. *krъkъ* 'горло' (3, с. 245).

савуш 'дружка, шафер'

Это слово иранского происхождения, ср. др.-иран. *сакдуш* 'дружка на свадьбе'.

В марийском языке произошло выпадение согласного *d* (*д*), а затем диалектально *j* (*г*) дало (*в*), что привело к форме *савуш*. В некоторых диалектах перехода не произошло, ср. *сагус*, но зато конечный *ш* перешел в *с*.

сорж 'четверть аршина'

В современном марийском языке вместо этого слова употребляется слово л. *шеч*, г. *шит* с тем же значением. Рассматриваемое же слово зафиксировано Г. Миллером. Н. И. Исанбаев его считает записанным из малмыжского диалекта (18, с. 71), что не вызывает сомнения.

Этимологически, по нашему мнению, слово *сорж* развилось из сложения финно-угорского *sor-* (**sore*) 'палец' и иранского *šəšt* 'указательный палец', ср. гилянск. *šəst* 'указательный палец' (19, с. 382).

В марийском языке иранское слово **šəšt* в луговом наречии превратилось в *šet*. Затем конечный согласный *t*, претерпев смягчение под воздействием гласного *e*, перешел в *č*, что дало современную форму *шеч* 'пядь, расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами' и это слово сохранилось со своим новым значением до сих пор. В горном же наречии слово **šəšt* превратилось в *шит*, здесь редуцированный *ə* перешел не в *e*, как в луговом наречии, а в *и*, но конечный согласный *т* сохранился.

В сложном же слове *сорж* это новое значение стало основным, и первая его часть *сор* утратила первоначальное свое значение 'палец'. Фонетическое развитие этого слова, надо полагать, происходило

следующим образом: *сор + *шәшт* > *соржәш* > *соржс*. В данном случае конечный согласный *т* отпал, а согласный *ш* между дрожжащим *р* и редуцированным гласным *ə* озвончился.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что марийский язык для обозначения пальца до контактов с волжскими булгарами, от которых заимствовал слово *парня*, ср. чув. *пӳрне* 'палец', знал свое слово *сор* 'палец'.

вишкыде 'жидкий'

Слово образовано от основы *виш* 'открытый, раскрытый; отверстие' при помощи словообразовательного суффикса финно-волжского времени *-кыде, -кыдо* < **кеба*, ср. *пешкыде* < *пеш* + *кыде*, *волгыдо* < *вол* + *гыдо*, ср. фин. *Valkea* < **valkeba* 'светлый, белый'.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сунцк О. П.* Глагол в тунгусо-манчжурских языках. Москва — Ленинград, 1962.
2. *Дульзон Д. П.* Кетский язык. Томск, 1968.
3. Suomen kielen etymoloqinen sanakirja. Helsinki, 1955.
4. Венгерско-русский словарь. Москва, 1964.
5. *Балдаев Х. Ф.* Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола, 1983.
6. *Подымов А. Н.* Грибы Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1977.
7. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.
8. Удмуртско-русский словарь. Москва, 1983.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Москва, 1971.
10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1956.
11. Русско-курдский словарь. Москва, 1957.
12. *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Вып. XIV.
13. *Терешкин Н. И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.
14. *Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.
15. Русско-калмыцкий словарь. Москва, 1964.
16. *Галкин И. С.* Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке. Автореф. канд. диссертации. Тарту, 1956.
17. Suomen kielen etymoloqinen sanakirja. Helsinki, 1969.
18. *Исанбаев Н. И.* Неопубликованные рукописи Г. Ф. Миллера по марийскому языку//Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1973. Вып. III.
19. Гилянско-русский словарь. Москва, 1980.

Ivan Galkin

THE ORIGIN AND THE DEVELOPMENT OF MEANING OF SOME MARI WORDS

The artiicle is devoted to the origin and the development of word semantic «puash» — «to give», «uma» — «a kiss», «plenga» — «whity», «niamash» — «to eat», «tova» — «a height», «puchkemash» — «darkness», «lummer» — «qlory», «shushkash» — «to shove», «savush» — «the best man», «sorzh» — «quarter», «vishkude» — «fluid».

The author considers that the word «puash» — «to give» is comparable with Tungus — Manchurian «by» — «to give». «Uma» — «a kiss, most likely is of Ural — Altai origin and originally meant «to suck», «plenga» — Russian «whity», «nyamash» — «to eat» has the same origin with the word «nyanya» — «bread» which is of Iranian penetration; «tova» — «height» — Iranian penetration, through ancient Chuvash language «puchkemash» — «darkness» consists of the word «pich» — «dark, stuffy» and «kemash» — participle of the word «keash» — «to go», «lummer» — «glory» consists of «lum» — «name» «ner» — «glory» — Mongolian origin, « shushkash» — «to shove» is comparable with Finno-Baltic «sisu» — «interior», «savuch» — «the best man» — «Iranian penetration, «sorzh» — quarter of arshin, «span» consists of Finno-Ugrian «sore» — «finger» and Iranian «sɔst». «Forefinger» — «vishkide» is from «vish» — «opened» where «kide» — suffix of Finno-Volga community.

«Финно-угроведение». 1996. № 2.

Отт Курс
Тарту

ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
(на примере эстонского языка)

В прошлом поддерживалось мнение, что преднамеренные направления и изменения в языке невозможны. Этот взгляд был связан с общим положением, что индивидуальные инициативы и влияние руководящих лиц не могут изменить ход социальных явлений. Однако в действительности имеются многие силы, способные изменить обычаи и развитие общества, в т. ч. и языка. Такими силами являются — подражающий инстинкт (imitiative instinct), авторитет, престиж, пропаганда и, наконец, сила (1, с. 22).

Основные функции языка в обществе — информационное, интеллектуальное, эстетическое, научное и религиозное обслуживание. В течение первой половины XX века развивались определенные принципы и методы языкового планирования (ЯП) (1, с. 29—44). Идеальным языком считается тот, который при минимуме значений слов (by the minimum of means) достигает максимальные результаты (attains the maximum of means). Так выделены принципы ясности, экономичности и эстетичности, которые применяются в целях прикладного ЯП.

В рамках ЯП решаются также проблемы морфологии, синтаксиса и, в частности, лексикологии, поскольку последняя является основой как общей коммуникации, так и языка разных специальностей и стиля. В рациональном ЯП происхождение слов не имеет значения и национальный пуризм является уже пройденным этапом. Чтобы способствовать коммуникации между соседними народами, рекомендуется пользоваться заимствованными из родственных языков словами. Так поступали многие европейские народы, в т. ч. Скандинавского и Балтийского регионов. В эстонском языке много слов и терминов, заимствованных из финского языка.

Если слова неродного происхождения трудно произносить, то следует их адаптировать или заменить неологизмами. Наиболее часто используемые слова должны быть короткими и меткими. Таким образом, принцип интернациональности часто противоположен

принципу экономичности. Основные источники неологизмов — диалектные слова. Из них можно конструировать и абстрактные слова. Что касается конкретных терминов, то их можно получить также из диалектизмов, после их частичной переработки. В эстонских диалектах было распространено слово *raskejalgne* 'с тяжелой ногой, т. е. беременная', от которого образовалось слово *rase*. Ныне это слово используется и в медицине, и в ежедневной речи.

Для образования новых слов пользуются методами комбинации, трансформации и конструкции. Наиболее известный комбинатор новых слов — эстонский языковед И. Аавик. Метод комбинации довольно трудоемкий. Например, для получения слова *veenma* (убеждать) он выписывал 297 вариантов, из которых выбирал наиболее звучное и экономичное слово. Для получения коротких и звучных слов принимается метод трансформации. При этом новые слова образуются из слов неродного происхождения. В эстонском языке такими словами являются *embama* (<фр. *embrasser* 'обнимать'), *evima* (<англ. *have* 'иметь, обладать'), *ese* (<фин. *esine* 'вещь, предмет'), *jallis* (<фр. *jaloux* 'ревнивый'), *laip* (<нем. *Leib, Leiche* 'труп'), *laup* (<русск. *лоб*), *luutma* (<англ. *to exclude* 'исключиить'), *liink* (<нем. *Lücke*, греч. *lacuna* 'пробел'), *peirima* (<греч. *empeiria* 'испытывать'), *siiras* (<фр. *sinsere* 'искренный'), *sulnis* (<фин. *suloinen* 'прелестный, увлекательный'), *taunima* (<фр. *condammer*, фин. *tuomita* 'осуждать'), *uje* (<фин. *ujo* 'застенчивый') и др. Все эти слова образованы И. Аавиком. Метод конструкции известен во многих языках. При этом новое слово образуется из некоторых уже существующих слов. В русском языке такими словами являются *комсомол, профсоюз, колхоз, совхоз* и др., в английском — *bit* (<*binary digit*), *smog* (<*smoke* + *fog*), *smust* (<*smoke* + *dust*), *sneet* (<*snow* + *sleet*), *squarson* (<*squire* + *parson*), *weth* (<*with* + *breath*) и т. д.

Потребность в ЯП разная в разных языках. Как правило, старые литературные языки не нуждаются в ЯП. Началом ЯП считают языковые реформы XVIII и XIX вв. в Венгрии. Прекрасным примером ЯП является создание нового литературного языка в Норвегии. С конца XIV века в Норвегии распространялся датский литературный язык. В первой половине XIX в. началась борьба против засилия датского языка, а с середины XIX в.— борьба между двумя формами литературных норвежских языков — *риксмолом* (или *букмолом*), который образовался в XIX в. на основе датской лексики и грамматики, по норвежской фонетике, и *лансмолом* (*нюнорск* или новонорвежский язык), который возник в середине XIX века в результате искусственного синтеза норвежских диалектов. Автором лансмола был языковед Ивар Осен (Ivar Aasen, 1813—1896).

До 1870-х гг. не было общего эстонского литературного языка, так как с XVI в. существовали северо- и южно-эстонский литературные

языки. Первый возник на основе таллинских, второй — тартуских диалектов. Во второй половине XIX в. начинается образование и унификация общеэстонского национального языка. Большие заслуги в развитии и обогащении литературного языка имели Иоганнес Аавик (*Johannes Aavik*, 1880—1973) и Йоханнес Вольдемар Вески (*Johannes Voldemar Veski*, 1873—1968) (более подробно о них: 2,3).

И. Аавик начал свою радикальную деятельность в 1912 г. Он выделил принципы целесообразности, красоты и самобытности языка. В дальнейшем в его деятельности в области ЯП преобладал принцип красоты (эстетики). В 1912—1924 гг. он также внедрил в эстонский язык около тысячи слов финского происхождения, в т. ч. такие, как *aare* 'сокровище', *hetk* 'мгновение', *julm* 'жестокий', *levima* 'распространяться', *siirduma* 'направляться' (4, с. 106—124). По И. Аавику язык — это средство, или орудие, требующее непрерывного совершенствования. Владея, кроме эстонского, немецким, русским, французским, латинским, финским, английским и шведским языками, он пришел к выводу, что эстонский язык несовершенен. По историческим причинам эстонский язык в течение многих столетий оставался языком простых людей, проживающих в условиях нищеты и угнетения, и поэтому в языке много беззвучных и даже грубых слов. В условиях, когда народ стал бороться за свое место среди культурных народов, по И. Аавику, красивые формы должны заменить уродливые (5, с. 188—217). Следует напомнить, что И. Аавик начал свою активную деятельность в области ЯП еще в то время, когда эстонские земли были разделены между несколькими губерниями и у эстонского народа не было никакой автономии. Его научное наследство подробно изучено и представлено в мировых лингвистических изданиях эстонским языковедом Валтером Таули (*Valter Tauli*, 1907—1986).

Другой крупный языковед — Й. В. Вески — разрабатывал, вместе с другими учеными и специалистами, тысячи терминов. Он опирался при этом на эстонские диалекты (6). В своих трудах, написанных в 1900—1914 гг., Й. В. Вески рекомендовал сохранить в эстонской фонетической системе хорошо приспособленные заимствованные слова. Он подчеркнул важность диалектных слов в образовании новых терминов (6, с. 5—40). Но ему не были чужды и методы деривации и создания искусственных слов. Кстати, в эстонском языке не было специального слова для пихты, так как это дерево в лесах Эстонии не растет. По инициативе Й. В. Вески нужное слово заимствовали из марийского языка (*нулго*). Так в эстонском языке нашло свое место новое слово *nulg*.

Совершенствованием эстонского языка и созданием новых слов стали снова заниматься в 1960-е гг. В конце советского периода вышли из печати словари забытых и новых слов (7, 8, 9).

Таким образом, ЯП — это научное и целенаправленное влияние на развитие языка не только государством и общественными организациями, но и частными лицами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Tauli, Valter*. Introduction to a Theory of Language Planning. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Scandinavicae Upsaliensia 6. Uppsala, 1968.

2. Üheksa aastakümmet. Puhendusteos Johannes Aavikule [Девять десятилетий. Посвящение Иоганнесу Аавику. Составители Хельги Вихма и Карл Михкла]. Tallinn, 1971.

3. *Veski, J. V.* Mälestuste raamat [Книга воспоминаний]. Tallinn, 1974.

4. *Tauli, Valter*. Johannes Aavik's Language Reform 1912—1962//Estonian Poetry and Language. Stockholm, 1965.

5. *Tauli, Valter*. Free Construction in Estonian Language Reform//Language Planning and the Building of a National Language. The Philippines, 1977.

6. Johannes Voldemar Veski keelelised tööd [Статьи Йоханнеса Вольдемара Вески об эстонской орфографии и орфологии]. Emakeele Seltsi Toimetised Nr. 1. Tallinn,1958.

7. *Erelt, Tiiu*. Väike uudissõnastik [Краткий словарь новых слов]. Tallinn, 1983.

8. *Erelt, Tiiu, Kull, Rein, Meriste, Henno* Uudis-ja unarsõnu [Слова новые и забытые]. Tallinn, 1985.

9. *Erelt, Tiiu* Väike uudissõnastik. Teine, täiendatud trükk [Краткий словарь новых слов. 2-е, дополненное издание]. Tallinn, 1989.

Ott Kurs

THE BASIS OF THE LANGUAGE PLANNING (ON THE EXAMPLE OF ESTONIAN IANGUAGE)

In the past there existed the opinion that it's impossible to plan changes and tendences in the lanquage. It was connected with a common statement that individual initiative and authorities' influence can't change the course of social events.

However in reality there have been numerous forces being able to change the customs and the development of society and language as well.

These forces are — initiative, instinct, authority, prestige, propaganda and force at last.

Language planning is a scientific and purposeful influence on the development of language, not only by states and social organisations, but also by private persons.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Татьяна Амельченко
Йошкар-Ола

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИНФИНИТИВЕ НА *-АШ*

Основной инфинитив марийского языка на *-аш* очень интересен по своей возможности сочетаться с различными группами слов, несущих в себе различные семантические значения. Условно эти слова можно подразделить на следующие группы:

1) инфинитив на *-аш* сочетается с финитными глаголами и выражает единое усложненное действие. При этом инфинитив несет основную смысловую нагрузку;

2) инфинитив на *-аш* с личными глаголами в безличном употреблении;

3) инфинитив на *-аш* с так называемыми категориально недифференцированными словами.

1.1. Личные глаголы при инфинитивах на *-аш* можно подразделить на несколько групп:

а) глаголы, выражающие начало, конец или прекращение какого-либо действия. К ним можно отнести такие глаголы, как *тӱҥалаш* 'начинать', *чарнаш* 'прекратить', г. *пырахаш* 'прекратить, закончить' и т. д.

Например: Метрилан ит ӱшане, тудо кызыт йӧратышыла коеш, вескана тыйын йоҥылышетым палат, садыгак **сыраш тӱҥалеш** (2). 'Не верь Метрию, он сейчас кажется любящим, другой раз поймет твою ошибку, все равно начнет сердиться'. Тиде жапыште самовар **шолаш пурыш** (5). 'В это время закипел самовар'. г. Ониси, шим пандашыжым ниӓлтен, чӓсӹм анжальы. Вара пичалжӹм нӓлят, **кеӓш тӓрваныш** (1). 'Ониси, погладив свою черную бороду, посмотрел на часы. Затем взял ружье и пошел'. Мӓӓт Серге дон Сатнырышкы **кеӓш пырахышна** (1). 'И мы с Сергеем раздумали идти в Сатныр';

б) глаголы, выражающие приказ, требование совершить какое-либо действие, выраженное инфинитивом. К ним относятся такие глаголы как *кӱшташ, шӱдаш* 'велеть', г. *тергаш* 'требовать' и др.

Например: Тыланет мый имньым 20 пуд уржалан ужаленам, а тый лу пуд шӱльым **пуаш кӱштенат**! (3). 'Тебе я лошадь за 20 пудов ржи продал, а ты десять пудов овса велел дать'. Тудо эргыже-влак-

лан вӱдым **кондаш шӱда**, а нунышт ынешт кай, вӱдлан кошташ тунемше огытыл (6). 'Он велит своим сыновьям принести воды, но они не хотят идти, непривыкшие ходить за водой'. Пленныйвлӓм ытарымаш пӓшӓштӹ Александров когон палшен, эдемвлӓм вӓрӓнвӓрвлӓшкӹ шагалтымыжы доно тӹдӹ шукым ытарен, дӓ тӹдок конвоирвлӓ гӹц врачебный помощым хала гӹц **кандаш тергеп** (4). 'В деле освобождения пленных Александров очень помог, многих спас, расставляя по разным местам, и он же требовал у конвоиров вызвать врачебную помощь из города';

в) глаголы, выражающие намерение, желание совершить действие, выраженное инфинитивом. В эту группу входят такие глаголы, как *шонаш* 'думать, задумать', *сӧраш, лияш* 'намереваться', *келшаш* 'согласиться'.

Например: Тый Оксим **ондалаш шонет** мо? От тошт! (3). 'Ты думаешь обмануть Окси? Не посмеешь!' Мыланем **полшаш келшет** гын, товатат, тиде кундемыште поянже ме лийына (3). 'Если согласишься мне помочь, богатыми-то в этих краях, ей-богу, будем мы'. г.Ышкалемат улы, киндемат уты доно сита, вольыкемат пайлан улы, тене пӧртым **алалаш сӧрена** (1). 'И корова у меня есть, и хлеба достаточно, и скотина на мясо есть, в этом году мы задумали починить дом'. Тидым шотыш нӓлынытат, солана эдемвлӓок колхоз кӹлӓтӹш шолышташ **пыраш линыт** (1). 'Взяв это на заметку, наши же деревенские задумали из колхозного амбара своровать'. Конечно, ада ӹняны, гӹнь, **ӹняндараш ам шагал** (1). 'Конечно, если не верите, убеждать не собираюсь';

г) глаголы, выражающие стремление совершить действие, выраженное инфинитивом. В эту группу входят такие глаголы, как *тӧчаш, толашаш, тыршаш* 'стараться', г. *путаяш* 'пытаться'.

Например: Мый амалжым изиш гына **палаш тӧчем** (3). 'Причину-то я знаю только чуть-чуть'. Тыгай сӱрет дене Онисын ачаже нигӧ деч лӱддымыжым **ончыкташ тыршен** (5). 'Такой картиной отец Ониса старался показать, что он никого не боится'. г. Тӹдыжы качкаш, йӱаш агыл, йӹржӹ ма улы ылмым пишок **анжылташ цаца** (4). 'Он же старался не кушать и пить, а рассмотреть, что вокруг него находится'. Пристин гӹц кузышылажы Пайвыл кырык неркӓэш шӹнзы, кавалдымы кемжым чиш, шӹвӹльвӹд доно изиш **йӹлгӹжгӓрӓш путайышат**, торцынжы эртен кешы ӹрвезӹвлӓ ӓптӹртевӹ (1). 'По дороге с пристани Пайвыл сел на пригорке, надел сапоги без каблуков, попытался их чуть-чуть почистить слюной, но проходящие мимо парни помешали'.

1.2. Инфинитивы в сочетании с личными глаголами в безличном употреблении.

К таким глаголам, в частности, относятся:

а) глаголы, выражающие значение вынужденности совершить действие, выраженное инфинитивом. Это такие глаголы, как *возеш* ‘придется’, *логалеш* ‘придется’, *перна* ‘придется’, *верештеш* ‘придется’, *тӱкна* ‘придется’, г. *попаза* ‘придется’.

Например: **Шогаш возеш**, нимом от ыште (3). ‘Придется стоять, ничего не поделаешь’. У машинажым **пуаш логалеш** (3). ‘Новую-то машину придется отдать’. г. Мӹлам луатшӹм и шон шагалмыкы, эчеат шукым **тырхаш вӓрештӹ** (1). ‘Когда мне исполнилось семнадцать лет, еще больше пришлось терпеть’;

б) глагол *келшаш* ‘годиться, подходить’ в безличном употреблении.

Например: Чарныза! Сита, шонго кугызам **орландараш ок келше** (3). ‘Прекратите! Хватит, нехорошо обижать старика’. Тыге **ышташ ок келше**. Чыла еҥын шке кумылжо уло (3). ‘Нехорошо так делать. У каждого есть свое желание’;

в) модальные слова *кӱлеш* ‘надо’, *лиеш* ‘можно’.

Например: Мыйын шонымаште, тыгай спекулянт деч **утлаш лиеш** (3). ‘По-моему, от такого спекулянта можно отвязаться’. Йоҥгылыш лийынам: пырыс олмеш тыйым **пикташ кӱлеш ыле** (3). ‘Ошибся: вместо кошки надо было удушить тебя’. г. Мардежын тошнан шойгымыжы гӹц пасна нима юкымат **колаш ак ли**, вӓкш кӱ сӓрнымы юкат вӓк ак шакты (1). ‘Кроме тоскливого свиста ветра невозможно ничего услышать, не слышно даже шума мельничного жернова’. Ма, кӓпеш шон шагалшы эргым **нӓраяш келеш** вет (1). ‘Что, повзрослевшего сына надо ведь одеть’.

1.3. Инфинитив на *-аш* с категориально недифференцированными словами.

Инфинитив на *-аш* тесно связан с категориально недифференцированными словами типа *йӧра* ‘ладно, хорошо’, *сай*, г. *яжсо* ‘хорошо’.

Например: Молан ондаленат! Тыге **ышташ сай огыл**... (3). ‘Зачем обманул! Нехорошо так делать’. Шыже игечет — шем игечет, теле **кондаш веле йӧра** (3). ‘Осенний день — черный день, годится лишь зиму приносить’. г. Йори **попеш анжаш яра** — йӓлын тӓнгжы лиде вӓл (2). ‘Надо нарочно поговорить с ним, не стал ли он другом для другой’. Ӓважы шонгы векыла молат, пӓшӓ ӹшташ мастар ӹдырым **нӓлын пуашат яра**, манын попыкален (1). ‘Его мама к старости поговаривала, что хорошо бы его женить на работящей девушке’.

Часто между инфинитивом и связанным с ним словом могут находиться частицы, однако это не нарушает целостности сочетания.

Во всех вышеприведенных типах сочетаний инфинитив несет основную смысловую нагрузку и в предложении он во многих случаях входит в состав сказуемого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сузы В.* Ылымаш корны. Рассказвлӓ. Йошкар-Ола, 1957.

2. Ире выдет йога. Кырык мары халык мырывлӓ./К.Юадаров поген. Йошкар-Ола, 1992.

3. *Шкетан М.* Чумырен лукмо ойпого. Кум том дене савыкталтеш. Йошкар-Ола, 1990—1991.

4. *Игнатьев Н.* Туан сӓндалык: Роман. Кокшы изданий. Йошкар-Ола, 1961.

5. *Лекайн Н.* Проза: Возымыжо кум том дене лукталтеш. I, Йошкар-Ола, 1987.

6. Изи патыр. Финно-угр калык йомак-влак./А. Я. Спиридонов ямдылен. Йошкар-Ола, 1993.

Tatyana Amelchenko

ONE MORE TIME ABOUT THE INFINITIVE ENDING WITH — «ASH»

The basic infinitive of Mari language ending with — «ash» is very interesting from the point of it's possibility to combine with different groups of words having different semantic meanings.

Particles may be found between the infinitive and the word connected with the infinitive, however it can't destroy the integrity of the whole combination.

The infinitive carries the basic meaning and it is used as a predicate in a sentence.

«Финно-угроведение», 1996. № 2.

ПЕРСОНАЛИИ

Игорь Жеребцов
Сыктывкар

ЭТНОГРАФ ЛЮБОМИР ЖЕРЕБЦОВ

Когда заходит речь о становлении коми этнографии, одним из первых (если не самым первым) всегда упоминается Любомир Николаевич Жеребцов. Больше четырех десятилетий он посвятил этой науке. Л. Н. Жеребцов и его ровесник Л. П. Лашук были первыми профессиональными коми этнографами Коми филиала Академии наук СССР (нынешнего Коми научного центра Уральского отделения Российской АН) в начале 50-х годов. Он стал ведущим специалистом по этнографии коми, организатором и руководителем сектора этнографии Института языка, литературы и истории КФАН СССР, одним из наиболее известных и авторитетных ученых-гуманитариев нашей республики. Среди его задумок была так и не написанная им книга «Дороги этнографа», в которой он хотел рассказать о своей жизни. Увы, нам придется пройти по дорогам этнографа Л. Н. Жеребцова без его участия.

Л. Н. Жеребцов родился 15 октября 1925 г. в г. Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар). Мать Серафима Аполлоновна происходила из семьи церковнослужителей Шумковых. Отец Николай Михайлович Жеребцов был сыном небогатого торговца. Мать работала учительницей, затем бухгалтером, а отец возглавлял Коми областной Совет по физической культуре. Кроме сына, у Жеребцовых были еще две дочери. В 1932 г. Л. Жеребцов поступил в школу. Год спустя умер его отец. В 1936 г. Л. Жеребцов тяжело заболел: сначала воспаление легких, затем туберкулез. Необходимых лекарств в городе не было, и врачи думали, что мальчик не выживет. Но, к их удивлению, после более чем полугодовой борьбы с болезнью Л. Жеребцов поправился — его спасла мать. Чудодейственным средством, которое помогло ее сыну, оказалось... собачье сало и мясо. (Секрет своего выздоровления Л. Жеребцов узнал гораздо позже). Скоро жизнь вошла в обычную колею, и Л. Жеребцов без труда переходил из класса в класс, легко усваивая школьную программу. Он продолжал много читать, особенно при-

ключенческие и исторические романы. Постепенно последние увлекали его все больше и больше, рос его интерес к истории.

Последние годы учебы в школе пришлись на начало войны. Это было очень трудное для семьи Жеребцовых время. Жили они впроголодь, выдававшихся по карточкам продуктов не хватало, очень выручал свой огород. Но порой Серафима Аполлоновна могла угостить детей только лепешками, испеченными из истолченной древесной коры и картофельной шелухи...

Л. Жеребцов окончил школу в 1943 г., и перед ним встал выбор — что делать дальше? Его привлекала история, и он склонялся к выбору исторического факультета КГПИ, но знакомые подняли Л. Жеребцова на смех: где это видано, чтобы парень учился на истфаке, все ребята идут на физмат! Уговоры друзей сделали свое дело, и в том же году он поступил на физико-математический факультет КГПИ, но через месяц перевелся на исторический. Из-за туберкулеза (болезнь окончательно отступила лишь в конце сороковых годов) в армию его не взяли.

Больше всего Л. Жеребцова интересовали история средних веков и древнего мира. Учась на четвертом курсе, Л. Жеребцов заведовал кабинетом истории КГПИ, читал лекции по истории древнего мира и средних веков студентам младших курсов. Познания его в истории были намного шире институтской программы. Перед окончанием КГПИ он твердо решил, что не будет школьным учителем; его привлекала иная работа. Закончив в 1947 г. пединститут, Л. Н. Жеребцов остался в Сыктывкаре, 25 сентября того же года стал заведующим кабинетом социально-экономических наук партийной школы при Коми обкоме ВКП(б). Там же он по совместительству преподавал курс древней истории.

Проработав год, Л. Н. Жеребцов окончательно сделал выбор в пользу научно-исследовательской деятельности, о которой задумывался еще в пединституте. Летом 1944 г. в Сыктывкаре была организована Научно-исследовательская база Академии наук СССР в Коми АССР, в составе которой создали сектор языка, письменности и истории. Специалистов по историческим направлениям там почти не было. Поэтому к появившемуся в секторе молодому специалисту, высказавшему искреннее желание заниматься историей коми народа и поступить в аспирантуру, отнеслись с вниманием. В ноябре 1948 г. Л. Н. Жеребцов был зачислен на годичный подготовительный курс аспирантуры Коми филиала АН СССР.

Весь этот год у Л. Н. Жеребцова не было ни научного руководителя, ни определенной темы будущей диссертации, ни плана учебной подготовки. Он углубленно изучал научную литературу по различным проблемам истории. Решено было перевести Л. Н.

Жеребцова на основной трехгодичный курс аспирантуры с 16 ноября 1949 г. Уже встал вопрос о теме диссертации, о научном руководителе, как вдруг выяснилось, что в аспирантуре Академии наук СССР уже не осталось свободных мест по истории. Жеребцову предложили либо отложить зачисление на год, либо выбрать другую специальность — археологию или этнографию...

Ошеломленный таким поворотом судьбы, Л. Жеребцов поначалу просто не знал, что ответить. Ждать целый год ему не хотелось, однако отказаться от истории, которая была ему знакома и понятна, и избрать те науки, которые даже не изучались в институте, было тоже непросто. Что такое этнография, Л. Н. Жеребцов тогда вообще не представлял, а об археологии имел некоторое, хотя и весьма смутное представление. Поэтому он поначалу склонялся к тому, чтобы выбрать археологию (и мог бы стать первым коми специалистом-археологом). В растерянности Л. Жеребцов обратился за советом к А. С. Сидорову. Тот настоятельно порекомендовал молодому человеку этнографию, вкратце объяснив ему, что это за наука, чем придется заниматься исследователю, насколько важны, актуальны и интересны проблемы этнографии коми народа. Поразмыслив над доводами маститого ученого-энциклопедиста, Л. Жеребцов сделал свой выбор — отныне делом его жизни стала этнография.

К концу 1949 г. вопрос о зачислении Л. Н. Жеребцова в аспирантуру по этнографии был решен. В первую очередь нужно было определяться с темой будущей диссертации и научным руководителем молодого аспиранта. Руководство согласился взять на себя видный этнограф доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров, работавший в Институте этнографии АН СССР в Москве. Предметом диссертационной работы решено было избрать жилище народа коми. В начале апреля 1950 г. был составлен план диссертации и намечены основные направления работы над этой важной, интересной и малоизученной проблемой.

Сбор полевого материала Жеребцов начал в июле, подключившись к работе этнографической экспедиции, направленной Институтом этнографии АН СССР на верхнюю и среднюю Печору. Руководила экспедицией В. Н. Белицер. Во время этой двухмесячной экспедиции Л. Н. Жеребцов впервые получил богатейший опыт практической работы исследователя-этнографа, собрал обширный материал, использованный впоследствии в диссертации и в других трудах. В сущности, с этой экспедиции и началась плодотворная более чем сорокалетняя научно-исследовательская деятельность Л. Н. Жеребцова.

В августе 1950 г. в Сыктывкаре появились два молодых этнографа — Л. П. Лашук и О. Н. Воздвиженская, с которыми, и в особен-

ности с Л. П. Лашуком, Л. Н. Жеребцов стал плодотворно сотрудничать. В октябре 1950 г. Л. Н. Жеребцов выехал во вторую экспедицию — на верхнюю Вычегду, Сысолу, в Прилузье, тщательно изучал материальную и духовную культуру населения ряда сел, собирал материалы по истории их возникновения.

С 1 октября 1950 г. Л. Н. Жеребцов был прикомандирован к Институту этнографии АН СССР и уехал в Москву. Два года, которые провел в Москве Л. Н. Жеребцов, сыграли очень важную роль в его становлении как ученого. Общение с Н. Н. Чебоксаровым, В. Н. Белицер, многими другими ведущими этнографами того времени помогло ему глубже освоить различные методы научной работы: сбор полевых материалов в откровенных и доверительных беседах с людьми всех возрастов, изучение древних документов в тиши архивов, поиск нужной информации на страницах старинных книг, газет и журналов и т. п. К лету 1951 г. Л. Жеребцов стал уже довольно знающим специалистом, владеющим терминологией и методикой этнографической работы. Летом 1951 г. ученый собирал материалы о коми жилищах на Удоре, Выми, Вычегде. В результате трех экспедиций Л. Н. Жеребцову удалось обследовать почти все районы Коми АССР. В его архиве насчитывалось более 500 фотоснимков, около 100 планов жилищ, рисунки интерьеров. Можно было приступать к написанию диссертации.

В течение 1952 г. диссертация «Современное жилище народа коми» была завершена. Она и ее автореферат были первыми научными работами Л. Н. Жеребцова. Содержание диссертации было намного шире, чем обещало ее заглавие. Л. Н. Жеребцов подробно охарактеризовал современные жилые и хозяйственные постройки коми: жилой дом и его различные типы, хозяйственные постройки при доме, временные и промысловые постройки, описал материалы и технику строительства, уделил внимание приусадебным участкам. Кроме того, он предпринял попытку проследить, как развивалось жилище населения европейского Северо-Востока с древнейших времен до современности, хотя недостаточная археологическая изученность территории Коми АССР помешала ему дать достаточно полный очерк истории жилища.

Много внимания Л. Н. Жеребцов уделил изучению поселений различных типов, проследив их историю со времени первого упоминания в документах XV—XVII вв. до начала пятидесятых годов нашего столетия. Одним из первых коми ученых он обратил внимание на писцовые и переписные книги XVI— начала XVIIIвв., оценив важность исторических источников этого типа. В разделе о поселениях и в разделе «Очерк истории народа коми» Л. Н. Жеребцов обратился к изучению этнической истории коми, к исследованию про-

цессов расселения, формирования этнической территории и этнографических групп коми. Позднее эти сюжеты стали ведущими в его научном творчестве. Затронул он и некоторые вопросы древнейшей истории и этногенеза народа коми в краткой форме. Конечно, положения работы Л. Н. Жеребцова, касающиеся происхождения и этнической истории народа коми, отражали тогдашний уровень изученности этих проблем, и потому далеко не все предложения Любомира Николаевича подтвердились впоследствии. Но хотелось бы обратить внимание на его гипотезу о том, что народ коми сложился в результате смешения двух групп коми, значительно отличавшихся друг от друга: южной (сысольско-лузской) и западной (вымско-удорской). Последние открытия археологов позволяют говорить о значительном своеобразии сысольских и лузских памятников XI—XIV столетий; влияние переселенцев из других регионов было тут значительно сильнее, чем на Вычегде, Выми, Удоре. В своих более поздних работах Л. Н. Жеребцов выдвигал предположение, что коми жили в XI—XIV вв. также на верхней Вятке; быть может, население Сысолы, Лузы и Вятки составляло тогда единую общность; случайно ли созвучие названия групп сысольских коми («сиряне», «сырьяне») с названием Сырьянского стана на Верхней Вятке?.. 16 ноября 1952 г. Л. Н. Жеребцов был принят на работу в сектор языка, литературы и истории на должность младшего научного сотрудника. Защита диссертации состоялась 20 января 1953 г. в Институте этнографии. На защите выступил приехавший в Москву А. С. Сидоров. Ученый Совет института единогласно присвоил Л. Н. Жеребцову ученую степень кандидата исторических наук.

Вскоре после защиты Л. Н. Жеребцов вернулся в Сыктывкар, где вместе с Л. П. Лашуком стал активно заниматься организацией этнографических исследований в Коми АССР. Двое молодых ученых и стали создателями современной коми этнографической школы. В первые месяцы работы в Коми филиале АН СССР Л. Н. Жеребцов начал готовить книгу на основе своей диссертации о народном жилище коми, но с мая 1953 г. переключился на новую тему — изучение этнографической группы удорских коми.

При обсуждении программы работы этнографов возникли споры о сроках. Коллегам Жеребцова и Лашука по сектору казалось, что этнографию удорских и других групп коми можно изучить довольно быстро. Очень показателен прозвучавший на заседании вопрос: «Сколько надо времени на всю этнографию коми?» Жеребцов ответил коротко: «Много»,— пояснив, что Коми АССР слабо изучена в этнографическом отношении, что вызвало недоумение: «Это выходит несколько лет? С таким согласиться нельзя!» С тех пор прошло более четырех десятилетий, а этнографические исследования

продолжаются, и уже никто не ставит под сомнение правоту Л. Н. Жеребцова.

В 1954 и 1955 гг. Л. Н. Жеребцов совершил две длительные поездки на Удору, собрал интересный материал о материальной и духовной культуре удорских коми, их общественном и семейном быте, хозяйстве. Кроме того, Л. Н. Жеребцов много сил отдал поиску исторических документов о прошлом Удоры в архивах, изучению разнообразных дореволюционных изданий (газет, книг, журналов). В 1955 г. в третьем номере «Известий Коми филиала Всесоюзного географического общества» появилась первая публикация Л. Н. Жеребцова — статья «О времени появления коми на верхней Мезени». В ней автор привел сведения об известных археологических памятниках района и на основании ряда документов доказал, что коми появились на верхней Мезени (в районе Глотово и Кослана) в середине XVI века с Выми. Позднее ниже по Мезени возникали населенные пункты, основанные переселенцами с Вашки. Л. Н. Жеребцов не исключал, что в числе первых жителей Глотово были русские. В последующие годы (1957—1959) Л. Н. Жеребцов опубликовал еще три статьи, посвященные истории и этнографии Удоры.

В 1955 г. Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук подготовили большую (18 а. л.) монографию «Вымские и удорские коми (историко-этнографические очерки)», но книга так и не была издана. Позднее, в 1959 г. Жеребцов переделал свою часть рукописи в отдельную монографию по удорским коми. Специалисты отметили, что «работа представляет значительный научный интерес», рекомендовали опубликовать ее, но издание задержалось более чем на десятилетие...

С 1956 г. Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук стали изучать другие этнографические группы коми. Они были сторонниками организации совместных экспедиций. В 1956 г. состоялась поездка Жеребцова и Лашука на Вишеру, в 1957 г.— на верхнюю Вычегду. Результатом обработки собранных во время экспедиций полевых материалов и изученных в архивах документов стали две обстоятельные статьи, написанные ими в соавторстве: «Старая Вишера» и «Этнографический уклад населения верхней Вычегды», изданные в 1958 и 1960 гг. в «Историко-филологическом сборнике» (№ 4 и № 5). В этих работах ученые довольно подробно рассмотрели историю заселения района, духовную и материальную культуру, быт, хозяйство местного населения XVII — начала XX столетий.

В 1958 г. состоялась экспедиция по сысольским селениям. На следующий год Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов отправились в Прилузье. Кроме собственно этнографического изучения этих районов, исследователи производили там археологическую разведку. Полевые материалы они дополняли архивными данными. Экспедиция

1959 г. оказалась последней, в которой вместе участвовали Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук. Летом 1960 г. Лев Павлович уехал из Сыктывкара в Москву, и их тандем распался. Но за несколько лет совместной работы им удалось сделать очень многое: ученые побывали во всех районах Коми АССР, собрали богатейшие материалы о культуре, быте, хозяйстве, этнической истории местного населения. В своем отчете о результатах экспедиции в Прилузье Лашук и Жеребцов подчеркивали, что ими завершено сплошное этнографическое обследование территории республики. Если еще несколько лет назад на этнографической карте Коми АССР преобладали бы «белые пятна», то теперь исследователи могли составить представление о специфических чертах истории и современного состояния всех основных групп народа коми. Конечно, полученными Л. Н. Жеребцовым и Л. П. Лашуком в пятидесятых годах научными результатами далеко не исчерпывались все вопросы и проблемы изучения коми этнографии. Наоборот, по мере работы перед Любомиром Николаевичем вставали все новые и новые задачи, становилось все яснее, насколько наивны были расчеты в основном закончить этнографическое изучение Коми АССР к 1960 г.

Отсутствие достаточного числа специалистов вело к тому, что Л. Н. Жеребцову приходилось заниматься самым широким кругом вопросов традиционной и современной этнографии. В конце 50-х годов он начал изучать вопросы религии, бытовых суеверий, опубликовал в 1958 г. небольшую брошюру об этом (на коми языке). Не оставлял Л. Н. Жеребцов мысли о подготовке книги о коми народном жилище, но основное время было занято экспедициями и обработкой собранного там материала. В 1956 г. он опубликовал обстоятельную статью «Опыт изучения крестьянского жилища народа коми», а в 1959—1960 гг., наконец, взялся за книгу.

В 1960 г. Л. Н. Жеребцов остался, по словам археолога В. И. Канивца, «единственным квалифицированным этнографом, работающим на территории Коми АССР, который может вести подготовку кадров по данной специальности». Высоко отозвавшись о научной деятельности Л. Н. Жеребцова, В. И. Канивец подчеркнул «широту его интересов»: «Большинство его работ выходит за пределы этнографии и связано с вопросами истории, археологии, антропологии, с некоторыми проблемами этногенеза народа коми, с топонимикой и финно-угорским языкознанием». Именно на плечи Л. Н. Жеребцова в шестидесятые годы лег груз организации и проведения этнографических исследований, обобщения и публикации их результатов, подбора и подготовки новых квалифицированных специалистов, в которых так нуждалась коми этнографическая школа. Ряды этнографов в 60-е гг. стали постепенно расти. В 1961 г. в аспиранту-

ру Коми филиала АН СССР поступили Л. С. Грибова и Ю. В. Гагарин. Позднее к ним присоединились Г. Н. Климова, Н. И. Дукарт, Г. П. Белорукова, Н. Д. Конаков, М. Б. Рогачев, Ю. П. Шабаев, О. В. Котов, И. В. Ильина и другие. Едва ли не каждому из них первые шаги в науке помог сделать именно Л. Н. Жеребцов.

1961 год начинался для Л. Н. Жеребцова хорошо: 16 февраля он наконец-то стал старшим научным сотрудником; вот-вот должна была выйти из печати его книга «Памятники народного зодчества Коми АССР», подготовленная им на основе диссертации и других собранных в пятидесятые годы материалов. Наконец долгожданное известие было получено: книга издана, готовый тираж лежит в типографии. Л. Н. Жеребцов держал в руках сигнальный экземпляр, радовался прекрасному оформлению и большому количеству иллюстраций (фотографировал он сам). Но книга попалась на глаза одному из тех, кто считал, будто бы до 1917 г. у коми народа не было ни истории, ни культуры, и то и другое появилось лишь «при свете Октября», так что ни о каких памятниках дореволюционного зодчества не могло быть и речи. Фотографии старинных коми домов как громом поразили этого «борца за историческую правду». Экземпляр книги был немедля доставлен из типографии в отдел пропаганды Коми обкома КПСС, а затем к секретарю обкома по идеологической работе.

Тот принял «сигнал» близко к сердцу и немедля вызвал «на ковер» автора книги. Изумленный Л. Н. Жеребцов услышал обвинения ни больше, ни меньше, как... «в искажении советской действительности»! «Какие же это памятники, если это старые дореволюционные домишки, некоторые даже уже разваливаются от старости!» — возмущался секретарь. Он «разъяснил», что «памятником народного зодчества является здание обкома КПСС (построенное незадолго до описываемых событий — *авт.*). Вот об этом и надо писать!» Вынесенный первоначально вердикт гласил: книгу в продажу не пускать (народу незачем читать подобную литературу), а передать весь тираж в библиотеку и выдавать только для научной работы. Но потом было приказано уничтожить весь тираж книги как идеологически вредной, пропагандирующей неверную точку зрения и искажающей достижения советской культуры. Попытка Л. Н. Жеребцова доказать несправедливость такого решения ни к чему не привела, и приговор был приведен в исполнение... Лишь несколько экземпляров книги были спасены директором издательства от уничтожения; впрочем, сейчас и они, наверное, не сохранились...

Оставалось лишь радоваться, что пора репрессий миновала, так что на судьбе Л. Н. Жеребцова уничтожение его книги не отразилось. Он вспоминал позднее, что был тогда очень зол, но каких-нибудь санкций по отношению к себе не ждал. И о здании обкома

КПСС как «памятнике народного зодчества» Л. Н. Жеребцов писать, конечно, не стал — у него было много другой научной работы... С 1960 г. он руководил работами по теме «История религии и атеизма в Коми АССР», являлся исполнителем одного из разделов этой темы. Кроме того, в 1961 г. группа этнографов приступила к разработке новой темы: «Изменения культурно-бытового уклада населения Коми АССР». Любомир Николаевич осуществлял общее руководство исследованиями и сам работал над разделом, посвященным сельскому населению. В 1961 г. под руководством Л. Н. Жеребцова была осуществлена первая стационарная экспедиция коми этнографов на Ижму. В 1962 г. Л. Н. Жеребцов возглавил этнографический отряд, выехавший на Печору, в 1963 г. находился в экспедиции на верхней Вычегде, в 1964 г.— Коми-Пермяцком округе, в 1969 г.— в Прилузье.

В 1968 г. Л. Н. Жеребцов побывал с экспедицией в Ненецком округе и в Пинежском и Лешуконском районах Архангельской области, изучая связи русского и ненецкого населения этих территорий с коми. В следующем году Л. Н. Жеребцов продолжил экспедиционные исследования за пределами Коми АССР — в Новосибирской и Томской областях и Алтайском крае. Полученные данные оказались чрезвычайно интересными. Выяснилось, что в XVIII—XIX столетиях довольно много коми переселилось в Западную Сибирь и на Алтай. Л. Н. Жеребцов обратил внимание на то, что в Сибири и на Алтае много населенных пунктов, названия которых можно связать с коми: Зыряновка, Гутово, Туруновка, Сизево и др.

В ноябре 1969 г. Л. Н. Жеребцов выехал в новую экспедицию, посетив в течение двух месяцев Интинский район Коми АССР, Ненецкий округ Архангельской области и Ямало-Ненецкий округ Тюменской области. Собранный материал подтвердил сделанный им ранее вывод о большом культурном влиянии коми на ненцев, выявил определенную специфику быта ижемских коми, живших за пределами республики. Кроме того, в 1969 г. Л. Н. Жеребцов много времени уделил изучению вопроса о создании в Коми АССР музея-заповедника, в котором были бы собраны традиционные жилые и хозяйственные постройки коми и русского населения республики. Вместе с Я. Н. Безносиковым и Ю. В. Гагариным он разработал принципы и задачи организации музея под открытым небом, подчеркнул огромное значение такого музея для сохранения памятников народного зодчества, для просветительских целей.

В 1970 гг. Л. Н. Жеребцов собрал материал о коми-ненецких и коми-угорских этнокультурных связях в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, потом побывал в южных районах Тюменской области, на следующий год отправился на Кольский полуостров,

где изучал расселение коми по Кольскому полуострову, этническое смешение их с саамами, хозяйственно-культурное влияние на саамов.

В 1971 г. вышла книга «Крестьянское жилище в Коми АССР». Прошло десять лет со времени уничтожения «Памятников народного зодчества», прежде чем Л. Н. Жеребцову удалось опубликовать крупную работу на эту тему. Предложение переиздать книгу поступило из обкома КПСС — там наконец-то сообразили, что решение об ее уничтожении было ошибочным. Л. Н. Жеребцов ответил, что он лучше напишет новую книгу на ту же тему. Вскоре рукопись была в издательстве. Но там побоялись браться за ее издание (историю с «Памятниками...» все еще хорошо помнили) без специального разрешения обкома КПСС. Только после последовавшего оттуда звонка рукопись была запущена в работу... Выступая по телевидению, Л. Н. Жеребцов сказал: «В книге «Крестьянское жилище...» я хотел на примере отдельных строений показать богатство народной архитектуры, через описание наиболее типичных памятников раскрыть перед читателями своеобразие местного зодчества, подчеркнуть особенности, характерные только для жилища коми народа».

В 1972 г. Л. Н. Жеребцову удалось издать две чрезвычайно важные и интересные работы. Монография «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XX века» была выпущена в Москве издательством «Наука». По словам Л. Н. Жеребцова, «основная цель этой работы состоит в том, чтобы разрешить некоторые вопросы, связанные с этнической историей народа, такие, например, как время и пути заселения Удорского края коми переселенцами, состав древнего населения, дать этнографическую характеристику этой специфической группы коми». Видный коми ученый Э. А. Савельева дала высокую оценку монографии, подчеркнув, что «она является важным вкладом в изучение истории и культуры народа коми». «В книге приведен богатый и разнообразный материал по хозяйству, культуре и быту удорских коми, большая часть которого собрана автором во время полевых экспедиционных исследований. Но автор не ограничивается обобщением полевых материалов. Он использует все сведения, имеющиеся в литературе, как дореволюционной, так и советской, а также данные смежных наук: языкознания, археологии и антропологии»,— отметила Э. А. Савельева. Во второй работе «Расселение коми в XV—XIV веках» Л. Н. Жеребцов подвел первые итоги своих длительных исследований в области этнической истории коми. Характеризуя эту публикацию Л. Н. Жеребцова, Э. А. Савельева отмечала: «Автор ставит чрезвычайно интересную задачу — на основе анализа письменных источников и фамилий проследить историю заселения Коми АССР, возникновение ныне суще-

ствующих сел и деревень. Исследователь дает историческую картину заселения нижней Вычегды и Выми, бассейна Сысолы, верхней Лузы и Летки, Удорского края, верхней Вычегды, бассейна Печоры... с XV в., когда в письменных источниках появляются названия населенных пунктов, фамилии поселенцев и т. д. ...Л. Н. Жеребцов дает довольно четкую картину постепенного расселения коми и русских... Автор... сумел показать процесс этнического оформления границ расселения коми в XV—XIX вв.». Сам Любомир Николаевич подчеркивал, что его брошюра «Расселение коми...» адресована не только ученым, но и всем, кто интересуется историей своего края, вопросом «когда возникло то или иное селение, откуда люди пришли в него, какие фамилии они носили, к какой национальности они принадлежали».

С 1 ноября 1972 г. Л. Н. Жеребцов был утвержден заведующим отделом этнографии и археологии. 8 января 1973 г. был образован самостоятельный сектор этнографии, и Л. Н. Жеребцов стал его заведующим. На этой должности он проработал свыше 16 лет. Именно благодаря его руководству сектор стал одним из наиболее авторитетных научных подразделений института. В 1971—1980 гг. Л. Н. Жеребцов углубленно исследовал вопросы этнокультурных связей коми с соседями. Первоначально Любомир Николаевич уделил основное внимание изучению коми-ненецких и коми-угорских взаимных связей. С 1976 г. Л. Н. Жеребцов стал целенаправленно собирать материал о взаимосвязях коми и русского народов в экспедициях, архивах, а также в опубликованных документах и исследованиях. Ученый неоднократно выезжал в низовья Вычегды, на р. Юг и в некоторые другие районы Архангельской и Вологодской областей «с целью выявления следов обитания предков коми», изучал современный фамильный состав местного населения, топонимику, фонды архивов, встречался и беседовал с выходцами из Коми края, переселившимися в бассейн Юга в последней четверти XIX в.

В 1979 г. Л. Н. Жеребцов закончил работу над монографией «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X — начало XX вв.)», которая стала, пожалуй, главной работой Л. Н. Жеребцова, итогом его многолетних исследований, начатых еще в пятидесятые годы. На страницах своей книги Л. Н. Жеребцов осветил историю первоначального заселения бассейнов Вычегды и Печоры (разумеется, на основе доступного тогда материала), формирования здесь постоянного населения и появления предков коми-зырян, показал, как складывалась территория Коми края, как и когда он вошел в состав Русского государства, каким образом происходило переселение коми за пределы своей этнической территории, как складывались отношения между коми и соседними наро-

дами, что коми заимствовали у русских, ненцев и других и какие хозяйственное и культурное влияние сами оказывали на своих соседей по региону.

Этот фундаментальный труд вызвал живейший интерес отечественных и зарубежных ученых, что было вполне понятным: «У нас еще не появлялось исследования, в котором бы так убедительно освещалось такое количество важных и сложных проблем истории коми»,— подчеркивал вскоре после выхода книги этнограф Н. Д. Конаков. Он отмечал: «Опираясь на большой, разнообразный материал, Л. Н. Жеребцов убедительно освещает процесс расселения предков коми в X—XV вв., очерчивает границы их расселения. Оказывается, что территория обитания предков коми — древних пермян не была устойчивой. В течение веков она неоднократно менялась. Прослеживается движение предков коми на запад до Сухоны, на северо-запад на Пинегу и назад на восток, север и северо-восток. ...Современная этническая территория коми складывается лишь к XX в. ...Л. Н. Жеребцов освещает и процесс сложения самого народа коми: как из отдельных племен образуются соседские общины-волости, ...как формируются отдельные этнографические группы коми... Л. Н. Жеребцов показывает, как развивается и изменяется культура, как происходит ее обогащение за счет заимствований». Н. Д. Конаков особо обратил внимание на то, что в монографии Л. Н. Жеребцова рассматривается процесс присоединения Коми края к Русскому государству и убедительно доказывается, «что окончательное присоединение падает на 1481 г. ...Мы считаем, что дата, предложенная Л. Н. Жеребцовым, наиболее достоверна».

Известная венгерская исследовательница Э. Сий в рецензии на монографию писала: «Книга содержит значительно более обширный материал, чем это обещает название. Ее можно разделить на две большие части... В первой практически прослеживается этническая история пермской общности, которая, естественно, формировалась не независимо от соседних народов. Эта ... часть книги заслуживает похвалы хотя бы уже потому, что в настоящее время — это единственная написанная на научном уровне и доступно книга по древней истории коми». «Особой благодарности», по словам Э. Сий, автор заслуживает за составленные им карты, «наглядно отражающие пространственно-временные ситуации формирования коми этноса». Во второй части книги, подчеркивала Э. Сий, «особенно очевидны многие симпатичные черты Л. Н. Жеребцова как автора: основательность, осмотрительность, открытость, критическая настроенность, объективность, а также то, что он не претендует на безусловное одобрение. Когда это необходимо, он ставит вопросы, ...высказывает определенное мнение, ...критикует... Он сторонник

убедительной аргументации...». «Книга Л. Н. Жеребцова,— отмечала Э. Сий,— верно отражает ту огромную работу, которую проделал лично автор, а также его предшественники и современники по выяснению почти беспредельного числа вопросов. Она является великолепным вместилищем всего, что можно знать сегодня об этнической истории коми, о характере их отношений с соседями. Книга является поучительным чтением для исследователей финно-угорских народов и языков».

К 1985 г. Л. Н. Жеребцов подготовил на основе монографии докторскую диссертацию «Этнокультурные взаимоотношения в этнической истории народа коми (X — начало XXвв.)». Она обсуждалась в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР и была рекомендована к защите. Коллеги по сектору подчеркивали научную новизну исследования: «Работа Л. Н. Жеребцова является первым полным исследованием этнических и историко-культурных взаимоотношений коми с соседними народами: русским, ненецким, хантыйским, мансийским и саамским. В ней рассмотрены все стороны этих взаимоотношений за II тыс. н. э.: мирные и немирные контакты, торговый и культурный обмен, различные заимствования, взаимовлияние, брачные связи и т. д. Автор глубоко рассмотрел взаимоотношения коми с русскими княжествами и государством и по-новому раскрыл процесс вхождения коми в состав русского ...государства. Автор разработал ряд положений, важных в теоретическом плане, в том числе о степени устойчивости элементов народной культуры в национальном окружении, о формировании этнографических групп в составе данного этноса, о специфике сложения этнических границ между оседлыми и неоседлыми соседями, о роли малых народов в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока, о методе комплексного исследования проблемы этнической истории. Диссертация Л. Н. Жеребцова является хорошим примером комплексного исследования, в котором автор на высоком профессиональном уровне использовал данные не только этнографии, но также археологии, лингвистики, фольклористики, антропологии и собственно истории для всестороннего раскрытия темы работы». Но доктором наук Л. Н. Жеребцов так и не стал: подвело здоровье (инфаркт). Защиту диссертации пришлось отложить — предполагалось, что лишь на время...

С 1987 г. Л. Н. Жеребцов сосредоточился на подготовке обстоятельнейшего труда — «Очерков по этнографии народа коми». Написание такой книги было его давнишней мечтой. В 1988 г. он ушел с должности заведующего сектором, стал работать старшим научным сотрудником, отдавая все силы работе над «Очерками». Во многом благодаря его усилиям был заложен прочный фундамент

для создания этой обобщающей работы, которая, по мысли Л. Н. Жеребцова, должна была подвести итог работе нескольких поколений этнографов.

28 февраля 1990 г. Л. Н. Жеребцов вышел на пенсию, однако научной работы не оставил, подготовил к VII Международному конгрессу финно-угроведов работу «Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края». Затем он планировал заняться обобщением материала об этнографических группах коми в виде серии научно-популярных брошюр (о каждой группе в отдельности) или общей обстоятельной книги «Этнографические группы народа коми» (сохранился составленный им в 1990 г. ее план). Кроме того, Л. Н. Жеребцов намеревался написать книгу воспоминаний «Дороги этнографа» и некоторые другие работы. Он надеялся, что впереди у него еще много времени, но 17 февраля 1991 г. скоропостижно скончался.

Igor Zherebtsov

ETHNOGRAPHER LUBOMIR ZHEREBTSOV

L. N. Zherebtsov was the first professional Komi ethnographer of the Komi department of the USSR Academy of Sciences (at present — Komi Scientific centre of Ural department of Russian Academy of Sciences) at the beginning of 50s.He became the leading specialist on the ethnography of Komi, organizer and the manager of the ethnography sector of the Institute of Language, Literature and History of Komi department of the USSR Academy of Sciences, one of the most famous and respected scientists of Komi republic.

L. N. Zherebtsov was born on October 1, 1925 in Ust — Sysolsk (now Syktyvkar), in 1943—1947 he studied at the Komi pedagogical Institute. In November 1948 he was admitted to the postgraduate course of the Komi department of the USSR Academy of Sciences. He defended the thesis «Modern dwelling of Komi people» on January 20, 1953 at the Institute of Ethnography in Moscow.

L. N. Zherebtsov made expeditions to all parts of Komi, collected the richest material about the culture, way of life, farm and ethnic history of local people.

He studied different problems of traditional and modern ethnography. The most important questions were the problems concerning the settling of Komi people, formation of ethnic area, historical and cultural connections of Komi people with other neighbouring peoples, traditional dwelling of Komi.

In 60s L. N. Zherebtsov was the organizer of ethnographical researches, generalization and publication of their results, selection and training of new qualified specialists. In 1973 a new branch of ethnography was formed and L. N. Zherebtsov became it's head. By 1985 L. N. Zherebtsov had prepared his thesis for the Doctor's Degree «Ethno — cultural relationships in the ethnic history of Komi people. (X — the beginning of the XX century) but he couldn't defend it because of his illness. On February 17, he died.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Ласло Клима
Будапешт

ПЕТЕРУ ДОМОКОШУ — 60 ЛЕТ

Известный венгерский финно-угровед Петер Домокош родился 15 января 1936 года в Трансильвании, в местности Дьердьёальфалу в семье учителя-кантора Пала Петера Домокоша. В семье родилось четверо детей, первым из них был Пал Петер, получивший имена отца. Место его рождения в настоящее время находится в Румынии, в комитате (области) Харгита, на такой территории, где уже тысячу лет — и по сей день — большинство населения составляют венгры. Они являются потомками бывших охранников границы. В такой среде: в чужом государстве, но среди людей, ревностно охраняющих свою веру и свою венгерскую национальность, и начался жизненный путь Петера Домокоша.

Из села Дьердьёальфалу семья скоро переселилась в город Коложвар (Клуж), откуда она в 1944 году должна была бежать. После окончания мировой войны судьба членов семьи Домокошев — уже подданных венгерского государства — тоже не стала легче. Отца уволили с работы, он поехал в провинцию и стал заниматься сельским хозяйством, нанимался на временные работы, с трудом мог вернуться к учительской деятельности. Семья переселилась в столицу, отец стал преподавателем гимназии им. Аттилы Йожефа. В 1954 году в этой школе сдал экзамены на аттестат зрелости и его сын, Петер. В семье традиционно любили музыку — Пал Петер Домокош был выдающимся исследователем истории венгерской музыки. Она играла значительную роль в повседневной жизни, так и Петер, одновременно с занятиями в гимназии и в университете, учился играть на виолончели, был учеником музыкальной школы им. Белы Бартока. (Младшая сестра Мария тоже продолжает музыкальные традиции семьи, она работает сотрудником Научно-исследовательского института музыки и занимается вопросами народной музыки).

После окончания средней школы Петер Домокош поступил в университет. Он посещал занятия отделений венгерского языка и литературы и румынского языка и литературы. В 1959 году он полу-

чил диплом на отделении венгерского языка и литературы. Будучи студентом, Петер Домокош слушал лекции Эдэна Беке и Дьёрдя Лако по финно-угристике. Научная работа его привлекала, начиная со студенческих лет. Он принимал участие в научном студенческом кружке, писал работы и получал премии. Дипломная работа под заглавием «Венгерские префации в комитате Чике» показала, что это хорошее начало на пути формирования языковеда. Об этом же свидетельствовал тот факт, что еще в 1958 году в журнале «Мадьяр нелв» (Венгерский язык) появилась его статья о происхождении венгерского слова «феннхеяз». Однако в это же время была опубликована другая статья Петера Домокоша в журнале «Вилагиродалми фидьелэ» (Обозрение мировой литературы) о финно-угорской народной поэзии. В журнале «Мадьяр вадас» (Венгерский охотник) печатаются его переводы финно-угорских народных сказок.

После окончания учебы Петер Домокош сначала работал в общеобразовательной восьмилетней школе в одном периферийном районе города Будапешта (в Матьяшфёльде), потом в гимназии в другом районе (в Ракошсентмихае). Бывшие ученики до сих пор добрым словом вспоминают своего преподавателя, поддерживают с ним дружеские связи, регулярно приглашают на юбилейные встречи выпускников.

Во время учительской деятельности Петер Домокош продолжал свою научную работу. С 1965 года свои научные публикации он стал подписывать не именем Пал Петер Домокош, а именем Петер Домокош.

О сильном желании заниматься научным совершенствованием свидетельствует то, что он участвовал в конкурсе на место преподавателя венгерского языка и литературы в Ленинградском университете и получил на него назначение. Этот период жизни Петера Домокоша продолжался до 1970 года.

С точки зрения дальнейшего жизненного пути, ленинградские годы оказались решающими. Ленинград еще хранил культурные традиции бывшей столицы — Санкт-Петербурга, там учились талантливые сыны восточных финно-угорских народов, в город приезжали выдающиеся представители малых уральских народов: писатели, учителя, научные работники. В это время начали умножаться в записной книжке Петера Домокоша имена и адреса, создавались его широкие связи с лучшими представителями интеллигенции родственных народов. В большинстве своих публикаций тех лет Петер Домокош освещает вопросы литературы финно-угорских народов: творчество писателей, например, Василия Лыткина и Ювана Шесталова, проблемы жанров, например, финской реалистической драмы и удмуртского романа, но он пишет и обобщающие работы о

литературе малых финно-угорских народов, отдельно о коми и мансийской литературах.

После возвращения на родину Петер Домокош работал в городе Сегеде в Университете им. Аттилы Йожефа в качестве научного сотрудника Академии Наук Венгрии. В эти годы он написал обобщающие работы по разным финно-угорским литературам, защитил кандидатскую диссертацию по удмуртской литературе. Вышла его книга о распространении финской литературы в Венгрии.

Работа по изучению удмуртской литературы свидетельствует о том, что понятие литературы Петер Домокош понимает шире традиционного, он пишет и о таких маленьких вещах, которые едва ли можно назвать литературой, и уделяет большое внимание истории, на фоне которой происходят события литературы. Однако его понимание приводит к тому, что представители малочисленных финно-угорских народов Советского Союза осознают, что их письменность имеет прошлое, которым они могут гордиться и в котором могут черпать силы в литературной работе, в развитии своей духовной жизни.

О том, что мысли Петера Домокоша дошли до сознания, свидетельствует издание его статей в Таллине, Ижевске, Йошкар-Оле, Саранске, Сыктывкаре. Его книга по удмуртской литературе вызвала бурные отзывы в Советском Союзе, естественно, в первую очередь в Удмуртии. Несмотря на научный характер книги, она обсуждалась на партийных собраниях, где оспаривались ее отдельные детали, но на тайные, внутренние мысли людей она оказала большое влияние: вот, оказывается, можно и даже нужно писать о литературе, о культуре всех народов, в том числе и небольших по численности.

Исследование распространения в Венгрии финской литературы представляет другую значительную группу научных работ Петера Домокоша, оно входит в круг изучения истории финно-угристики. Работы по истории исследований и их публикация и в дальнейшем продолжали составлять важную часть его деятельности.

В упомянутый период были написаны учебные пособия, используемые до сих пор в преподавании финно-угристики в вузах. Вместе с Петерем Хайду Петер Домокош составил книгу об уральских родственниках по языку. К этой книге он составил и хрестоматию по уралистике.

В этот период начинается и научно-организаторская работа Петера Домокоша. В 1973—1974 годах в качестве сотрудника Министерства образования он занимался проблемами отделений венгерского языка и литературы в вузах Венгрии, а также делами преподавателей, работающих за границей. Он выступил одним из

инициаторов создания Комплексного комитета уралистики при Академии Наук Венгрии, в 1975—1980 годах выполнял функции секретаря этого комитета. Петер Домокош принимал участие в организации международных конгрессов финно-угристов, в 1980 году его избрали членом международного комитета.

Начиная с 1980 года, Петер Домокош работает преподавателем кафедры финно-угристики университета им. Лоранда Этвеша в Будапеште. Данный период его деятельности, продолжающийся по сей день, начался новым периодом собирания материала. В результате систематической работы в библиотеке им. Иштвана Сечени — где одновременно он выполняет функцию референта по финно-угристике — и новых поездок за границу был собран материал, на основе обобщения которого в 1984 году написана докторская диссертация под заглавием: «Формирование литературы малых финно-угорских народов». В отзывах оппонентов уже отражена мысль о том, что деятельность Петера Домокоша привела к рождению новой отрасли науки. Может быть, стоит сказать несколько слов о том, что критики Петера Домокоша иногда утверждают, что финно-угорская литература как таковая в действительности не существует, она не изучаема, исследователи финно-угорской литературы занимаются несуществующей вещью. До некоторой степени можно понять и этот взгляд, его основой может служить то обстоятельство, что под финно-угорской литературой критики подразумевают исключительно художественную литературу и устанавливают, что у малочисленных финно-угорских народов она действительно слабо развита, ее уровень отстает по сравнению с литературой народов, имеющих значительные культурные традиции. Однако надо видеть, что внутри изучаемого круга исследования Петер Домокош распространяет свой взгляд на всю письменность, любой письменный памятник он оценивает в рамках данной исторической среды. Такая научная деятельность уже сама по себе оказывает развивающее влияние на литературу родственных народов, на их литературную и культурную жизнь. В наши дни деятельность ни одного другого ученого не играла такую большую роль в жизни малых финно-угорских народов.

В 1986 году, после защиты докторской диссертации, Петер Домокош стал профессором университета. Одной из характерных черт периода его научной деятельности, продолжающегося и в настоящее время, является работа над историей науки, публикация результатов исследований и издание своих обобщающих работ на иностранных языках.

В серии «Венгерские ученые прошлого» он написал книги о жизни и деятельности Фердинанда Барна, Ференца Каллаи и — совместно с Аттилой Палади-Ковачем — Пала Хунфальви. Вышла его

книга «От Скифии до Лаппонии», в которой — по свидетельству подзаглавья — трактуется литературный отклик на проблему языкового родства и древней истории венгров, но книга дает гораздо больше обещанного. Автор изучает развитие национального сознания венгров и развитие общественной мысли, анализирует, по каким причинам принимали венгры финно-угорское родство и по каким причинам отказывались от него. Читая книгу Петера Домокоша, ощущая глубину знаний, констатируя тщательность в собирании материала, невольно вспоминаешь классическую работу Миклоша Жираи «Наше финно-угорское родство».

Одновременно с упомянутыми выше работами под руководством Петера Домокоша готовилась финно-угорская биографическая энциклопедия. Написать работу такого характера до этого не решались ни в Венгрии, ни за границей. Финно-угорская биографическая энциклопедия вышла в качестве пособия для студентов, во введении можно прочесть, что ее надо считать первой попыткой, первым вариантом и читателей-специалистов просят исправлять ошибки, добавлять данные, и редактор будет принимать это с радостью. Однако, работу многие критиковали и в Венгрии, и за границей. Заграничные критики могут оправдываться, что они не понимают точно текст Введения, но отечественные критики, вероятно, руководствовались целями, далекими от науки.

Деятельность Петера Домокоша представляет собой одно из новых направлений финно-угристики. Его работы вызывают значительный интерес везде, где занимаются исследованием финно-угорских народов и языков. Его книги издавались на немецком, французском и финском языках, после изменений в России стал возможным их выход и на русском языке и их внедрение в среде финно-угорских народов, живущих в стране. В 1993 году уже в атмосфере, более благополучной для финно-угорских народов России, Петер Домокош имел возможность поехать в Удмуртию. Его прием, награждение, издание его книги об удмуртской литературе были достойной компенсацией за предыдущую критику.

После изменений в России писатели финно-угорских народов осознали, что они должны действовать, что пришел последний час, когда их народы и культуру еще можно спасти, можно сохранить для будущего. Развивающееся международное движение финно-угорских писателей в лице Петера Домокоша усмотрело одного из руководителей, способных координировать их деятельность, поэтому в 1989 году его избрали заместителем председателя Общества финно-угорских писателей. Тот факт, что с 1993 года он выполняет функцию председателя этого общества, свидетельствует об искреннем доверии к нему.

Начиная с 1992 года, Петер Домокош работает заведующим кафедрой финно-угристики университета им. Лоранда Этвеша. Значительная группа специалистов протестовала против его назначения, эти люди боялись, что вследствие его деятельности пострадает языковедческая направленность кафедры. Но прошедший период доказал, что боязнь была необоснованной. Приглашением внештатных преподавателей и известных специалистов Петер Домокош сделал больше всего как раз для повышения уровня преподавания языкознания. В период его заведования началась организация отделения эстонского языка. Идет составление плана постградуальной докторской подготовки. Кафедра выходила в число победителей отдельных научных конкурсов, и это частично компенсировало неблагополучное экономическое положение университета, что в нынешних условиях, хотя бы в скромной мере, дает возможность развития науки.

В оценке жизненного пути и научной деятельности Петера Домокоша мы дошли до наших дней. Краткий обзор заключаем мыслью, указывающей на начало, на семейные корни, мыслью о том, что Петер Домокош сделал так же много для финно-угорских народов, в интересах сохранения их культуры и традиций, как в свое время сделал его отец, Пал Петер Домокош в интересах венгерских коллективов — чанго и секлеров,— живущих на положении меньшинства и желающих сохранить свой язык, свою культуру.

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: . ГРИШКИНА М. В. Удмурты: Этюды из истории IX—XIX вв. Ижевск, 1994. 168 с.

Сегодня о прошлом и настоящем задумываются многие. В течение нескольких последних десятилетий многовековая история нерусских народов освещалась сквозь призму общероссийской истории в строгом соответствии с официальной историографией, что порой приводило к бесцеремонному обращению с фактами при оценке отдельных событий. История народа заменялась историей республик, что привело к тому, что территориальный принцип, положенный в основу исторических исследований, ограничивал возможность постановки новых вопросов.

В этом плане интересной по замыслу и постановке проблем, оригинальной по исполнению является книга М. В. Гришкиной «Удмурты: Этюды из истории IX—XIXвв.», повествующая о сложной, полной драматизма истории удмуртского народа, об историческом взаимодействии народов на территории многонационального Волжско-Камского междуречья в течение целого тысячелетия.

Проблематика книги М. В. Гришкиной отличается широкими тематическими и хронологическими рамками, яркой и доступной формой изложения. Ей присущ творческий подход в сочетании с четкой принципиальной авторской позицией.

В предисловии к книге, предпосланном к семи ее главам, скромно названным автором «этюдами», определены задачи исследования, охарактеризована ее источниковая база, высказаны предварительные замечания, являющиеся ключом к восприятию изложенного в книге материала. «Главным героем этой книги является сама историческая действительность», — пишет автор, обращаясь к читателю. В то же время, признавая, как нелегко отказаться от традиционных схем изложения истории и следовать исторической правде, автор искренне признается: «Стремление к истине и горячая любовь к своему народу были силой, помогавшей автору в преодолении трудностей на всех этапах работы» (с. 9).

В первой главе, названной «Аримаспи-ары-вединьі-удмурты», М. В. Гришкина предприняла попытку исследовать ранние истоки удмуртской истории. С этой целью мобилизован широкий круг источников: сведения восточных авторов, ранние памятники славянской письменности. Автор, опираясь на суждения, высказанные в свое время В. Н. Татищевым, А. И. Вештомовым, придерживается того бесспорного мнения, что древние удмурты были известны еще Геродоту (V в. до н. э.) под именем «аримаспи», выступающие позже на исторической арене, как свидетельствуют арабские авторы IX—XII вв., на «земле Арса», под которой подразумевается Арская земля, в XVI веке хорошо знакомая русским летописцам, автору «Казанской истории», А. М. Курбскому. Автор высказал мнение, правда, сдержанно и осторожно, согласно которому удмуртское общество на рубеже первого и второго тысячелетий н. э. «близко подошло к формированию своего, пусть достаточно примитивного, государственного объединения. Однако в X—XII вв. процессы самобытного развития удмуртского этноса на собственной основе были прерваны. Возникшее в Волго-Камье раннефеодальное государство Волжская Болгария превратило южных удмуртов — аров в своих данников».

Присоединению Удмуртии к России, его предпосылкам и последствиям посвящена глава «Тяжелые испытания и грозные потрясения», хронологически охватывающая события XII—XVI вв. Этот период не без оснований автором назван «трагической полосой, обильно политой кровью, освещенной заревом пожарищ, пропитанной запахом гари и смерти» (с. 24). Автор ставит перед собой немало мучительных вопросов: Почему так, а не иначе сложилась судьба удмуртского народа? Почему удмурты, еще в IX—XII вв. ни в чем не отставшие от других народов лесной полосы Восточной Европы, к XIX в. стали «небольшим вымирающим племенем»? Как случилось, что народ, обладавший немалым потенциалом, имевший достаточно сложную иерархически организованную сословную структуру, традиции управления, приближающиеся к государственной форме, стал, как и другие народы Поволжья и Приуралья, отсталым в экономическом и культурном отношении? Разумеется, для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо не одно исследование. Но тем не менее, М. В. Гришкина стремится объективно, на основе использования сохранившихся до нас немногих, порой отрывочных и фрагментарных, источников ответить на эти вопросы. «Началом многовековой полосы испытаний для удмуртов, как и для многих народов Поволжья, стал разгром Волжской Болгарии в 1236 г. (с. 25), который положил начало разрушению процесса самобытного развития местного населения. Последующие события, связан-

ные с присоединением Вятки к великому княжеству Московскому и Казанского ханства к России, привели к существенным изменениям в социально-экономическом и правовом положении местного населения. Карательные экспедиции русских войск накануне и в период «Казанского взятия», сопровождавшиеся массовой расправой над местным населением, привели к изменениям в демографической ситуации в многонациональном Волго-Вятском регионе (с. 40—41).

Специальная глава — «Арские князья в истории удмуртов» — посвящена проблеме, названной автором «одной из многочисленных загадок удмуртской истории» (с. 50). М. В. Гришкина на основе скрупулезного изучения сохранившихся источников обоснованно развивает высказанный еще в прошлом веке тезис об удмуртском происхождении арских князей, первое упоминание о которых в русской летописи относится к 1489 г. В частности, весьма убедительны доказательства автора в пользу тех положений, согласно которым арские князья были «представителями аристократической администрации, установившейся в Казанских областях», внедренных в среду северных удмуртов (А. А. Спицын), «отатарившейся удмуртской знатью» (С. В. Бахрушин). В книге прослежены эволюция прав и привилегий арских князей как на юге (на р. Вятке), так и на севере (в бассейне р. Чепца) в течение почти одного столетия. При этом следует особо отметить новизну подхода М. В. Гришкиной к освещению проблемы арских князей в свете новых находок нескольких жалованных и указных грамот Василия III и Ивана IV в фонде Уфимской приказной избы РГАДА (с. 58—62), впервые введенных автором в научный оборот. Использованные в книге документы позволили автору сделать вывод о том, что правительство вплоть до 80-х годов XVI в. терпело и всячески поддерживало власть казанских арских феодалов над северными удмуртами, пока не почувствовало себя огражденным с юго-востока, со стороны Казанского ханства. После подавления «черемисских войн», длившихся более тридцати лет, в 50—80-х гг. XVI века, и основания ряда городов-крепостей в Волго-Вятском междуречье, отпала необходимость в военно-дипломатических услугах арских князей, и тогда Московское правительство, по мнению автора, «твердой рукой положило решительный конец их служилому землевладению на Вятке», несмотря на то, что в это время, т. е. в 80-х г. XVI в., в целом по стране шел активный процесс закрепощения крестьянства. В 1588 г. указом царя Федора Ивановича удмурты были освобождены в судебно-правовом и податном отношениях от каринских князей и мурз, т. е. правительство ликвидировало политическую власть арских князей, что, разумеется, не могло подорвать их экономического могущества. Словом, по меткому выражению самого автора, в 1588 г. пра-

вительство «одним взмахом пера ... разрубило гордиев узел противоречий» — служилое сословие арских князей было ликвидировано, бывшие их крепостные — удмурты и бесермяне — стали государственными черносошными крестьянами.

О судьбе потомков арских князей и их бывших крепостных, ставших государственными крестьянами, повествуется в следующей главе, названной «Три сыска на Вятке». Автор на материалах сыскных дел конца XVII — начала XVIII вв. раскрывает многочисленные злоупотребления (грабежи, взятки, вымогательства) царской администрации и представителей выборных общинных властей в отношении удмуртских и бесермянских трудовых масс.

Автор подробно, во всех деталях, рассмотрев материалы сысков, справедливо утверждает, что сыски не могли снять основную причину недовольства податного населения. Они свидетельствовали о «весьма тонкой и гибкой политике правительства» по отношению к «инородческому населению»: оно не отказывалось от регулирования этносоциальных отношений на Вятке и делало это, по меткому выражению автора, «весьма искусно, создавая видимость заинтересованности в делах удмуртско-бесермянской знати». Чрезвычайно важны для нашей науки утверждения автора о значении материалов сысков для изучения жизни крестьянства, социально-экономических отношений, этнической психологии, социальных и этнических представлений отдельных групп населения — одним словом, всего того, что обозначается емким понятием «менталитет» (с. 89), ибо сыскные дела отразили почти все аспекты многогранной жизни и деятельности трудового люда.

«Деревни разных народов стоят рассеянно ...» — так называется глава, посвященная расселению и миграционным процессам, административно-территориальному устройству края с древнейших времен до первой половины XIX в., выяснению причин формирования этнической чересполосицы» (с. 108) в Удмуртии.

В заключительных главах («Земля-кормилица», «А торг — дело великое!») М. В. Гришкина с большим знанием дела и великим уважением к нелегкому труду земледельца представила высокую культуру земледелия и широкие торговые связи Удмуртии, вовлеченной в орбиту всероссийского рынка.

Книга М. В. Гришкиной, написанная на основе документальных свидетельств живым и сочным языком в лучших традициях отечественной классической исторической науки, воссоздает многие драматические события на тернистом историческом пути удмуртского народа, раскрывает неизвестные страницы в его многовековой летописи, тем самым способствует очищению современных представлений о его истории от всего наносного и необъективного. Поэтому не

будет преувеличением утверждать, что новое исследование М. В. Гришкиной об удмуртах в IX—XIX в. является новаторским и актуальным, заставляющим читателя вновь размышлять не только над прошлой историей народа, но и задумываться над его будущим. Книга читается с интересом от начала до конца, формируя историческое сознание читателя на прочной фундаментальной основе.

Книга, выпущенная издательством «Удмуртия», богато иллюстрирована и рекомендована Министерством народного образования Удмуртской республики в качестве учебного пособия.

Геннадий Айплатов, Ананий Иванов
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Рец.: KULU, HILL. Eestlased maailmas: ülevaade arvukusest ja paiknemisest.— Кулу, Хилл. Эстонцы в мире: обзор о численности и расселении. Тарту: Тартуский университет, 1992. 155 с.

В 1980-х годах молодые научные работники начали проводить серьезные исследовательские работы среди эстонцев, живущих за пределами Эстонии. Лингвисты Юри Вийкберг (род. 1953) и Лембит Ваба (род. 1944) совершили несколько поездок к сибирским эстонцам и опубликовали ряд исследований о культуре и языке, например, Юри Вийкберг, Лембит Ваба «Беседуя с сибирскими североэстонцами» (Keel ja Kirjandus,1984, lk. 145—156, 210—223), Юри Вийкберг «Эстонские языковые островки в Сибири (возникновение, развитие, контакты)» (Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тартуский государственный университет, 1989. 19 с.). В конце 80-х годов проблемами населения и эстонцами диаспоры заинтересовался студент-географ Хилл Кулу (род. 1967), который написал сначала курсовую работу о формировании общины эстонцев в России, а затем углубился в методику демографических исследований. В 1990—1992 годах он учился в Хельсинкском университете, а в 1993 г. защитил в Тартуском университете магистерскую работу на базе своей книги «Eestlased maailmas: ülevaade arvukusest ja paiknemisest». Исследование дополняется некоторыми новыми точками зрения, приведенными в резюме на английском языке «Estonians in the World. An Overview of Number and Localization 1850—1990» (Helsinki, 1993, 12 p.).

Во введении к книге, богато иллюстрированной рисунками и таблицами, автор знакомит с целью работы, а также с методами и данными исследования. Целью было проследить изменения «в численности и расселении эстонцев, живущих за пределами родины в течение последних 150 лет». Кроме того, он попытался установить «численность эстонцев, живущих в нынешнее время за пределами родины, и общую численность эстонцев во всем мире», а также возможные изменения в численности в ближайшие 50 лет. Такая работа представляет собой хорошее рамочное исследование перед дальнейшими детальными трактовками. Я отметил бы, что в Финляндии исследованием финнов, живущих за границей, занимается расположенный в Турку Ин-

ститут миграции (Siirtolaisuusinstituutti). Вышел ряд исследований и обзоров на финском, шведском и английском языках, среди них и итоговая работа Jouni Korkisaari «Suomalaiset maailmalla» (Turku, 1989, 161 s.). Аналогичное учреждение, занимающееся изучением зарубежных эстонцев, следовало бы основать и в Эстонии.

При написании монографии использованы различные архивные материалы и проведены анкетные опросы среди зарубежных эстонцев. Анализ данных и оформление работы проведены на персональном компьютере.

Основная часть исследования состоит из глав «Эстонцы в России», «Зарубежные эстонцы» и «Эстонцы в мире». Таким образом, автор делит зурубежных эстонцев на основании бытовавшего понимания на две группы. Я отметил бы, что в конце существования Советского Союза эстонцев, проживавших в России, стали называть союзными эстонцами, а после краха Советского Союза — восточными эстонцами. В этом случае проживающих в западных странах эстонцев можно было бы назвать западными эстонцами. Эти понятия все же вводят в некоторое заблуждение. Так что автор считает самым верным опираться на народные названия; также и английские Russian Estonians и Western Estonians следует считать подходящими.

При формировании русских эстонцев рассмотрены направления эмиграции и формирование основных поселений в европейской части России, на Кавказе, в Сибири и в других местах. Помимо данных переписи населения использовали исследования и статьи Ф. Нигола, О. Калласа, Й. Санга, Л. Ваба, Ю. Вийкберга и др.; оттуда заимствованы и характерные фрагменты. Жизнеспособность и затухание поселений прослежены по регионам. В 1926 году на территории Советского Союза проживало 154666 эстонцев; относительно территорий расселения их в Северо-Западной Эстонии и Сибири приведены обзорные схемы. При характеристике поселений крымских эстонцев использовано произведение эстонского писателя Эдуарда Вильде (1865—1933) «Пророк Малтсвет». По каким-то причинам автор не использовал другое, более информативное произведение Эдуарда Вильде «В гостях у крымских и кавказских эстонцев» (в книге: Eduard Vilde. Reisikirjeldused. Tallinn 1956, lk. 231—387). Рисунки и таблицы снабжены также подписями на английском языке, что вместе с резюме на английском языке делает работу понятной и для тех, кто эстонским языком не владеет.

Детально рассмотрено также формирование эстонцев, проживающих в западных странах, которое происходило позднее, чем формирование эстонцев в России. В 1918 году на Западе жило 10000—15000 эстонцев, до II мировой войны — 25000—30000, в конце войны — уже 70000—75000 эстонцев. Для иллюстрации этой главы приводятся характерные отрывки из произведений Р. Изе, Т. Парминга и других авторов.

Однако нет ссылок на некоторые новые статьи о зарубежных эстонцах, например, Матти Пунттила «Островок эстонского языка между Порво и Ловийсой» (Keel ja Kirjandus, 1992, lk. 281—285), на интересные факты из воспоминаний финско-эстонской писательницы Айно Каллас (1878—1956), а также на опубликованные в печати докторские диссертации об этническом идентитете и судьбе национальных меньшинств: например, американского эстонца Тыну Парминга (род. 1941) The Nature of Ethnic Identity (Yale University, 1976) и финского исследователя Seppo Lallukka (род. 1944) о восточно-финских меньшинствах в Советском Союзе. The East Finnic Minorities in the Soviet Union (Helsinki, 1990). Но в работе много нового собранного и проанализированного самим Хиллом Кулу материала об эстонцах, проживающих в разных странах.

Итоговая глава «Эстонцы в мире» по объему меньше предыдущей и трактует проблему эстонцев с аспекта расселения по всему миру. Интересна находчивость автора в определении эстонскости. В 1985 году западнее Эстонии проживало 86000 эстонцев и их потомков. В России и на территории бывших республик Советского Союза проживало, по данным переписи населения 1989 года, более 63000 эстонцев. В результате анализа данных автор настоящей работы установил, что вне родины проживает 13% эстонцев; в 1918 г. это число составляло 20% и после II мировой войны 17%. Число людей эстонского происхождения на Востоке, конечно, больше, чем это отражают официальные данные 1989 года. Так, общая численность финнов в России (которых официально всегда было почти столько же, сколько эстонцев в России) оценивается в 100000. По расчетам автора, во второй половине 1980-х годов в России проживало 46390, в США 25990, в Швеции 25500, в Канаде 20530, в Австралии 6330, в Украине 4208, в Казахстане 3379, в Латвии 3312, в Великобритании 2660, в Германии 2400, в Грузии 2316 и в Финляндии 1000 эстонцев или граждан эстонского происхождения. В других странах эстонцев было меньше. К таблицам следовало бы приложить также карту-схему мира о расселении эстонцев в настоящее время и в период наивысшей численности.

Работа Хилла Кулу «Эстонцы в мире: обзор о численности и расселении» представляет собой важный вводный обзор, за которым должны последовать уже детальные исследования о разных группах эстонцев. Особенно важным является изучение проблем идентитета эстонцев в России в нынешних местах их расселения и среди эстонцев, вернувшихся в Эстонию. К изучению этих вопросов Хилл Кулу уже приступил. Он провел опросы среди вернувшихся в Эстонию эстонцев и совершил две научные поездки к сибирским эстонцам. Сейчас он пишет докторскую диссертацию.

Отт Курс
Тарту

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

Рец.: ПОЛУБОЯРОВ М. С. Мокша, Сура и другие... М., 1992. 198 с.

Оживление исследований по топонимии — заметное явление в научной жизни Среднего Поволжья последних лет. Рецензируемая работа пензенского краеведа М. С. Полубоярова — новое тому подтверждение. Книга имеет подзаголовок «Материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области». По своей тематической направленности она близка к выдержавшему два издания (1979, 1987) «Топонимическому словарю Мордовской АССР» И. К. Инжеватова.

Пензенская область занимает среднюю и западную часть Приволжской возвышенности, а также небольшой участок Волго-Донского междуречья. На 1989 год в этой области насчитывалось около 1700 населенных пунктов и 1,5 миллиона жителей. Большинство населения составляют русские; в Каменском, Сосновоборском, Городищенском, Кузнецком, Неверкинском районах есть ряд сел с татарским населением (в основном татары-мишари); в Шемышейском, Малосердобинском, Белинском, Никольском, Сосновоборском, Городищенском, Камешкирском районах имеются мордовские населенные пункты; в Неверкинском — чувашские. Отдельные татарские и мордовские села располагаются и в некоторых других районах области.

Как отмечает автор, основная масса людей прибыла в Пензенский край в процессе его колонизации в XVII—XVIII вв. из более северных уездов России: Алатырского, Темниковского, Суздальского, Шацкого, Саранского и др. Колонизация осуществлялась «как в порядке правительственной раздачи свободных земель служилым людям и помещикам, так и по просьбе мордовских, татарских и чувашских родоначальников» (с. 4)

Исследование, проведенное М . С. Полубояровым, позволило ему прийти к выводу, что многие названия населенных пунктов сложились на антропонимической основе, т. е. носят имена прежних владельцев. Раскрытие содержания (этимологии) этих наименований не представляет особой сложности, ибо сохранились документы об обстоятельствах заселения, с упоминанием имен владельцев, причем значительная часть этой документации опубликована. Более

сложной представляется проблема этимологизации гидронимов. Но и ее можно решить, используя данные археологии, древнейших письменных источников, этнографии, исторического языкознания.

Вывод М. С. Полубоярова о том, что система географических названий Пензенского края представляет собой разновозрастное наслоение имен различного языкового происхождения, в составе которых древнейшим языковым пластом является финно-угорский (с. 6), не нов, но он еще раз подтверждается автором на базе более широких историко-топонимических изысканий. В ряду этих названий особенно значительное место принадлежит топонимам с древнемордовской основой *нор, пар* 'поле', и топонимам на *ляй, лей* 'река, овраг' (с. 10—11).

Говоря о процессах миграции, отразившихся в топонимии, М. С. Полубояров приходит к выводу, что значительное число имен было перенесено переселенцами со старой родины на новые места. «По ним,— заключает он,— можно изучать направление переселений: Киржеман, Кулясово, Мачкасы, Пермиси, Турдаки, Умыс, Велезем и другие — они повторяются как на территории Мордовии, так и в Пензенском крае, существуя по сегодняшний день, отдельные претерпев небольшие фонетические изменения. Появились новые названия-антропонимы от мордовских дохристианских личных мужских имен: Пиксанкино, Сыресево, Пошутовка, Кашаевка, Байка... К их числу относится и гидроним Пенза. Правда, часть из таких названий могла появиться много раньше, еще в первом тысячелетии нашей эры...» (с. 15—16).

Аналогичным путем происходило наименование физико-географических объектов при колонизации края тюркоязычными народами — татарами и чувашами, служившими на засечных чертах.

Русская колонизация края началась после завоевания Казанского и Астраханского ханств во второй половине XVI столетия, особенно же она усилилась в XVII веке. «Мордва,— пишет М. С. Полубояров,— оттеснялась в лесные районы, бежала в Засурье. Сура стала в это время мордовским Доном, куда стекалась масса эрзи и мокши, обременяемых обязанностями по строительству валов, рвов, крепостей и засек» (с. 18).

В словарной части книги представлены разные варианты названий, в том числе церковные имена населенных пунктов, устаревшие и народные, не употребляющиеся сегодня в официальной письменности. Это сделано М. С. Полубояровым не только для облегчения работы исследователей, краеведов над документальными источниками прошлых веков. Одна из целей, которые он ставил перед собой,— «запечатлеть как можно больше географических имен, в том числе микротопонимов, для того, чтобы они вновь вошли в обиходную речь жителей Пензенской области, обогатили нашу культуру» (с. 19).

К книге приложен терминологический справочник, облегчающий пользование ею, а также переводной указатель старых топонимов в современные, даны списки мордовских, чувашских и татарских населенных пунктов Пензенской области на 1 января 1979 года и картосхемы некоторых гидронимов (на *-ис, -дим, -дым, -дюм*).

Все сказанное позволяет заключить, что перед нами оригинальная работа, значительно обогащающая и углубляющая наши представления о Волго-Окском крае, в котором имели место не только этногенетические процессы, приведшие к образованию здесь ряда финно-угорских народов, в том числе мордовского, но и этнокультурные процессы, ознаменованные возникновением топонимии различного языкового происхождения (финно-угорской, иранской, тюркской, славянской и др.). Книга М. С Полубоярова «Мокша, Сура и другие...» — существенный вклад в изучение истории, географии, этнографии, ономастики родного края.

Николай Мокшин
Саранск

«Финно-угроведение». 1996. № 2.

Рец.: В. И. РЫБАЛКА. Побратимы. Марийско-венгерское сотрудничество в 1971—1996 гг. Йошкар-Ола, 1996. 128 с.

Любое новое историческое исследование, если оно посвящено изучению малоразработанной темы, всегда интересно не только специалистам в этой области науки, но и широким кругам читателей. Именно такой работой является рецензируемая монография. Она посвящена 1100-летней годовщине обретения венграми Родины и 25-летию создания Общества «Марий Эл — Венгрия».

Марийский и венгерский народы связывают прочные исторические корни. Особенно укрепились эти связи после установления побратимских связей Марийской республики с областью Ваш Венгерской Республики.

Книга В. И. Рыбалки является результатом многолетних научных поисков. Это, по сути дела, первое в нашей историографии обобщение опыта сотрудничества двух финно-угорских народов на протяжении двух с половиной последних десятилетий. Большинство предшествующих работ носили в основном публицистический характер. Учитывая новизну и практическую значимость проблемы, автор постарался привлечь широкую источниковую базу, основу которой составили, прежде всего, материалы текущего архива Общества «Марий Эл — Венгрия» (протоколы конференций, заседаний правления, документы первичных организаций, отчеты, справки и т. д.) и публикации периодической печати не только Республики Марий Эл, но и Венгрии.

При работе над монографией автор также использовал труды марийских и венгерских ученых, являющихся специалистами в различных областях науки.

Структура рецензируемой книги позволяет последовательно и логично решить те задачи, которые автор наметил для себя во вводном разделе работы.

Первая глава посвящена истории возникновения марийско-венгерских связей. Она повествует о широком интересе, проявленном, начиная с XIX века, венгерскими учеными к истории, языку, фольклору, обычаям родственных финно-угорских народов, в том числе и марийского. Появились научные работы Й. Буденца, А. Дешкоя, М. Си-

лаши. Эти исследования с начала XX века были продолжены А. Генетцем, Э. Беке, Й. Эрдёди, Г. Берецки, Л. Викаром, П. Домокошем и другими.

Новая страница в отношениях между марийским и венгерским народами открылась в 70-е годы. В мае 1971 года было создано Марийское отделение Общества советско-венгерской дружбы. С февраля 1994 года оно называется Обществом «Марий Эл — Венгрия».

В. И. Рыбалка проанализировал многогранную деятельность правления и актива Общества, работу первичных организаций, созданных во многих коллективах и на различных предприятиях республики. Особенно привлекают материалы о работе первичных организаций Марийского целлюлозно-бумажного комбината, госплемзавода «Семеновский», средней школы № 8 г. Йошкар-Олы и др.

Отдельный раздел посвящен развитию молодежных связей, деятельности Клубов интернациональной дружбы.

Большое значение для налаживания марийско-венгерского сотрудничества имел обмен различными делегациями. Автор анализирует эффективность подобного рода связей, уделяя при этом особое внимание работе первичных организаций Общества. Этот раздел книги представляет собой логичный переход к двум последующим главам монографии.

Одна из них посвящена экономическим связям Республики Марий Эл и области Ваш Венгрии. При этом особое внимание обращено не на простую констатацию факта обмена делегациями различных предприятий, а на ту экономическую эффективность, к которой вели такие связи, на значение взаимовыгодного обмена передовыми методами работы. Автор анализирует развитие сотрудничества в области сельскохозяйственного производства, строительства, промышленности. В целом данная глава представляется довольно удачной, но некоторые сомнения вызывает ее структурное построение. Возможно, автору следовало бы объединить в единое целое три подраздела данной главы, отражающих связи промышленных коллективов, не выделяя особо фармацевтическую и перерабатывающие отрасли промышленного производства.

Особый интерес представляет третья глава монографии, отражающая культурный обмен между областями-побратимами. Это вполне объяснимо. Народы, объединенные общими корнями, происхождением и историческим прошлым, всегда тяготели друг к другу, ценили и как-то по-особенному относились и к тому общему, что их объединяет, и к тем особенностям национальных культур, которые придают неповторимый колорит каждому из финно-угорских этносов. Не случайно этот раздел книги, отражающий подобного рода сотрудничество, наиболее богат фактическим материалом, по-

зволившим достаточно обстоятельно и убедительно проанализировать расширение марийско-венгерских связей в области литературы, искусства, изучении языков, информационном обмене, туризме и спорте. Много внимания уделено освещению такой интересной формы комплексного взаимообогащения, как проведение Дней дружбы и культуры двух родственных народов.

Очень важной для выявления концепции автора является заключительная глава монографии, где отражены особенности марийско-венгерского сотрудничества на современном этапе, начало которого можно отнести к рубежу 80—90-х годов. В связи со сложными политическими и социально-экономическими процессами в Российской Федерации и Венгерской Республике происходят неизбежные и объективные изменения прежних форм сотрудничества. Автор делает попытку показать, что на смену существовавшим ранее взаимоотношениям, во многом построенным на декларировавшемся единстве политического строя и идеологических постулатов, приходит новое понимание решения существующих проблем. Во главу угла в настоящее время ставится подлинная целесообразность подобных связей и по-настоящему взаимовыгодное сотрудничество. Но это, естественно, не означает отказа от всего того положительного, что было накоплено между двумя республиками за долгие годы в области социально-экономического и культурного взаимодействия. Таковым является главный вывод автора.

Рецензируемая монография является весомым вкладом в изучение истории взаимоотношений родственных финно-угорских народов.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1996, № 2.

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ПЕТРОВИЧА ГРУЗОВА (1931—1996)

Финно-угорское языкознание понесло тяжелую утрату — 14 мая 1996 года после тяжелой болезни безвременно скончался известный марийский языковед доктор филологических наук профессор кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета, заслуженный деятель науки Республики Марий Эл Леонид Петрович Грузов.

Имя профессора Леонида Петровича Грузова широко известно в уральском языкознании. Своими трудами по марийской и финно-угорской фонологии он снискал уважение и признание не только среди финно-угроведов, но и среди специалистов по общему языкознанию. Профессор Л. П. Грузов первым в марийском языкознании, если не считать небольшой статьи В. А. Богородицкого, провел экспериментальное исследование гласных и согласных лугового наречия. Пройдя прекрасную ленинградскую фонологическую школу, он стал первым марийским фонетистом-фонологом. За свой вклад в финно-угорское языкознание он избран зарубежным членом Финно-угорского общества (Финляндия) еще в 1971 году.

Родился Л. П. Грузов 7 декабря 1931 года в дер. Березники Волжского района Республики Марий Эл. Родители его были простыми крестьянами, но стремились дать детям хорошее образование.

В школьные годы Л. П. Грузов увлекался математикой и мечтал поступить в Казанский университет на математическое отделение. Но судьба сложилась иначе и стал он языковедом, правда, знания математики пригодились ему в его экспериментальных исследованиях. После окончания Помарской средней школы в 1949 году он поступает на финно-угорское отделение филологического факультета Ленинградского университета, которое успешно заканчивает в 1954 году. Незаурядные способности и большой интерес к фонетике родного языка проявились у Л. П. Грузова в первый же год учебы в университете. По совету профессора Д. В. Бубриха и Н. Т. Пенгитова он стал, кроме занятий по финно-угроведению, активно посещать занятия по общей фонетике, слуховой семинар под руководством

М. И. Матусевич, изучал технические средства и проводил первые эксперименты.

После окончания университета Л. П. Грузова как проявившего склонность к научно-исследовательской работе оставили в аспирантуре при кафедре общей и экспериментальной фонетики. В аспирантуре он под руководством известного фонетиста-фонолога Л. Р. Зиндера исследовал фонетическую систему марийского языка. Результаты исследования он обобщил в диссертации «Гласные и согласные марийского языка (луговой диалект) в свете экспериментальных данных», которую он успешно защитил на Ученом совете филологического факультета Ленинградского государственного университета в 1958 году.

После окончания аспирантуры Л. П. Грузов продолжает заниматься дальнейшим исследованием фонетики марийского языка. В 1957 году он начинает работать младшим научным сотрудником Марийского научно-исследовательского института и приступает к написанию своей первой фундаментальной работы по фонетике современного марийского литературного языка — «Современный марийский язык. Фонетика», которая увидела свет в 1960 году. Базой для написания этой работы послужила его кандидатская диссертация.

Немало интересных статей посвятил Л. П. Грузов вопросам фонетики современного марийского языка и его диалектов, чему способствовали его почти ежегодные экспедиционные поездки в регионы, населенные марийцами. Среди этих статей особого внимания заслуживают работы фонологического плана, такие как «О составе и системе согласных фонем лугового диалекта марийского языка» (Ученые записки Марийского педагогического института. Т. XVI. Йошкар-Ола, 1958), «Видоизменение (модификация) фонем марийского языка» (Тр. МарНИИ. Вып. X. Йошкар-Ола, 1957), «Die Vokale der Waldmundart des Marischen im Lichte der Versuchsergebniss» (ALHung X 1960), «О составе фонем сардаяльско-арборского говора марийского языка» (Тр. МарНИИ. Вып. XIII. Йошкар-Ола, 1960), «Редуцированные гласные марийского языка (качественно-количественное описание)» (Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола, 1964) «К проблеме акцентологии в марийском языке» (Звуковой строй языка. Москва, 1979).

Исследование фонетики современного марийского языка и его диалектов, разнообразием которых марийский язык выделяется среди других финно-угорских языков, заставило Л. П. Грузова все явления языка рассматривать в историческом плане. Пять лет упорного труда позволили ему создать первую в марийском языкознании по сути историческую фонетику марийских диалектов. Его монография «Фонетика диалектов марийского языка в историческом осве-

щении» (Йошкар-Ола, 1964) — прямое свидетельство этому. Позже написанные статьи его последователей содержат лишь уточнения частного характера. Это фундаментальное исследование послужило основой для докторской диссертации на тему «Историческая фонетика марийского языка», которую Л. П. Грузов успешно защитил на объединенном Ученом совете филологического и восточного факультетов Ленинградского университета в 1967 году. Через два года он опубликовал учебник для высшей школы «Историческая грамматика марийского языка. Введение. Фонетика» (Йошкар-Ола, 1969), который к настоящему времени стал уже библиографической редкостью. В статьях, посвященных тому или иному вопросу исторической фонетики марийского языка, Л. П. Грузов с предельной аргументированностью старался довести до читателя свою идею и доказать ее правоту: «О редуцированных гласных марийского языка и их истории» (Вопросы финно-угорского языкознания. Москва — Ленинград, 1964), «Из истории гласных заударных слогов марийского языка» (Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола, 1964), «Исторические изменения гласных в марийском языке» (Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964), «К истории согласных ш, с, с' в марийском языке» (Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. III. Йошкар-Ола, 1964), «Следы финно-угорских аффрикат в диалектах марийского языка» (СФУ I 1965), «Изменение фонологической системы марийского языка» (Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1968).

Весьма содержательны и интересны работы Л. П. Грузова по общему финно-угроведению, в которых по-новому ставятся и решаются вопросы: «К проблеме развития редуцированных гласных в языках Волго-Камья» (СФУ II 1966), «Фонетика диалектов марийского языка в связи с проблемой происхождения марийцев» (Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967), «Общие и специфические явления в развитии консонантизма в марийском и мордовских языках» (Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970), «К проблеме гармонии гласных в финно-угорских языках» (CIFU III), «К проблеме звонких согласных в финно-угорских языках» (СФУ XXII 1986).

Много внимания уделял профессор Л. П. Грузов проблеме языковых контактов и межъязыковой интерференции. Особо важно, что эти вопросы он рассматривал на фонологическом уровне. Весьма интересна с общеязыковедческой точки зрения его работа «Интерференция на фонологическом уровне в условиях марийско-русского двуязычия» (Проблемы русско-финно-угорского двуязычия. Йошкар-Ола, 1982). Этой же проблеме посвящена работа «Особенности русской речи мари в области гласных» (Взаимовлияние язы-

ков: лингвосоциологический и педагогический аспект. Чебоксары, 1984). Проблеме фонологической проницаемости посвящена статья «Фонологическая проницаемость в условиях билингвизма (на материале финно-угорских языков)» (Viertes Internationales Symposion «Uralische Phonologie». Hamburg, 1989).

Хорошее учебное пособие написал Л. П. Грузов для учителей русского языка в марийских школах — «Обучение мари русскому произношению» (Йошкар-Ола, 1972). Ряд статей касается также особенностей русской речи учащихся-марийцев. Так, в статье «Характерные фонетические особенности в русской речи учащихся-мари» (Некоторые вопросы преподавания русского языка и литературы в марийской школе. Йошкар-Ола, 1964) он не только устанавливает особенности русской речи этих учащихся, но и дает методические указания по исправлению их.

Интересы ученого не ограничивались только фонетикой. Он активно участвовал в лексикографической работе. Его перу принадлежит часть «Русско-марийского словаря» (буква В; Москва, 1966) и «Словаря марийского языка». Уделял внимание Л. П. Грузов и марийской орфографии, о чем свидетельствуют статьи «О правописании сложных слов в марийском языке» (Ончыко, 1962, № 2), «Пора унифицировать орфографию» (Ончыко, 1963, № 1). В последнее время он возглавлял орфоэпическую комиссию по марийскому литературноу произношению. Скоро будут впервые изданы нормы марийского литературного произношения и орфоэпический словарь. Много времени профессор Л. П. Грузов уделял истории марийского языкознания. В книге «Марий йылме тӱнямбалне» (Йошкар-Ола, 1991) популярно излагается история развития марийского языкознания и изучения марийского языка за пределами Марийской республики. Профессором Л. П. Грузовым подготовлена к печати большая монография по русскому литературному произношению в условиях марийско-русского двуязычия.

Память о Леониде Петровиче Грузове навсегда сохранится в наших сердцах.

Иван Галкин, Аркадий Ефремов
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КЛИМА ЛАСЛО — профессор Будапештского университета.

МАКАРОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ — старший научный сотрудник Института истории и культуры Урала при Уральском государственном университете, кандидат исторических наук, специалист в области средневековой истории Прикамья.

НИКИТИНА ТАТЬЯНА БАГИШЕВНА — заместитель директора МарНИИ, кандидат исторических наук, специалист в области средневековой истории Марийского Поволжья.

ИГНАЕВА РОЗА ПАВЛОВНА — аспирант кафедры марийского и финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

ДОБРОДОМОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ — заведующий кафедрой Московского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор.

ГАЛКИН ИВАН СТЕПАНОВИЧ — профессор кафедры марийского и финно-угорского языкознания Марийского государственного университета, специалист в области грамматики марийского языка и финно-угорской топонимики.

КУРС ОТТ — профессор Института географии Тартуского университета.

АМЕЛЬЧЕНКО ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА — научный сотрудник отдела языка МарНИИ.

ЖЕРЕБЦОВ ИГОРЬ ЛЮБОМИРОВИЧ — старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, кандидат исторических наук, специалист по этнологии коми.

АЙПЛАТОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ —доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, кандидат исторических наук, специалист по средневековой истории Марийского Поволжья.

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ — заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, специалист по истории Марийского Поволжья.

МОКШИН НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ — заведующий кафедрой археологии, этнологии и отечественной истории Мордовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, специалист по этнологии мордовского народа.

САНУКОВ КСЕНОФОНТ НИКАНОРОВИЧ — заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета, профессор, доктор исторических наук, академик Академии гуманитарных наук. Исследует историю культуры марийского народа, современные этнические процессы у финно-угорских этносов.

ЕФРЕМОВ АРКАДИЙ СЕМЁНОВИЧ — заместитель директора Мар НИИ, кандидат филологических наук, занимается проблемами марийской лексикологии.

CONTENTS

ARTICLES

L. Klima. Ancient history of Hungarians and their national consciousness. 3
L. Makarov. Paganism and Christianity in spiritual life of population lived in the region between Kama and Viatka during the developed and the late Middle Ages. 23
T. Nikitina. About the source of Mari ethnos. 50
E. Cyganov. Komi literary language potentials and language policy. 67
R. Ignaeva. Some ways of expressing the category of quantity by means of numerals in Mari Language. 79

REPORTS

I. Dobrodomov. To the Meryak name of «a cow» (source study and etymology). .. 85
I. Galkin. The origin and the development of meaning of some Mari words. 92
O. Kurs. The basis of the language planning (on the example of Estonian language. 98
T. Amelchenko. One more time about the infinitive ending with — «ash». 103

PERSONS

I.Zherebtsov. Ethnographer Lubomir Zherebtsov. 108
L. Klima. Peter Domokoch — 60 years. Review and recensions. 123

REVIEW AND RECENSIONS

G. Aiplatov, A. Ivanov. Rev. Grishkina M.V., Udmurts: sketches from history. IX— XIX centuries.— Izhevsk, 1994. 129
O. Kurs. Rev. Kulu Hill. Estonians in the world: review about numerical structure and settling. Tartu. Tarty University. 1992, p. 155. 134
N. Mokshin. Rev. Poluboyarov. M. S. Moksha Sura and others. M. 1992, p. 198. 137
X. Sanukov. Pev. V. I. Rybalka. Sworn Brother. The Mari-Hungarian co-operation in 1971-1996. Ioshkar-Ola, 1996. p. 128. 140
I. Galkin, A. Efremov. To the memory of Leonid Petrovich Gruzov (1931—1996). 143
Information about authors. 147

«Финно-угроведение», 1996, № 2.
Научный журнал.
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 5-37-34

Редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Т. А. Турусиновой*
Корректоры: *Г. И. Армякова, Л. И. Алексеева*

Журнал набран и сверстан
издательско-компьютерным центром МПИК

Сдано в набор 24.06.96. Подписано в печать 30.07.96.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,25.
ИКЦ № 71. Заказ № 275. Тираж 500 экз.

Марийский полиграфическо-издательский комбинат
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112